

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

ТЕ ЖЕ
ИСКУЧЕНС-2

Те же и Скунс

Мария Семёнова
Те же и Скунс – 2

«Азбука-Аттикус»

1999

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Семёнова М. В.

Те же и Скунс – 2 / М. В. Семёнова — «Азбука-Аттикус»,
1999 — (Те же и Скунс)

ISBN 978-5-389-16788-9

Он вернулся! Таинственный киллер по прозвищу Скунс, заставляющий трепетать криминальный мир и правоохранительные органы Петербурга, снова в деле. И вновь в борьбу с ним вступят сотрудники агентства «Эгида плюс», секретная служба по искоренению особо опасных уголовных авторитетов. Кому достанется победа в этой схватке?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-16788-9

© Семёнова М. В., 1999
© Азбука-Аттикус, 1999

Содержание

Пролог	6
Схватка в снежной пустыне	6
Когда воротимся мы в Портленд...	13
Часть первая	21
Мужчина и женщина	21
Момент истины	25
Следующий	31
Визит неприспособленного	38
Два Александра и третий Пушкин	46
Нелюбимая у окна	49
Show must go on[13]	51
Приговор	57
Стая	61
Отелло, или Искусство Мгновенного Обнажения	65
Предложение, от которого нельзя отказаться	73
Подвиг чиновника	76
Приобретение	81
Чудеса, да и только	85
Цхрыслер	87
Князь на белом коне	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Мария Семёнова

Те же и Скунс – 2

Современная сказка

Авторы сердечно благодарят

*Владимира Тагировича Тагирова,
Вадима Вадимовича Шлахтера,
Елену Владимировну Гусеву,
Алексея Анатольевича Шевченко,
Константина Константиновича Кульчицкого,
Екатерину Владимировну Полянскую,
Светлану Владимировну Моливину,
Андрея Дмитриевича Константинова,
Виктора Владимировича Напыльникова,
Павла Александровича Захарова,
Максима Ивановича Крютченко,
Данила Александровича Губарева,
Хокана Норелиуса (фирма NORANA, Швеция),
бывалого человека «Медведя»*

и многих, многих других

*за ценнейшие советы,
неоценимую поддержку
и бесценную информацию!*

Пролог

Схватка в снежной пустыне

С вечера повалил такой густой снег, что автомобили, припаркованные на маленькой стоянке, к исходу ночи превратились в сугробы. Белые одеяла сгладили привычную угловатость «вольво», сделали вовсе расплывчатыми плавные закругления «мерседесов» и уже начисто сгладили эфемерные внешние различия между разными моделями «жигулей». Стоянка работала круглосуточно, машины прибывали и убывали в любые часы, но эта декабрьская ночь выдалась тихой. Наверное, сказывалась близость Нового года, когда в деловой активности уже наступило предпраздничное затишье, а время ехать в гости ещё не пришло. Дежурный кладовщик Вячеслав Вершинин так и просидел в своей сторожке, греясь возле электрической печки и наблюдая сквозь маленькое окно, как в мертвенном свете двух фонарей исчезают сперва яркие краски, а после и характерные силуэты машин. Похоже, народ прочно засел по домам: за всю ночь ни один постоянный клиент не явился откапывать свою ласточку для внезапной и срочной поездки. Не было и чужаков, являвшихся иногда по несколько раз за ночь со слёзными просьбами приютить машину хоть до утра.

Скучно...

Тихо падал снег, крупные влажные хлопья медленно кружились в неживых лучах фонарей, и в стриженую (он стригся по-прежнему коротко, хотя никто больше не требовал) голову Славика лезли всякие мысли. Большею частью, как водится, не очень-то весёлые. О том, чего он, сложись всё по уму, мог бы в жизни достичь. О том, чего – как теперь казалось – он уже почти достиг. А потом так внезапно и глупо утратил. Угодив в итоге с хорошего места в крупной процветающей фирме на эту сраную автостоянку. На должность, название-то которой ему до сих пор выговаривать было противно. Да скажи кто ему ещё полгода назад...

Нет, правду, наверное, болтают, будто все самоубийства вот в такое время и происходят – на излёте ночи, притом что на рассвет нет ещё никакого намёка, где-то с двух до шести. Ну то есть Славик, конечно, в петлю лезть покуда не собирался. И жизнь ему ни в коем разе ещё не надоела, удавшаяся там, не удавшаяся. Просто...

Скорее бы, что ли, утро пришло.

Ночная жизнь города весьма отличается от дневной. Не та «ночная жизнь», которая обычно так называется, – всякие там бары, сверкающие рестораны и клубы со стриптизом, – а скрытое от случайных глаз копошение, составляющее истинную жизнедеятельность никогда полностью не засыпающего муравейника. Людям, привыкшим коротать ночи под крышей, с наступлением темноты кажется, будто привычная среда за дверьми их уютных квартир внезапно становится сугубо враждебной и начинает таить опасности и западни, точно гробница египетского фараона. Улицы и дворы лишаются «защитного слоя» в виде спешащего куда-то народа (*Почему в разгар дня посреди Невского нельзя изнасиловать женщину? – Потому что советами замучают...*) и становятся звериными тропами в каменных дебрях, где каждый – сам за себя. Или, что гораздо выгоднее, за свою стаю. И бесплатных советов уж точно нечего опасаться. Когда Славику довелось причаститься этой стороны жизни, он стал смотреть на утреннюю толпу спешащих на работу горожан с чувством тайного превосходства. Как на людей, которые о-очень о многом, на своё счастье, не подозревают.

Хотя ему самому в те времена платили вполне приличные бабки (хватило однокомнатную купить, пусть даже и в районе «Трёх Дураков», в хрущёвской пятиэтажке) именно за то, что он кое о чём тоже как бы не подозревал. Он и сохранял старательную неосведомлённость. До того самого случая...

Ну уж это – нет! Прочь, прочь!.. Размышлять на тему «Что было бы, если...» и предаваться безрадостным воспоминаниям у Славика никакого желания не было. Он в очередной раз посмотрел на часы и увидел, что голубая подсветка дисплейчика готова вот-вот озарить цифру «четыре». Пора! Дежурный кладовщик потянулся было к дублёному полушубку, но передумал и остался как был – в толстом свитере с ткаными вставками на плечах, только натянул вязаную лыжную шапочку. Потом полез под диванчик и выудил громадные растоптанные валенки в потерявших форму калошах. Валенки были, вообще-то, казённые, со всеми вытекающими отсюда последствиями: затасканные, неистребимо вонючие. Славик подобной обуви весьма не любил, зная, что с неё можно подхватить на ноги грибок. Однако сырой снег был по голень и неминуемо промочил и испортил бы тёплые ботинки, в которых чёрт его дёрнул припереться на службу. А может быть, просто понемногу уходила брезгливость – вместе со всем остальным, что по крайней мере в собственных глазах ещё отличало его от уже не мечтавших никуда подниматься стояночных аборигенов?.. Как бы то ни было, Славик обулся, распахнул дверь и решительно вышел наружу.

После жарко нагретого печкой, но довольно-таки спёртого, надышанного воздуха в будке холодный и чистый, ещё не испорченный выхлопами уличный показался Славику эликсиром жизни и молодости. Он поглубже натянул рабочие кожаные рукавицы (тоже, кстати, общественные – не забыть руки потом как следует вымыть), взял прислонённую к стенке деревянную лопату и зашагал, высоко поднимая ноги, по белой, синевато искрящейся при фонарях целине – расчищать проезды. Надо же было отрабатывать денежки, что приплачивали ему некоторые автовладельцы, возникавшие на горизонте аж в шесть утра и, конечно, желавшие немедленно ехать. И конечно, по закону стервозности их машины стояли по самым дальним углам. Откуда и так фиг ли выедешь, а уж на приземистой иномарке да по рыхлому снегу...

Снег предстояло наваливать на подобие санок, сделанных из железного листа и лохматого куска буксирного троса. А потом, впрягшись, вытаскивать за ворота и опрокидывать у забора.

Работа была тяжёлой. Когда он только здесь появился, перспектива уборки снега (пусть даже за определённую плату) вызвала у него тихое внутреннее возмущение. Он здраво счёл его отрыжкой прежнего благополучия – и проглотил. Теперь, месяц спустя, ему даже нравилось наводить в своих владениях чистоту. Изматывающий физический труд некоторым образом отгонял тяжёлые мысли: опрокидывая последние санки, не вдруг вспомнишь, о чём страдал, поднимая первую лопату. При всём том у Вячеслава было предчувствие, что особо долго он на этой стоянке не задержится. Чёрт возьми – чего доброго, ещё будет ему потом этого самого снега недоставать...

Как и полагалось, Славик начал от ворот. И наполовину расчистил самый ближний проезд, когда по бетонному забору какого-то предприятия, расположенного на той стороне улочки, мазнули лучи фар. Приближалась машина. Что могло в подобный час понадобиться здесь водителю, кроме места на автостоянке, в поисках которого бедняга, вполне вероятно, не один час мотался по городу?.. Славик гулко пнул ногой санки, вытряхивая слипшийся снег, затащил орудие труда обратно на территорию и встал у опущенного шлагбаума, готовясь к переговорам.

Такие вот полуночные посетители, как он уже понял, в бедной событиями жизни дежурного кладовщика были и развлечением, и хлебным приварком. Развлечением – ибо почти каждый считал долгом поведать ему о своих злоключениях на дороге, помыть косточки ГАИ. Что же касается хлебного приварка... О, это оказалось целой наукой – небрежно произносить цену (почему-то полуторную для иномарок), прикидывать степень забеганности клиента и учитывать всяческие нюансы. К примеру, транзитные номера за стеклом. Или циферку, определяющую иногороднюю принадлежность машины. Проще говоря – соображать, на сколько удастся этого самого клиента «расстегнуть» в свою пользу. Сказал бы кто Славику полгода назад, до какого промысла он скоро докатится!.. И какие суммы более не будут являться для него смехотворными!..

Он стащил рукавицу, вытер мокрое от пота лицо и оценивающе посмотрел на пробиравшийся по ухабистой улице джип. «Лендкрузер» был до того грязен, что и под фонарями не удавалось различить даже его цвет, не говоря уже о номерах. Сразу видно – машина в последние несколько часов одолела приличное расстояние. Дворники деловито сновали по лобовому стеклу и по фарам, сметая брызги, взлетающие из-под колёс. То ли из-за скверной видимости, то ли просто ради понта у «лендкрузера» были дополнительно включены ещё и туманные фары, и вроде бы малоодобряемая правилами «люстра» на крыше. Тяжёлый джип надвигался сквозь уличную темноту, точно летающая тарелка из фильма про нашествие инопланетян. Поток света резал глаза, и Славик досадливо сморщился, прикрываясь рукой.

Потом его посетила внезапная и нехорошая мысль о добрых молодцах, которые силовым порядком загонят свой агрегат на абсолютно чужое место и удалятся со словами: «Мы казанские, мы не платим!» Как в этом случае поступать, Славик, в принципе, знал, но всё же испытал немалое облегчение, когда водитель просто высунулся в окошко и проорал сквозь глухое урчание двигателя и громкую музыку в салоне:

– Эй, командир! На сутки не приютишь?..

Славик задумчиво посмотрел на часы. Четыре двадцать одна. Потом как бы нехотя обвёл глазами стоянку и даже рукой показал:

– По мне-то – хоть на год, да где ж я вам место возьму?

Водитель джипа досадливо хлопнул ладонью по грязной дверце и начал невнятно ругаться, а Славик доброжелательно продолжал:

– Хотите, можете поставить снаружи возле ворот, всё-таки под присмотром... Бесплатно, опять же...

Кто в своём уме бросит чуть не сто тысяч долларов хоть и возле будки с дежурным кладовщиком, но всё-таки за воротами? Там, куда – случись что – юрисдикция этого самого кладовщика категорически не простирается?.. В правой дверце джипа слышно загудел электромоторчик, стекло отъехало вниз, и наружу высунулась ещё одна голова:

– А на раскат? На раскат, может, поставишь?

Раскат – это вереница автомобилей, не имеющих постоянной «прописки» и устроенных впритык друг за дружкой в проездах. Он потому так и называется, что машины не ставят ни на передачу, ни на тормоз, ни, боже упаси, на сигнализацию: нарочно затем, чтобы при необходимости – если владелец не оставил ключи – откатывать их в сторонку прямо руками.

– На раскат!.. – Славик притопнул по снегу и засмеялся. – Да вы что, ребята? Вы бы ещё на танке приехали. Его же без тягача с места не сдвинешь! Я «ниву»-то намеренно поставил, так всё уже проклял, пупок чуть не развязался толкать...

Это не было прямым отказом и содержало намёк, который сидевшими в «лендкрузере» был воспринят мгновенно.

– Тягач так тягач, какая проблема? – вскинул руку водитель. – Двдцатки хватит?

Он говорил по-русски вроде без всякого акцента, но жест показался определённо кавказским. Славик не один раз слышал о том, будто серьёзные джипы вроде «лендкрузера» часто угоняют «в Чечню». Ему было, собственно, наплевать.

– Чего? – спросил он на всякий случай.

Из машины укоризненно ответили:

– Ну не рублей же.

За двадцать долларов к Славику соседю по лестничной площадке приходил компьютерный гений, вкалывал как проклятый и ушёл чуть не в двенадцать ночи, весьма довольный оплатой. Сам Славик примерно тогда же под настроение посещал «кабаки», где одна закуска стоила дороже. Думал ли он, что всего через полгода несчастная двадцатка и для него станет внушительной суммой...

– Ладно, – сказал он вслух. – С тягачом – можно, пожалуй...

Прислонил санки к сетчатому забору, воткнул в снег лопату и пошёл поднимать шлагбаум.

Джип, сам способный тащить небольшую стратегическую ракету, заворчал громче, осторожно втягиваясь в ворота. Двое пассажиров выскочили из машины и, кажется, устроились у ворот покурить, ещё один остался внутри – помочь водителю, присмотреть за правым бортом весьма широкого джипа. Славик пошёл впереди, указывая, куда ехать. Народная мудрость времён развитого социализма гласила: как бы ни был набит трамвай, в него всегда вместится ещё один человек. Вот и на стоянке обычно имелось в запасе местечко-другое – резерв главного командования как раз про такой случай. Славик провёл сдержанно пыхтевший «лендкрузер» мимо двух первых рядов припаркованных автомобилей, потом жестом пригласил свернуть вправо. Ехать осталось метров пять, но там было ещё не расчищено, и он обернулся к водителю, желая спросить, будет ли тот ломиться по целине – или подождёт, пока он, Славик, вернётся с лопатой?..

Мог ли он знать, что эта услужливость в конечном счёте здорово продлит ему жизнь!.. В этот угол стоянки как раз достигало бледное сияние фонаря, и Славик, ещё не до конца обернувшись, успел краем глаза подметить напряжённое лицо водителя, оскалившего зубы словно бы перед каким-то решительным действием. Он не успел родить никакой осознанной мысли, но, когда в следующий миг мотор джипа бешено взревел и бросил тяжёлую машину вперёд, прямо на него, – Славик был хотя бы отчасти предупреждён. И только поэтому успел отчаянно сигануть в сторону, уходя от удара. Он был неплохо тренирован и, рухнув спиной на капот древнего «москвича», немедленно перекатился назад, приземлившись в снег по ту сторону машины. И правильно сделал. Мимо его головы тотчас свистнула увесистая арматура. Это выскочили из-за необъятной кормы джипа и грамотно вступили в сражение те двое, якобы оставшиеся покурить. «Лендкрузер» кровожадно вскрикнул тормозами, гася пропавший вхолостую удар и поспевая остановиться буквально в сантиметре от прочной решётки. Ему пришлось сдавать на целый корпус назад, прежде чем водитель с оставшимся пассажиром сумели открыть дверцы и выбраться вон. Промежуток между машинами, куда они ухитрились втиснуть свой танк, был предназначен разве для недокормленной «таврии», но никак не для заморского чудища.

Вскочивший на ноги Славик уже летел по засыпанному рыхлым снегом проезду, бросаясь из стороны в сторону и всякий миг ожидая выстрела в спину. Ноги в валенках сорок седьмого размера то подворачивались, то увязали в снегу, воздух обдирает горло и не достигал лёгких. Славик мчался кружным путём, пытаясь обогнуть два срединных ряда автомобилей, обрамлённых пресловутым раскатом, и первым достигнуть сторожки. Если те ребята сообразят, что к чему, и отрежут его...

Стрелять нападавшие по какой-то причине не стали. Пальба – дело шумное; стоянка же хоть и упиралась одним концом в промышленные трубы, но находилась всё-таки не совсем на задворках – с другой стороны маячили жилые пятиэтажки. Мало ли в какой из них могла сыскаться мучимая бессонницей старая перечница, склонная чуть что хватать телефон и звонить в отделение... Судя по всему, нападавшим хотелось бы обойтись без шумных скандалов. Двое «курильщиков» побросали свои железяки и надсадно взрывали ботинками снег, устремившись в погоню за беглецом. Водитель разворачивал джип, не без труда извлекая его из узкой щели, четвёртый член команды – явно вожак – метался с места на место, отслеживая ситуацию в целом. Когда он сообразил, что жертва нападения вовсе не намерена карабкаться по решётке или проникать в потайную нору, покидая таким образом вверенную территорию, – он крикнул поделщикам, и те разделились. Один продолжил погоню, второй решил срезать угол и полез через припаркованные автомобили.

Два срединных ряда, разграниченные верёвочкой с номерами, стояли корма к корме, и в каждом ряду между машинами можно было свободно пройти. Но перед капотами у той и другой шеренги, точно вереница больших угловатых торосов, бампер к бамперу стоял зава-

ленный снегом раскат. Славиков преследователь только собрался махнуть через капот густо заснеженной «нивы» и уже схватился, как за перила, за передние дуги автомобиля, – когда внутри машины что-то громко всхлипнуло, чавкнуло и загудело, словно небольшая турбинка готового взлететь самолёта. Звук был не то чтобы пугающим или грозным, но весьма неожиданным. Вскочивший на «ниву» головорез невольно отпрянул, и этого хватило. Нога соскользнула с обледенелой стальной трубы, метко угодив между передними «рогами» советского вездехода и бампером стоявшего вплотную «пассата». Парень зло рванулся, но вывернутую ступню заклинило на редкость добротно. Ругаясь, он рванулся ещё, на сей раз – изо всех сил... дуги под руками качнулись, и ему показалось, будто таинственно бормочущая «нива» тронулась с места, безжалостно прижимая его к немецкой машине. На самом деле под капотом всего лишь оживала по команде таймера маленькая автономная печка, отогревавшая двигатель перед пуском. Сдвинуть «ниву» безобидная печечка даже теоретически не могла, однако у страха глаза велики. Налётчик явственно слышал хруст собственных костей и бездушный скрежет металла. Он завопил так, что было слышно куда там на всю стоянку – даже и в пятиэтажках, где, по идее, могла бодрствовать кляузная старушенция при телефоне.

Увы, оборачиваться на крик и тем более спешить на помощь было особо некому. Дежурный кладовщик, оказавшийся поразительно быстроногим, молча миновал застрявшего и во всю прыть понёсся к сторожке, и за ним, не в силах сократить дистанцию, тяжело протопал преследователь. Вожак, переминавшийся у джипа, наконец просчитал действия беглеца, вовремя бросился наперерез и даже успел схватить Славика за свитер. Однако удержать не сумел. Пойманный не стал вырываться: нырнул в сторону, так что нападавшего мотнуло вкруговую и ударило об одну из машин. Вцепившиеся пальцы слетели с толстого вязаного рукава – Славик кинулся дальше.

Когда он взмыл по ступенькам и юркнул в сторожку, следом за ним устремились все четверо. Было ясно, что втихую дело уже не закончится. Ясно было и то, что на решение вопросов остались считанные минуты. Сейчас он там нажмёт – если ещё не нажал – тревожную кнопку, и в направлении стоянки, возможно, уже поспешает ближайшая группа захвата или патруль. Надо было, блин, «муху» с собой, да гранатой, да издали, да сразу в огненные клочки...

Знать бы прикуп, жили бы в Сочи. Совершенно неожиданно кладовщик снова выскочил на крылечко, и в руках у него был... нет, не гранатомёт, но тоже неплохо. Славик стискивал ладонями рифлёную рукоятку «ТТ».

– Вот что, мудаки... – прохрипел он, задыхаясь после отчаянного бега.

Троица, подскочившая было уже к самым ступеням, невольно качнулась назад. Четвёртый, наконец-то выпутавшийся из ловушки и донельзя раздосадованный пережитым унижительным страхом, сделал ещё два шага по направлению к подельникам, но затем тоже остановился. Когда им рассказывали про этого парня, его обрисовали как туповатого, нерешительного и безвольного. Всё поначалу и шло, как предполагалось. И – нате, пожалуйста.

– Вот что, мудаки... – повторил Славик, и каждому показалось, будто пистолет смотрел в лоб лично ему. – Вы вчетвером, я всех не успею... Но первого, кто подойдёт... Да и второго, пожалуй...

По лицу у него тёк пот пополам со снегом, растаявшим в волосах (шапочку потерял во время погони), глаза были сумасшедшие, лёгкие горели в груди. Но, что интересно, руки с «ТТ» ничуть не дрожали. Двоих не двоих, а первого, шагнувшего вперёд, он уложит точно. Это сомнению не подлежало.

– Ты чё, пацан? – поинтересовался вожак. Он сохранил наибольшее хладнокровие.

– А ничё, – отозвался Славик.

Будь рядом напарник, они могли бы уложить всю братву как миленьких мордами в снег, повязать и сдать по назначению. Возможно, Славик справился бы и один, уповая на то, что

среди налётчиков не найдётся ни одного камикадзе... Вот только стоило ли это делать? Он принял решение не задумываясь. Немного перевёл дух – и мотнул головой в сторону джипа:

– Валяйте, грузитесь в тачку... и мотайте на хрен отсюда...

Им, понятно, было обидно, что дело окончилось таким бездарным провалом. Пока они залезали в машину, Славику пришлось выслушать изрядное количество нелестных эпитетов и самых чёрных угроз. Он на непарламентские выражения внимания не обращал, отдавая себе отчёт, что произносились они вполголоса, да и резких движений ни один старался не совершать. Наконец «лендкрузер», переваливаясь, выполз за ворота и укатил прочь на скорости, исключавшей возможность десанта и тайного возвращения. Когда его кормовые огни исчезли за поворотом, Славик наконец-то опустил руки. Сведённые судорогой пальцы разжались не с первой попытки.

«Излюбленное оружие наёмных убийц» всё-таки спасло ему жизнь. Вопрос в том – надолго ли...

Теперь, когда всё вроде бы отгремело, Славика заколотила лютая дрожь. Он вернулся в будочку и сел на пороге, прислонившись к двери.

Господи, если Ты есть, сделай так, чтобы они не вернулись. Чтобы на том всё и кончилось...

Очень хотелось надеяться, но Славик кое-что повидал в жизни. И оттого понимал: вот уж это навряд ли.

Он вдруг почувствовал себя в натоленной и уютной сторожке, как в мышеловке, и опять вышел за дверь. Очень скоро оказалось, что внутри и снаружи было одинаково страшно.

А всего больше хотелось вскочить в первый попавшийся поезд и уехать на нём далеко-далеко, например, с Ладожского вокзала. Заменяв по дороге все документы и желательно внешность. Обрубить все концы, осесть в далёком посёлке... на ханты-мансийке жениться...

Может, так ему и следовало поступить? Причём прямо сейчас, даже сменщика не дожидаясь?..

Славик не послушался первого душевного поползновения и никуда не помчался. А поскольку стоять просто так было холодно – вернулся к занятию, прерванному визитом разбойников. Выволок санки и вновь принялся растаскивать снег. После того предельного напряжения, которое ему только что довелось пережить, обычные земные дела казались мелкими и совершенно неважными. Но как прикажете объяснять это клиентам, которые уже совсем скоро потянутся сюда за своими машинами? Хоть тому же владельцу «нивы», которая в ожидании прихода хозяина не только прогрелась, но и почти успела обтаять?

Славик хотя и предупреждён был о печке, но тоже шарахнулся, непроизвольно хватая засунутый за ремень пистолет, когда по лобовому стеклу «нивы» с шорохом соскользнул толстый пласт снега.

И ему совершенно не хотелось кому-то что-то объяснять. Были причины.

Нагружая и вытряхивая тяжёлые санки, Славик всё время косился по сторонам и раздумывал, зачем всё-таки приезжали те четверо. Версии возникали одна за другой, но все выглядели неубедительными. Он сам понимал, что хватается за соломинку, не желая думать о самом вероятном и самом пугающем.

...Серебристый «мерсюк», дремлющий возле будочки, решили спереть? Или (во смех!) недавно появившуюся тольяттинскую «десятку»? Хотя почему смех, они что закажут им, то и крадут, хоть «запорожец» – лишь бы денежки уплатили... Ладно, свяжи сторожа и угоняй, сколько рук хватит. Но с мокрухи начинать? Лишнее в случае чего на себя вешать?.. Не, ребята. Так дело не делается.

...Выручку хотели отнять? Это уже действительно смех. Курам который.

...Чужая «крыша» наехала для убедительных действий?.. Так опять же – свяжи сторожа и бей-ломай-круши, тещь широкую душеньку... Славик подобрался к голубому «Моск-

вичу-408», через который двадцать минут назад летел в отчаянном кувырке. Видение промятого капота и осатаневшего владельца машины – инвалида войны, между прочим, – неотвязно маячило перед глазами всё то время, пока он бережно счищал снег... К его великому облегчению, прочная древняя техника нисколько не пострадала. Капот не промялся, даже не поцарапался... Тут Славику что-то попало под ноги. Он наклонился и поднял увесистый металлический прут.

Орудие убийства. Чуть было не состоявшегося...

Те, на «лендкрузере», явились не ради наезда, не за грошовой выручкой, могущей осесть у ночного дежурного кладовщика, и не за дорогим автомобилем для новоявленного богатея. Ну то есть *после* они, ясное дело, симитировали бы всё, что угодно. После. Когда сделали бы то, зачем в действительности приезжали. То, что они, скорее всего, собирались замаскировать под неумышленную случайность...

Им нужна была его, Славика Вершинина, голова. И он с хорошей вероятностью догадывался, кто их за нею послал.

Город тем временем вовсю просыпался, над улицами расползалось в низких облаках мрачно-рыжее зарево: начали включаться фонари. Одинокий человек посреди окраинной автостоянки поднял лицо к небу, с которого ещё слетали редкие хлопья, и некоторое время стоял так, зажмурив глаза, словно не желая смотреть на окружающий мир. Ему хотелось завывать.

Потом вновь впрягся в саночки и поволок их за ворота...

Когда воротимся мы в Портленд...

Несколько суток спустя он лежал на диване в своей однокомнатной и разглядывал потолок. Все запасы спиртного, имевшиеся у него в доме, давно были выпиты. И не только выпиты, но успели проделать по организму полный физиологический путь и естественным порядком отправиться в канализацию. Даже похмелье и то рассосалось без всякого «Andrew's Answer»... Славик никогда не был сторонником запасов. Что понадобилось – смотался в магазин и принёс. Кто ж мог знать, при каких обстоятельствах ему доведётся понять свою (царствие ей небесное) бабушку, которая упрямо выстаивала в очередях за дефицитными импортными макаронами, а потом укладывала длинные красно-зелёные коробочки штабелями в кладовку – «на чёрный день»?..

Макарон у него, кстати, нынче тоже не было. Весь продовольственный фонд составляли два сырых яйца на полочке в холодильнике. Можно сварить их и съесть. А можно поджарить. Если удастся натрясти капельку масла из импортной банки, уже сунутой в ведро для выбрасывания...

В ночь нападения он ещё несколько часов героически сгребал снег из проездов и выпускал за ворота владельцев машин, торопившихся по неотложным делам. Принимать кого-либо на постой – и переживать по поводу вероятного возвращения убийц, – слава Аллаху, больше не довелось. Потом он сдал дела сменщику, пожилому, всегда оптимистично настроенному дядьке из бывших военных. Славик предупредил его, что вроде как приболел и сможет ли выйти в свой очередной день – неведомо. «Это ты, парень, наверняка грипп подхватил, – авторитетно заявил сменщик. Славик ему нравился: напоминал умершего сына. – Сейчас знаешь какой грипп ходит? Опять из Гонконга. Три дня непонятная температура, потом по всему телу красная сыпь...»

Славик отмахнулся, и бывший прапорщик осерчал: «Это вам, молодым, всё море по колено, а потом как прихватит!.. Ты знаешь что сделай? купи „Сибирской“ бутылку и жгучий перчик туда на нитке пусти. Дай поплавать неделю, потом пей. Напалм!.. Средство проверенное... – Дядя Витя помрачнел и добавил: – Вот только внучке, пацанке, давать боюсь, соплива ещё водку-то жрать. Вакцину для профилактики им в садике обещают-обещают, а в Москве, говорят, уже смертные случаи есть... С детьми причём... В „Апашке“ у чёрных сам видел – полпенсии, да ещё того гляди всучат бодягу... Со СПИДом бесплатным... Так ты перчик сам купишь или, может, тебе принести? Мне земляк с Ташкента таких прислал – хоть пожарников вызывай...»

Славик заверил дядю Витю, что всенепременно заглянет на рынок к корейцу, торгующему пряными травками, и ушёл по тропинке через пустырь, направляясь к станции метро. Он нёс полиэтиленовый мешочек со всеми своими пожитками. Его сборы не вызвали никаких подозрений, ибо личных вещей в сторожке он не оставлял никогда, предпочитая таскать в сумке через весь город. Вот только на сей раз он знал, что больше сюда не вернётся. И дядю Витю, если ему хоть сколько-нибудь повезёт, в жизни своей уже не увидит... Получалось, предчувствие не обмануло его. Надолго на автостоянке он не задержался. Вот только почему он воображал, будто обязательно покинет её для нового взлёта?..

...Ехать было от «Проспекта Ветеранов» до «Ладожской», и в поездах, направлявшихся к центру города, давилась невыспавшаяся толпа. Люди пёрли как на субботник – а говорят ещё, будто заводы стоят. Зато из центра, как всегда по утрам, было свободно. Основной контингент составляли пенсионеры, ехавшие кто на дешёвые рынки, кто к отселившимся на окраину детям. Эти самые дети требовали независимости и невмешательства, но стариков для своих нужд мобилизовали исправно: ни с возрастом, ни с городскими расстояниями не считались. После пересадки на «Достоевской» Славик рухнул на освободившееся место и немед-

ленно задремал, не обращая внимания на ворчание бабок, тотчас объявивших его «с утра пораньше нажравшимся». Инстинкт, как обычно, разбудил его перед нужной станцией. Он дотопал домой на автопилоте и даже поставил кофе, намереваясь позавтракать, но переоценил свои силы. Начавшийся «отходняк» было уже не превозмочь. Он так и не дождался, пока отрабатает кофеварка, – переоделся в домашний спортивный костюм и прилёг на диван. Всего на минуточку. Когда он снова открыл глаза, за окном опять сгущалась темнота. Что в позднедекабрьском Питере соответствует часам этак трём дня. Он посмотрел на подсвеченный дисплей наручных «Касио» и чуть успокоился. По крайней мере, день недели был всё ещё тот же. А значит, он проспал лишь несколько часов, а не сутки с хвостиком, как ему показалось вначале. Хотя, если подумать, какое это имело значение?

Снов своих Славик позже вспомнить не мог, только то, что, проснувшись, испытал немалое облегчение. Он хмуро покосился на кофеварку, безропотно державшую на подогреве бурую жидкость, начисто утратившую аромат. Потом полез в холодильник и обнаружил, что у него кончилось масло.

Район «Трёх Дураков» получил своё прозвание ещё в социалистическую эпоху. Как гласила одна из версий – затем, что здесь имели место проспекты Наставников, Ударников и Передовиков. Тех, кого тогдашняя пресса, призывавшая молодёжь стройными рядами в ПТУ, каждый день по десять раз называла героями нашего времени. Другая версия подразумевала, что только дурак согласится переехать в район, застроенный очень по-нашенски: одни жилые дома и практически никаких магазинов. Магазины и красивые здания, предназначенные составлять фасады кварталов, были запланированы на потом. Когда вечно неимущее (и куда только оно нефтедоллары девало в те времена?) государство наконец-то разбогатеет.

Деньги – и то не у государства – нашлись, когда первопоселенцы успели состариться. Через два двора от Славикова дома вдруг выросла добротная тонированная стекляшка, в которой открылся неплохой круглосуточный универсам. Там продавалась уйма аппетитнейших вещей, начиная от сёмги и парной свинины и кончая продуктами для диабетиков. По мнению окрестного населения, магазин был дороговатый. Славик – до последнего времени – было как раз.

Он решил сходить туда за «Валио» или вологодским и присмотреть ещё чего-нибудь вкусенького для успокоения нервов, а заодно прогуляться по свежему воздуху. Сказано – сделано! Славик подобрал в прихожей ботинок и в задумчивости совершил с ним несколько кругов по квартире, бесцельно перекладывая предметы с места на место. Отхлебнул кофе, обжёг рот и поставил колбу обратно на подогрев. Потом бросил ботинок прямо на ковёр посреди комнаты, снял с полки блок видеокассет с записями «боёв без правил» – и взял в руки тяжёлый синеватый «ТТ». Тот самый.

Пистолет у него был «левый». Помнится, чёрт понёс его с ним, только что приобретённым, только что опробованным в загородном лесочке, мимо одного из питерских вещевых рынков... и – по великому жизненному закону – прямёхонько под омоновскую облаву. Проверившую не только пресловутых «лиц кавказской национальности», но почти подряд всех мужчин, особенно плечистых и крепких. «Оружие?» – строго спросил юный милиционер. Славик преисполнился весёлого вдохновения и ответил с улыбкой, точно младшему коллеге по службе: «А у кого его сейчас нет?» Омоновец в чёрной маске и бронежилете, ничего подобного не ожидавший, только моргнул: «Разрешение?..» Славик почувствовал себя победителем и расплылся ещё шире: «А у кого оно сейчас есть?» Милиционер о чём-то подумал, нахмурился и мотнул головой: «Проходите...»

Славик потом долго гадал, за кого его приняли. Не иначе как за *старшего брата*. При исполнении важного таинственного задания...

И вот теперь он снова держал в руках свой «ТТ», полсуток назад спасший ему жизнь, и понемногу приходил к убеждению, что пару бутербродов с твёрдокопчёной не запахло съесть

и без масла. Его передёрнуло, когда он подумал про уличный холод. Про липкий мокрый снег, который далеко не везде убрала специальная техника. Нет, действительно, глупость какая. Вовсе незачем переться наружу.

Он и не попёрся. И слопал-таки свои бутерброды без масла, и запил их не кофе, а припасённой в ячейке холодильника большой бутылкой крепкого «Хольстейна». Потом сунул в «Панасоник» кассету и один за другим просмотрел несколько старых фильмов со Шварценеггером. Особенно он любил «Хищника». Вот только в этот раз ему никак не удавалось сосредоточиться на происходившем среди кинематографических джунглей. То уплывало внимание, и он обнаруживал, что незряче таращится в телевизор, размышляя о совершенно посторонних проблемах. То начинало казаться, будто пальба и экранная ругань маскируют некие шорохи, доносящиеся из прихожей...

После пятой проверки и подкручивания всех замков он вдруг облился потом и вырубил видюшник, оборвав Шварца на полуслове. Выключил по всей квартире свет и наглухо задёрнул шторы. И долго сидел в темноте, слушая звуки отходившего ко сну дома и постепенно осознавая, что отказался от вылазки в магазин вовсе не из-за снега и холода. Да плевать он хотел на холод и нечищенные тротуары!

Он просто боялся.

Испарилось лучезарное чувство победы – ОТБИЛСЯ!!! И ещё отобьюсь, ну, кто первый?! – и на смену пришло трезвое ощущение загнанности. У него шевельнулись волосы, когда он вспомнил свою утреннюю поездку домой. Господи!.. Ему ли было не знать, как ЭТО бывает!.. Идёшь ты, к примеру, через пустырь... да какое – просто по улице! – и совершенно случайно встреченный незнакомец интеллигентно спрашивает прикурить. Или даже не спрашивает – минует тебя, слегка коснувшись рукой. Ты стоишь в набитом метро, и кто-то, притиснутый к тебе толпой, читает через твоё плечо рекламу супермаркета «Кайзер». Ты сидишь в полупустом вагоне, и дедуля с палочкой – другого места не нашёл – устраивается рядом и начинает рыться в хозяйственной сумке. Тебя останавливают в магазине: «Вы ценник не прочитаете, а то я очки дома забыл?..»

А потом твоё бездыханное тело увозят на машине с мигалкой, и равнодушный судмедэксперт извлекает на божий свет проткнувшую сердце заточку, сделанную из хрупкого надфиля.

Всё просто. И ни свидетелей, ни следов.

Да хоть бы и были – тебе-то до этого...

Если уж Михал Иванович Шлыгина... за которым Базылев, пулковские... в итоге всех дел – в собственном кабинете... длиннющим строительным гвоздём, по шляпку загнанным в глаз...

Он, Славик, ни звука тогда ни о чём не сказал. Ни единой живой душе. Ни сразу, ни после, когда его допрашивали как свидетеля. Был твёрд в показаниях: собирался домой, выглянул во двор покурить... а что дальше – полный абзац! Не видите, голова забинтована?.. Самих бы вас так, я бы посмотрел, много ли вспомните!!!

...Славик не увидел и не услышал его. Он вообще не подозревал о присутствии постороннего, пока прямо сверху не протянулись руки и не сцапали его за шею, так что дыхательное горло оказалось наглухо перекрыто. Пока Славик таращил глаза и, забыв про «стечкина» в кобуре, судорожно хватал эти руки в попытке вернуть себе способность дышать и кричать – его оторвали от земли и вознесли за край крыши. Ещё через несколько секунд он прижимался лицом к мокрому шершавому рубероиду и наконец-то мог наполнить лёгкие, но на горле по-прежнему лежали чуткие и очень жёсткие пальцы, так что на героические глупости совсем не тянуло.

Женя Крылов в гараже закричал снова. Сквозь крышу были очень хорошо слышны все подробности. Славик вздрогнул, понимая, что сам угодил в сходную ситуацию. Животное чутьё подсказывало ему: человек, державший его, никакими комплексами не мучился.

«Ну? –дохнул в ухо голос, незнакомый, но очень злоеущий. – Кто ещё в здании?..»

Но менты поняли. Умные попались. А то! Они, которые ведут такие дела, только в детективах тупые, если автору зачем-нибудь надо. А по жизни... не приведи господи. Особенно тот, на Листьева похожий, – Плещеев. Сергей Петрович. Из охранного агентства «Эгида», чья хрен знает кем всполошённая группа захвата всё обнаружила. Видали мы такие агентства... Сидел рядом со следователем и больше помалкивал, только усы теребил, слегка улыбался и смотрел сквозь очки... Смотрел, блин!..

Отставной (тогда уже) охранник шлыгинской фирмы готов был поспорить – Плещеев, сука, допёр, с какой это радости его, Славика, пощадил наёмный убийца. Тот, страшный, безжалостно отправивший на приём к Богу Шлыгина, Гошу, Ключа и Трамвая...

Допёр... и хотя бы словечко. Только в конце, когда Вершинина уже отпускали с миром, приватно отозвал его в уголок кабинета: «Возьмите визитную карточку, Вячеслав Александрович. Просто на всякий случай. Мало ли, может, со временем всё же что-то припомните...»

Славик мрачно ответил «угу» и карточку взял. Хотя на деле предпочёл бы не вспоминать, а забыть. Да как можно крепче.

...Подъёмник зарычал и завибрировал, оживая. Горизонтальные штанги медленно пошли вверх и потянули с собой привязанные руки. Женя закачался над полом, царапая по нему носками кроссовок. Он смаргивал с ресниц слёзы и пытался приподняться на носках, чтобы дать хоть какую-то передышку рукам. Ничего не получалось.

«Блин! – сказал Трамвай. – Раздеть-то забыли».

Славик не двигался с места и упорно смотрел в сторону. Остальные трое с хохотом взялись за дело.

Михаил Иванович Шлыгин сидел в десятке шагов на раскладном металлическом стуле. Наверное, он по опыту знал, что сейчас будет, и не хотел пачкаться. Гоша ударил Женю в лицо, и тот отвернулся, облизывая разбитые губы.

Трамвай, помогая ножом, с треском содрал с Жени остатки надетой под свитер тёплой рубахи... И даже подался на шаг назад, присвистнув: «Во дела, блин!..»

Гоша с Ключом немедленно оказались подле него и тоже стали смотреть, и даже Славик покосился узнать, что они там такого увидели. Коронационную татуировку вора в законе?..

Действительная причина, побуждавшая молодого шофёра даже в летнюю жару ходить с длинными рукавами, оказалась совершенно неромантической. Вся грудь и руки у Жени Крылова были испятнаны шрамами ожогов. От неестественной позы сросшаяся кожа натянулась неровными полосами и морщинами.

«Где?..» – только и спросил Славик, чувствуя, как сводит желудок.

«Дружка из бэтээра вытаскивал...» – просипел Женя.

Гоша хохотнул и стал сворачивать газеты жгутом.

«Керосинчику принести?» – деловито спросил Ключ.

Гоша отмахнулся: «Да ну тебя с твоим керосинчиком... Пожара захотел? И так обойдёмся!»

«Слышь, мужики! – сказал Славик. – Решили мочить, ну и оформляйте быстрее... А это не хрен!..»

«Что? –оскалится Гоша. – Очко на минус пошло? Тоже мне, целка завелась. Иди, поближе во дворе!»

Славик обматерил его и действительно вышел во двор, с грохотом захлопнув за собой железную дверь. Женя молча смотрел, как Гоша всё туже скручивает в руках эсгут. А потом – щёлкает импортной зажигалкой...

Плещеевская визитка и теперь лежала здесь, у него дома, запрятанная ещё надёжней «ТТ». Славик поспешно выкопал маленький бумажный прямоугольник... Тайничок оказался непотревоженным. А он-то уже решил, будто пулковские здесь побывали и, уличив его в сотрудничестве с «Эгидой»...

Что с такими делает Виталья Базылев, тоже лучше было на ночь глядя не вспоминать.

Нет, о злосчастной визитке они, по счастью, ни сном ни духом. Просто эгидовский начальник допёр сразу, а Базылев – без малого через два месяца... и то, скорее всего, не сам, только с этого утешение слабое. А коли так...

...Или это Плещеев ему идейку подкинул?! Не то подослал ухарей на «лендкрузере», чтобы Вячеслав Александрович наделал в штаны и к нему – с полным раскладом?.. «Когда воротимся мы в Портленд, мы судьям кинемся в объятья...»

Славик начал лихорадочно и сумбурно перебирать наводнившие мозг варианты, и тут у него за спиной требовательно и пронзительно заверещал телефон. Он дико оглянулся... Правду говорят, что неопределённость хуже всего. Однако всё в нём восстало против того, чтобы одним махом превратить её в определённую, когда уже не притворишься, будто всё хорошо. Тело, ещё не забывшее тренировок, сработало моментально – Славик прыгнул к стене и выдернул разъём из розетки.

И долго не мог отдышаться – совсем как на стоянке, когда с пистолетом в руках смотрел вслед отъезжавшему джипу...

В комнате стоял небольшой импортный бар, которым Славик когда-то очень гордился. Он открыл полированную дверцу и вытащил бутылку «Тигоды». На стеклянных полочках лучились гранями нарядные рюмки, но он на них не взглянул даже мельком. Торопясь, раскупорил бутылку и – любите Русь! – выхлебал содержимое прямо из горлышка. Опьянения, к его немалой досаде, почти не последовало...

Это было в первый вечер. Несколько суток назад.

Когда щетина, густо покрывшая лицо, отчётливо закурчавилась под пальцами, он понял, что начал дичать. Алкоголь к тому времени не только самым трагическим образом кончился, но даже и выветрился из мозгов, и сделалось очевидно: навсегда растянуть великое сидение не удастся. Два яйца в холодильнике – и более ни крошки съестного. Месяц или около того можно, говорят, голодать, прихлёбывая из-под крана водичку. Лады, а потом что? Лечь сдохнуть?.. Не, лучше уж сразу...

В квартире по-прежнему был выключен свет и плотно задёрнуты шторы. Наручные часы он давно куда-то закинул, но сквозь сантиметровую щель между кухонными занавесками (не сходились, хоть тресни, уж такие купил) проникал свет из окон дома напротив. Стало быть, вечер, а может, даже самый конец рабочего дня...

Приступ безумной надежды заставил Славика ощупью разыскать телефон, торопливо засунуть вилку в розетку и, сглотнув слюну, поднести к уху беспроводную трубку... Нет, он не то чтобы всерьёз ожидал из неё могильной тишины и ледяного загробного голоса, вещающего: «Ты покойник!» Но всё-таки привычный писк зуммера странным образом обнадежил его.

Номер с плещеевской визитки так и горел у него в памяти. Он мрачно решил быть мужчиной и стал одну за другой нажимать слабо светившиеся кнопки. Хотя если честно – а захомутать бы машину времени – да на вторую попытку... лет этак на двадцать назад... снова маленьким мальчиком, чьи самые горькие горести без следа исчезали при виде купленного мамой мороженого... Эх, мама, мало ты одного такого в детстве драла...

Палец между тем нажал последнюю кнопку.

– Охранное агентство «Эгида-плюс»! – после первого же гудка отозвался невероятно юный девичий голосок. – Здравствуйте!

Славик подумал о том, что ещё может прямо сейчас положить трубку и всё оставить как было. Он сказал:

– Здравствуйте, девушка... Это некто Вершинин вас беспокоит... Вячеслав Александрович... Мне бы, если можно, Сергея Петровича. Мы с ним некоторое время назад договаривались...

Произнося эти слова, Славик сам не ведал, чего ему больше хотелось. Если Плещеев на месте... как знать... вдруг да заново ощутится в ладони «ТТ», нацеленный в паскудные рожи тех четверых, и покажет корму, отчаливая в ночь, здоровенный «лендкрузер»... Не всеильные же они там, в самом-то деле, отбились раз, отобьёмся ещё...

С другой стороны, если Плещеева не окажется, у него, Славика, добавится несколько часов времени для размышления. Чего доброго, и взбредёт в голову путная мысль. Или ситуация сама каким-то образом переменится...

– Одну минуточку! – прекратила его сомнения далёкая барышня. – Вячеслав Александрович, вы слушаете? Сергей Петрович сейчас вам ответит. Не вешайте трубку!

В динамике зазвучала приятная электронная музыка. Славик не мог видеть, как в двадцати километрах от него, в двухэтажном особнячке на Смоленской, девочка-секретарша (действительно только-только из школы, но школа была окончена с золотой медалью) проворно нажимала кнопки пульта. В результате её манипуляций в ничем не примечательной голубой «девятке», катившей по Загородному проспекту, ожил сотовый телефон.

– Добрый вечер, Вячеслав, слушаю вас, – спустя ещё секунду долетел приятный плещеевский баритон.

– Здравствуйте, Сергей Петрович... – выдавил Славик. – Мне с вами... встретиться бы...

– Буду очень рад вас увидеть, – отозвался Плещеев. – Где и когда вам удобнее? – И добавил: – Можете быть спокойны, нас никто не прослушивает.

Славик почувствовал, как сквозь густую поросль на висках и губе прокладывают себе путь полновесные капли пота. Ощущение было удивительно мерзким: казалось, в неухоженной щетине бегают насекомые. Ничего общего с тем благородным трудовым потом, что когда-то прошибал его в спортзале, впитываясь в кимоно. Он проговорил, сглатывая:

– Я... дома сейчас. На меня тут... как вам объяснить... напали. Если бы от вас... кто-нибудь...

Сергей Петрович понял его с полуслова.

– Вячеслав, мы выезжаем немедленно, – сказал он по-деловому спокойно. Однако рука его откинула панельку на приборной доске автомобиля. Там вспыхнула неяркая лампочка, и в недрах особнячка на Смоленской немедленно сорвалось с места пять человек в камуфляже с фирменными нашивками, и вслед за людьми побежали две большие собаки. – Пожалуйста, не покидайте квартиру и держитесь подальше от окон, – посоветовал эгидовский шеф. – Не подходите к двери, никому не открывайте и желательно не снимайте трубку, если вам позвонят...

– Да ладно, – проворчал Славик. – Сам знаю... Не первый день замужем... А от вас кто приедет – те самые?..

– Те самые, – улыбнулся Плещеев. – Вы их сразу узнаете.

– Тогда до скорого... – И Славик, взмокнувший уже насквозь, прижал пальцем отбой. Он рад был бы держать связь до тех пор, пока эгидовцы не появятся во дворе, и ему бы, наверное, не отказали. Но уже до такой степени признать себя раздавленной тряпкой?! Спасибоочки...

На крыше голубой «девятки» ожил и засиял проблесковый маячок, а под капотом встрепенулась сирена. Плещеев вдавил педаль газа и полетел боковыми улицами на Обводный, рас-

пугивая обывателей и не обращая внимания на светофоры. Там, на набережной, немного обогнав его, уже разгонял широченными колёсами слякоть большой вместительный внедорожник. Домашний адрес Вячеслава Вершинина у них, естественно, был.

Посидев ещё немного с телефонной трубкой в руках, Славик осторожно положил её обратно на аппарат. Полчаса, чтобы побросать в сумку кое-какие пожитки, у него, наверное, были. Не на космической же ракете они за ним прилетят. Славик решил ориентироваться по автомобильному шуму во дворе и приступил к сборам.

Фантазия у него, как и у большинства людей в сходной ситуации, не пошла дальше чистого белья, зубной щётки, спортивного костюма, домашних тапочек и полотенца. А что ещё? Музыкальный центр в рюкзак запихнуть?..

Эта воображаемая картина до того насмешила его, что он громко расхохотался. Чувство освобождения от страха было ослепительным и пьянящим. Он всё-таки принял решение. На фоне которого легко и весело было бросать квартиру и барахло. Ведь теперь, если всё пойдёт как надо, у него всё будет новое: и фамилия, и документы... Только вот с родителями как быть?..

Он поскрёб пятернёй заросшую челюсть и несколько вернулся к реальности. Он хорошо помнил эгидовскую группу захвата. Особенно её командира, Лоскуткова. Да! Такое не забывается. И его заместительницу, эту, как её... ну...

Предстать перед ними на нынешней стадии одичания – грязным, небритым и пахнущим, точно бомж из помойки?.. Славик положил сумку на пол и двинулся было в сторону ванной, но на полдороге остановился.

Между кухонными шторами зияла сантиметровая щель. Очень нехорошая щель.

Его однокомнатная пронизывала пятиэтажку насквозь. Окно комнаты выходило на улицу и раскинувшееся за нею обширное незастроенное пространство; говорили, будто кусты и болотце скрывали совершенно невозможный для нынешних технологий плавун. А вот напротив кухонного окошка никакого плавуна строители не обнаружили, и там благополучно стояла другая такая же пятиэтажка. До неё можно было камень добросить. Или что-нибудь посущественней камня. Не говоря уже про всевозможные стреляющие устройства... отечественного и импортного образца...

Квартирка была спроектирована ужас как экономно. В результате коридорчик, куда выходила дверь совмещённого санузла, для возможного снайпера был как на ладони.

Того архитектора самого бы здесь поселить...

Минуту Славик стоял в угрюмой задумчивости, однако любовь к чистоте победила. Очень осторожно, медленно пластаясь по стенке, он добрался до двери, юркнул внутрь – и только тогда, плотно закрывшись, включил в санузле свет.

Кажется, бритьё и помывка ни разу ещё не доставляли ему столь полного удовольствия. Он сразу почувствовал себя совсем другим человеком и понял истину, хорошо известную каждому тюремщику и палачу, а именно: с грязным и желательно голым «клиентом» гораздо легче сговориться, нежели с чистым, опрятно одетым и полным собственного достоинства. Натянув трусы, Славик попробовал сосредоточиться и вспомнить, что из повседневных мелочей он, быть может, забыл. Мелочи на ум не являлись, зато всплыла мысль о «ТТ». Ну то есть «левый» ствол, конечно, таковым и останется, но терять Славику было нечего, и, опять же, по сравнению со всем остальным... «Когда воротимся мы в Портленд, клянусь, я сам взбегу на плаху...»

Он повесил полотенце, распахнул дверь ванной и шагнул в коридор.

Успел увидеть обои на противоположной стене коридора, озарившиеся ярким люминесцентным светом из ванной, и сообразить, что забыл-таки повернуть выключатель.

А больше он не успел ничего. Ни шарахнуться назад, ни даже руку поднять. Потому что пуля, выпущенная из бесшумной винтовки, проделала аккуратную дырочку в оконном стекле

точно посередине незашторенного сантиметра. Пролетела по коридору и вошла ему в голову как раз над ухом. Чтобы там разорваться.

«Но только в Портленд воротиться нам не придётся никогда...»

Несколькими минутами позже из парадной соседнего дома (парадные у них, к слову сказать, смотрели в разные стороны) вышел симпатичный молодой человек и зашагал, не оглядываясь, прочь. На нём были чёрные джинсы, кожаная тёплая куртка и неброская шапочка, а в руках – спортивная сумка. Слякотным зимним вечером в питерской толпе таких, как говорится, в любой дюжине по двенадцать.

То, что молодой человек сутки с хвостиком торчал на промозглой верхотуре пятиэтажки, дожидаясь одного-единственного момента, – никого не касалось. Там осталась винтовка с глушителем и оптическим прицелом; она ещё хранила тепло его тела, но никаких следов, могущих указать на стрелка, не было ни на ней, ни вокруг.

Молодой человек шёл и улыбался своим мыслям, он был доволен. Долгие недели он ездил на Невский и посещал там вполне определённый книжный лоток, но разбитная продавщица не предлагала ему новых изданий, предпочитая в упор не замечать постепенно мрачневшего покупателя. Потом, в один прекрасный день, женщину у лотка сменил парень – кудрявый, темноглазый, с лицом, каких много в южной России. Молодого человека сначала насторожила эта замена, но лоточник тут же сосватал ему альбом о храмах православного Петербурга. Пришлось купить... И, соблюдая всю мыслимую конспирацию, отправиться в Пушкин.

Молодой человек ждал западни, но скоро у него отлегло от сердца. В заветном абонентском ящике на Ленинградской улице его без всяких подвохов ждал привычный конверт. С фотографией короткостриженного парня, лаконичной сопроводилкой и хорошим задатком.

Если гражданин государства Российского зарабатывает в течение года больше двенадцати миллионов, его начинают считать жутко богатым и взимать дополнительные налоги. Двенадцать миллионов – это примерно две тысячи долларов. Молодой человек привык тратить большие суммы в течение одного месяца. Так что задаток, опять-таки превышавший годовой доход статистического гражданина, пришёлся весьма кстати. Не говоря уже обо всей сумме, которая теперь, после успешного выполнения, была практически в кармане...

Оскудевший было финансовый ручеёк вновь весело зажурчал, радуя душу.

Был, правда, один небольшенький нюанс. Раньше – во времена весёлой лоточницы – содержимое *предварительных* конвертов несколько отличалось от нынешнего.

Там «клиенту» ещё и давали характеристику. Ему заказывали полных и окончательных негодяев: владельца подпольного заводика, производившего отраву в бутылках, чиновницу по недвижимости, разбогатевшую на взятках... растлителя малолетних из коммунальной квартиры... И куда, спрашивается, Плещеев смотрит, «Эгида»?.. Или рук на всех не хватает?

Сам он первое время все сведения тщательным образом проверял. Потом проникся доверием и прекратил трудоёмкий процесс, вынуждавший медлить с исполнением – и получением заслуженного гонорара.

А теперь, извольте видеть, сменился посредник, и про сегодняшнего «клиента» в плане морального облика не написали вообще ничего. Пожалуй, всё же надо будет уточнить. Кем он был, бандитом? Сволочным ментом вроде тех, с Ладожского вокзала, которые ребятишек приспособили грузовые контейнеры потрошить? Или...

Нет. Если уж ЕМУ заказали – парень, стало быть, заслужил. За тех, кто не заслужил, таких денег не платят. Точка. И вообще, он бы сразу почувствовал фальшь. Он – мастер!

Молодой человек улыбнулся, поймал на ладонь снежинку и стал смотреть, как она тает. Через несколько часов наступал Новый год.

Часть первая Друг дома

Мужчина и женщина

Январь не спешил радовать питерцев устойчивой зимней погодой. Снег, вроде по-деловому улёгшийся в начале ноября, продержался недолго, предпочитая с утончённым ехидством выпадать и таять каждую неделю. Вот и в этот вечер резкий ветер нёс нечто, сыпавшееся предположительно с неба и откладывавшееся на уличном асфальте обильной тающей кашей. Она звучно хлестала по днищам автомобилей и разлеталась из-под колёс, заставляя немногочисленных пешеходов шарахаться от поребриков. В такую погоду, когда дворники тщетно селятся соскresti налипающие хлопья, а изнутри стёкла немилосердно потеют, превращая огни светофоров и встречные фары в большие мутные звёзды, – всё, что нужно для счастья неопытному водителю, так это сложное маневрирование на запруженной городской магистрали. То, что доктор прописал. Бесценный опыт. Плюс райское наслаждение...

«Жигулёнок-троечка» цвета рыжей охры, с чёрным капотом (последствия давней травмы, полученной оставленным во дворе автомобилем при таинственных ночных обстоятельствах) двигался по Адмиралтейской набережной в левом ряду, за две версты готовясь к повороту возле Исаакия. Светловолосая девушка, сидевшая за рулём, напряжённо смотрела вперёд, время от времени косясь в зеркало заднего вида и болезненно закусывая губы на недовольные гудки, то и дело раздававшиеся за кормой. «Никогда не обращай внимания, – наставлял папа. – Пусть гудят: в случае чего не им в происшествие попадать...»

Папе, с его тридцатью годами за баранкой, говорить было легко. А у Даши в данный момент происходил самый первый самостоятельный выезд, и она стискивала руль такой мёртвой хваткой, что, если бы прямо сейчас в самом деле ЭТО СЛУЧИЛОСЬ и она, оборвав ремень безопасности, улетела бы сквозь лобовое стекло, – руль, выданный с корнем, совершенно точно остался бы у неё в руках.

Права у неё, вообще-то, были давно. Однако автомобиль в семье Новиковых традиционно считался делом мужским. Папа знай рассуждал, как с удовольствием передал бы ржавеющий агрегат справному зятю: пусть возится... Опять же и «гонять» туда-сюда почём зря за рулём родительской машины Даша особенно не стремилась. Так что на сегодняшний подвиг её вдохновили вовсе безвыходные обстоятельства. Надо было поспеть в десять разных мест по делам, касавшимся научного наследия дедушки, а папа, как назло, подхватил очередную разновидность гриппа, традиционно явившегося из Гонконга. И ни на что, кроме раздачи бесплатных советов, временно не годился.

А замуж Даша так и не вышла.

Она составила по автомобильной карте маршрут, с трепетом завела семейный рыдван... и никак не могла отделаться от лёгкого изумления, обнаружив, что без папы, сидящего справа, машина выполняет всё то же, что и при нём.

Она выехала из дому в районе обеда, и поначалу всё шло хорошо. Однако потом разразился час пик, и для начала Даша угодила в объезд возле концертного зала «Октябрьский». Какая-то «персона» то ли прибывала, то ли отчаливала с мероприятия, – соответственно, простых смертных направляли задворками, по Греческому проспекту. Этот последний годился испытывать на живучесть современные танки. «Троечка» чудом не рассыпалась на колдобинах и выпирающих трамвайных рельсах, героически вывернула на Некрасова и уже у набережной Робеспьера еле затормозила перед светофором, без предупреждения выдавшим жёлтый...

...На траверзе Адмиралтейства раздражённые гудки сзади неожиданно прекратились. Не сразу осознав это, Даша бросила взгляд в зеркальце. За ней, отсвечивая золотистым металлик, мягко катился большой джип. И хотя всем известно, что на джипах ездят сплошные бандиты, – некоторым образом чувствовалось, что этот не станет понукать замешкавшегося «чайника» истошным гудком, а, наоборот, как бы даже прикроет, предоставив особо недовольным таранить свою дорогостоящую корму.

Даша сразу приободрилась, включила поворотник и благополучно вырулила по стрелке налево. Благородный «бандит» немедленно умчался вперёд и сразу исчез в хлопьях мокрого снега. «Серёжа... – невольно подумалось ей. – Вот кто водит... И за рулём такой же... тактичный... добрый...»

Она невесело вздохнула.

Впрочем, размышлять о Серёже Плещееве тотчас стало некогда: перед Дашей во весь рост поднялась проблема парковки. Ей, вообще-то, нужно было в Мариинский дворец, но сунуться на отгороженную площадку она не решилась. Наверняка выгонят – неча занимать служебное место! А в остальных местах не то что стоянка – даже остановка была самым бескомпромиссным образом запрещена. У нас ведь в каждом автовладельце непременно видят бомбиста, намеренного подорвать правительственный кортеж. И кому какое дело, что киллеры, если действительно захотят, взорвут кого угодно и где угодно, и столь жалкие меры безопасности им не помеха. Это никого не заботит, главное – чтобы народ поменьше шатался в местах, отведённых для его слуг!

Причалить оказалось решительно невозможно и на Вознесенском проспекте, куда волей-неволей пришлось проехать. Неопытная автомобилистка мучительно шурилась сквозь заляпанное лобовое стекло и была близка к панике, когда спасительная мысль осенила её. Она свернула направо, в какой-то тупичок, и там благополучно припарковалась. Заглушила двигатель и некоторое время сидела неподвижно, блаженно откинувшись на спинку сиденья и чувствуя, как отпускает напряжение. Плохо верилось, что рано или поздно она опять окажется дома, станет пить чай и посмеиваться, докладывая маме с папой о своих похождениях, и автомобильное море будет уже казаться ей по колено...

Она оптимистично напомнила себе, что через час с чем-нибудь, когда поедет обратно, потоки машин наверняка схлынут, а значит, домой на Колокольную она доберётся, скорее всего, без проблем.

Выбралась из машины, повернула в замке ключ (сигнализация давно не работала), подняла воротник и торопливо зашагала к обители законодательной власти.

Спустя два с половиной часа она вновь подходила к машине, чувствуя себя бесконечно усталой. Это совсем особенная и очень неприятная усталость, когда приложены немалые силы – и выясняется, что впустую. Человек, к которому она ходила на randevu, был когда-то дедушкиным учеником. Академик Новиков связывал с ним большие надежды и весьма огорчился, заметив однажды, что перспективный молодой учёный направляет свои силы всё больше по части администрирования. Впрочем, сказал он тогда, у каждого своя стезя. Толковые чиновники от науки – это тоже, знаете ли, в наши дни ценность немалая... И вот сегодня, придя точно к назначенному времени, внучка покойного академика битый час просидела перед начальственной дверью. Потом выслушала длинный монолог о прекрасных былых временах и о мерзости времён наступивших. И наконец выяснила, что пришла не по адресу. То есть, вообще-то, по адресу, но не вполне. Сперва ей надо в Смольный. К какому-то Гнедину. Владимиру Игнатьевичу. Заместителю начальника юридического управления...

Даша Новикова смахнула с пальто капельки сырости, отперла дверцу и юркнула в машину, предвкушая тепло. Вставила ключ в замок зажигания, повернула...

...И вместо уверенного, радующего слух взрёва заводимого двигателя услышала слабенькое, умирающее жужжание стартера. А потом – зловещую тишину.

Она поспешно вернула ключ в исходное положение и почувствовала, как начали дрожать руки. Озябшей было Даше сразу сделалось жарко, на лбу выступил пот. Запуск мотора всё ещё оставался для неё полумистическим процессом, происходящим в непостижимых недрах автомобиля. Папа, возможно, сообразил бы, что делать, но папа был далеко. Даша подумала о паническом звонке домой (должны же в окрестностях законодательной власти водиться работающие автоматы!), но воображение тотчас нарисовало ей больного родителя, собирающегося на улицу – выручать дочь. Она нахмурилась и вновь повернула ключ, повторяя попытку.

На сей раз стартер едва отозвался и сразу же беспомощно смолк.

Даша отчаянно сосредоточилась, вглядываясь в приборную панель... И заметила, что габаритные огни, оказывается, всё это время так и оставались включёнными.

Вот, значит, что на самом деле значили папины недавние жалобы на постоянно «сажающийся» аккумулятор. Вот оно, стало быть, как...

Даша вновь выбралась наружу, на ветер, в сыкотную непогоду, торопливо вышла на проспект и замахала рукой, стараясь остановить какой-нибудь автомобиль. Правду сказать, в этом деле опыт у неё был небогат, ибо скромный доход семьи предписывал пользоваться общественным транспортом, а не дорогостоящим частным извозом. Видимо, отсутствие должной решимости в фигурке с жалобно воздетой рукой ощущалось и сказывалось. Никто так и не пожелал тормозить. Придя уже в полное отчаяние, Даша вспомнила о знаке, запрещающем остановку, потом разглядела вдали фигуру вроде бы милиционера, вышагивавшего туда-сюда вдоль поребрика. Она воодушевилась и заспешила к нему, но тут же как по шучьему велению рядом с силуэтом в форме из снежных завихрений возникла машина с синей полосой на борту. Страж порядка хлопнул дверцей и укатил прочь, не обратив на терпящую бедствие никакого внимания. Наверное, у него кончилась смена.

«Может, Серёже позвонить?..» – мелькнула малодушная мысль. Даша тут же представила, как набирает знакомый номер и трубку снимает его жена Люда. Ой, только не это!

Она всхлипнула, вернулась к безжизненной «троечке», извлекла из багажника раскладной треугольник аварийного знака и вновь поплелась на проспект. Может, хоть на это кто-нибудь прореагирует?

Чудо произошло сразу, как только она повернулась лицом к слепящему ветру, неловко прижимая к груди светоотражающий треугольник. Что-то большое выделилось в транспортном потоке, замигало сперва поворотником, потом аварийными огнями – и остановилось подле неё. В свете уличного фонаря блеснул золотистый металл.

– Девушка, что случилось?

Он придерживал дверцу рукой, перегнувшись с водительского сиденья, – крупный, плотный молодой мужчина в дорогой кожаной куртке, такой же светловолосый, как сама Даша. Изнутри джипа веяло приятным теплом, там работала мощная печка и негромко мурлыкала хорошая стереосистема.

Столь неожиданное проявление участия едва не заставило Дашу разреветься. Губы, по крайней мере, запрыгали:

– Машина... не заводится...

– Где? – Мужчина шире распахнул дверцу. – Да вы забирайтесь, покажете.

Даша полезла в высокий джип, на ходу пытаясь сложить заклинивший треугольник:

– Тут рядом... за угол завернуть...

Треугольник никак не слушался озябших пальцев. Мужчина улыбнулся, взял его у Даши из рук и мигом свернул.

Пока джип одолевал сотню метров до терпящих бедствие «жигулей», девушка успела кое-как обрисовать своему спасителю клиническую картину случившегося.

– Сидите, нечего мёрзнуть, – сказал он, останавливаясь впритирку к рыженькой «троечке». – Гляну, что там стряслось...

Даша доверчиво вручила ему ключи, потом запоздало вспомнила об осторожности... и мысленно махнула рукой. С таким-то агрегатом, как у него, да зариться на дырявые «жигули»?..

Сначала она пыталась следить, что там поддельвает незнакомец, но печка дышала таким обволакивающим теплом, что глаза начали закрываться сами собой. Даша даже вздрогнула, когда мужчина распахнул заднюю дверцу джипа и вынул пластиковый ящичек с инструментом. Потом открыл оба капота и стал прикреплять какие-то провода, увенчанные устрашающего вида зажимами. Вновь обосновался за рулём «жигулей»... Ещё через минуту двигатель «троечки» ожил и деловито зафырчал, прогреваясь.

Даша обрадованно выбралась из джипа наружу. Какое всё-таки счастье, когда металлический труп вновь становится жизнерадостно пытящей машиной. И вообще, не слишком Крамольное это преувеличение – сравнивать мотор с человеческим сердцем. Ей показалось, что она приближается к ощущениям врача над успешно реанимированным больным. Даже и на улице вроде была не такая уж пропасть. Подумаешь, мокрый снег с ветром. Бывало и хуже!

– Я вам... сколько-нибудь обязана? – нерешительно спросила она мужчину, отсоединявшего толстые «прикуривательные» концы.

– Да бог с вами, – усмехнулся уличный джентльмен. – Счастливый путь. Вы за рулём-то как, уверенно себя чувствуете?

– Ув-веренно... – Даша почувствовала, что краснеет. – Спасибо вам огромное...

Мужчина кивнул, вернулся в машину... Большой золотистый джип плавно тронулся с места, изящно развернулся в проезде (Даше на маленькой «троечке» понадобилось бы больше возни), мигнул на прощание стоп-сигналами у светофора – и скрылся в непогожих потёмках. Даша осторожно выехала следом за ним, но джипа, конечно, в пределах видимости уже не было.

«Ну вот... – с внезапным отчаянием подумалось ей. – Даже не познакомились... И этот наверняка женатый небось...»

Она тщетно попыталась припомнить, было ли у него обручальное кольцо на руке. Хотя, конечно, никакого значения это теперь не имело.

Даша благополучно вернулась домой, и переволновавшиеся родители – как и следовало ожидать – бросились отпаивать дочку сладким обжигающим чаем и подробно расспрашивать о постигших её приключениях. И откуда было Даше знать, что её дорожный спаситель тоже думал о ней, сидя перед телевизором в своей холостяцкой квартире. На экране мелькали в рекламных клипах настырные, агрессивно-сексуальные красавицы с повадками дорогостоящих шлюх. Никита смотрел на них, рассеянно морщась и недоумевая, кому такие могут понравиться. Уж во всяком случае не ему. По крайней мере с сегодняшнего дня он точно знал, что именно требовалось лично ему. Вернее, кто. Незнакомка была такой милой, такой трогательной в своей женской беспомощности. Так благодарила за пустячную, в общем, услугу... А он, чудо в перьях, даже имени не спросил, не воспользовался замечательным предложением хотя бы визитную карточку подарить: «Если что вдруг опять поломается, не стесняйтесь, сразу в фирму приезжайте или звоните...» Так-то вот. Тянемся к несбыточному, плачемся на одиночество, а даст судьба в руки единственный, может быть, жизненный шанс – и тот ухитряемся бездарно прохлопать.

Самое смешное, что они с Дашей были однофамильцы. Оба Новиковы. Но не подозревали об этом.

Момент истины

А вот Борис Дмитриевич Благой визиток, наоборот, не давал практически никому. Как правило, они у него были заказаны, но ещё не готовы, либо же он вот только что как раз отдал последнюю. Тем не менее страждущие каким-то (он не отказался бы узнать, каким именно) образом добывали номер его телефона. И, столь же чудесно минуя грозного постового на вахте, безошибочно находили дорогу к неприметному, в общем-то, кабинету Благого в обширном здании на Фонтанке. Умом Борис Дмитриевич всё мог понять. Когда привыкаешь считать городские власти скопищем мздоимцев, бездельников и в лучшем случае болтунов, а милицию – мафией в погонах, что остаётся человеку? К кому на порог «нести печаль свою»? Правильно, к известному журналисту, пишущему на острые темы.

И какие только «темы» ни звучали в его кабинете. От жутких коммунальных страстей до чудовищных внутрисемейных разборок. От трагических переживаний чьих-то детей, «зава- ленных» на приёмных экзаменах в вуз, до вполне будничных рассказов о похищении и убий- стве людей.

И каждый «ходок» полагал, что Благой немедленно вникнет, разберётся, всех выведет на чистую воду и засвидетельствует правду в передаче или статье. Иногда, впрочем, людям было вполне достаточно попросту выговориться.

Когда-то, в пору изучения английского, Борис Дмитриевич увлёкся ковбойскими вестер- нами и прочёл немалое их количество. Так вот, девяносто процентов из них начиналось прак- тически с одной и той же фразы: «Он остановил коня и огляделся...» Теперь Благой мрачно шутил, что когда-нибудь напишет серию романов о приключениях журналиста, и каждая книжка будет начинаться с одинаковой фразы. А именно: «На столе зазвонил телефон...»

На столе зазвонил телефон.

– Борис Дмитриевич, здравствуйте, вы меня, конечно, не помните...

– Как же мне вас не помнить, Татьяна Яковлевна, здравствуйте, дорогая, – мгновенно отозвался Благой. – Очень рад слышать! У вас всё хорошо?

А ещё через секунду, не отрывая трубки от уха, он характерным движением подался в кресле вперёд, точно водитель за рулём при виде случившейся впереди катастрофы. Моло- дой практикант, сидевший напротив, по одному этому движению понял: звонок был НАСТО- ЯЩИЙ. Требующий немедленных действий. И Благой эти самые действия намерен был пред- принять.

Татьяна Яковлевна была главным врачом детской больницы. Врачом из тех, на которых только и держится наша до сих пор почему-то ещё не рухнувшая медицина. Худенькую, сидень- кую врачиху, никогда и ни на кого не повышавшую голоса, помнили точно такой же и родители её нынешних пациентов, сами когда-то подставлявшие ей попки для уколов, и чуть ли не их дедушки-бабушки. Внешность Татьяны Яковлевны была иллюстрацией к классическому «ста- рушка – божий одуванчик». Тем не менее маленькую девочку, заболевшую в дачном посёлке, она посреди ночи привезла к себе в больницу на... машине местного бандита. Причём этот последний был ею извлечён то ли с дружеской пирушки, то ли вовсе из бани (тут легенда имела разночтения). Причём по пути в город докторша ещё и отстояла бешено мчавшийся джип от нехоти возникших гаишников. В итоге девочка была спасена, поселковый врач, не пожелав- ший оказать помощь, с треском вылетел с места, бандит скромно пожелал остаться инкогнито, а Татьяна Яковлевна, «заложенная» благодарными родителями, попала в передачу к Благому. Так они и познакомились около года назад.

И вот теперь она звонила Борису Дмитриевичу, чтобы, по обыкновению, тихо и интел- лигентно поведать очень подозрительную историю. К ней в больницу поступило сразу шестеро ребятишек. Из одного и того же детского дома. Диагноз – нетипичный грипп, чреватый ослож-

нениями и летальным исходом, нынешний дежурный кошмар всех питерских детских учреждений. Это обстоятельство настораживало уже само по себе, поскольку именно тот детский дом чуть не самым первым в городе получил необходимое количество вакцины... А тут ещё один из мальчиков, видимо проникшийся доверием к «бабушке Тане», обратился с довольно специфической жалобой... Тогда привлекла внимание странно однотипная внешность подростков: все были темноглазые блондины (некоторые – крашенные). Более подробный осмотр выявил ещё более удивительные обстоятельства. В частности, «нижние причёски», опять-таки у всех шестерых одинаковые. И кое у кого тоже крашенные.

– Вы представляете, Борис Дмитриевич, что это может означать?

– Представляю, – ответил Благой и потёр рукой лоб. – К сожалению...

Действительно, было очень похоже, что ребятишек «оформили» в соответствии с чьими-то интимными вкусами.

– Я уж и в городскую администрацию представление написала, так наверняка без толку... Тут милицию надо!.. Прокуратуру!..

Благой положил трубку и поднял глаза на практиканта, Лёшу Корнильева.

– Ну что? – сказал он. – Сделаем передачу?

Да простит нас любезный читатель, но практиканту Лёше Корнильеву уготована в нашем повествовании не последняя роль, а посему он, как и доктор Татьяна Яковлевна, заслуживает краткого представления. Его прислал Благому университетский приятель, ныне возглавлявший журфак. Практиканты приходили в газету каждый год, и кого-нибудь обязательно прикрепляли к Благому. То ли потому, что он хорошо помнил себя в молодости и не считал возможным отказываться, то ли попросту за грехи. Последние годы попадались сплошь девушки, и притом до того одинаковые, что Благой поневоле задумывался – сами по себе такие рождаются или их разводят в специальном питомнике. Донельзя шустрые, сексуально и карьерно озабоченные... и непроходимо бездарные. Хотя это ещё с какой стороны посмотреть. Полгода назад Борис Дмитриевич в очередной раз поддался на уговоры «дать девочке шанс» и отправил длинноногую юницу брать интервью у перспективного молодого политика. Девочка свой шанс использовала на все сто. Сначала забралась к депутату в постель, потом прогремела в знаменитом постельном скандале. По слухам, теперь она писала о своих похождениях книгу, и знающие люди ожидали бестселлер.

«У тебя что, приличные девчонки перевелись, одни шлюхи остались? – наорал по телефону Благой на бывшего однокашника. – И парни все небось гомики?..»

Декан внял. Оба новых практиканта оказались мальчишками. Благой тем не менее встретил их настороженно. Один – звали его Максим – выглядел вроде «нормальным», но Лёша... Кудрявое, легко краснеющее длинноволосое создание с девичьими ресницами и нежными ямочками на щеках... Высокое, тоненькое, каждую секунду бормочущее извинения...

«Господи, никак вправду голубой», – обжёгшись на молоке, с ужасом подумал Благой. И принялся невольно анализировать на сей предмет все нюансы Лёшиного поведения.

А через несколько дней произошло вот что. В обед они отправились пить кофе и стояли у гардероба, против стеклянной двери. И сквозь неё увидели, как какие-то лбы, числом трое, остановили на набережной школьника, шедшего мимо с пудельком. Для начала собачке отвесили пинка, потом собрались вовсе выкинуть её в воду. Школьник бросился на защиту любимца. Ему дали сдачи. Да так, что растянулся на тротуаре.

Постовой предпочёл не обратить на инцидент никакого внимания: не его епархия, и так дел полно. Благой, как он сам потом со стыдом признавал, попросту растерялся. И только Лёша пулей вылетел в дверь, увернулся от мчавшихся по Фонтанке автомобилей и ринулся в неравную битву. Когда на подмогу высыпали мужики, один из лбов сидел у решетки и нянчил неестественно вывернутый локоть, а двое других быстро исчезали вдаль... Вот что может

получиться, когда у обладателя длинных ресниц обнаруживается четвёртый «кю»¹ по японскому единоборству айкидо. Борис Дмитриевич сразу перестал заморачиваться Лёшиной сексуальной ориентацией и впервые всерьёз начал следить, как парень пишет. А теперь представился случай обкатать его ещё и на телевидении...

– Ой, Борис Дмитриевич, – смутился Лёша. – Я даже не... Вместе с вами...

Это последнее он выговорил так – вместе с ВАМИ! – что Благой в самом деле почувствовал себя мэтром. Много жившим, много видевшим и... усталым.

– Ага, со мной. Великим и ужасным, – решил он отшутиться. – Давай приступай.

И Лёша приступил. Для начала он пошептался с оператором Давидом Косых, и вместе, вооружась скрытой камерой, они умудрились заснять редкие кадры – молодых людей с напряжёнными лицами, что торговали у «Апрашки» противогриппозной сывороткой. Эпидемия, традиционно взявшая старт в Гонконге, разрасталась как снежный ком, сыворотки катастрофически не хватало, так что цену специалисты наживаться на чужой беде заламывали чудовищную. Узнав о вылазке, Благой схватился за голову – если бы пресловутые молодые люди засекли Лёшу с Давидом и камерой, вряд ли спас бы и четвёртый «кю». Потом Лёша съездил в детскую больницу и вернулся в состоянии тихого ужаса. Помноженного на столь же тихую, но вполне убийственную ярость.

– Борис Дмитриевич! При мне ещё двоих привезли... А те шестеро за Татьяну Яковлевну прямо руками держатся, без конца просят, чтобы обратно не отдавала... Они мне такого порасказали... Всё на плёнке, сами посмотрите... И кто у нас додумался смертную казнь отменить?!

...Конспирации ради телевизионщики поехали в детдом на «жигулях» Благого. Возле самых ворот машина разминулась с нарядным «саабом».

– Ну точно директорша, – мрачно сказал Лёша. – Им шведы автомобиль и микроавтобус передали!

– Я на себя внимание отвлеку, чтоб Давиду камеру не разбили, – взял командование Благой. – Ты работаешь, я в случае чего подстрахую. Всё ясно? Вперёд!..

Их встретила картина, если можно так выразиться, энергичного процветания. Запах свежей краски, стремянки у стен, малярные принадлежности, яркие люминесцентные лампы под потолком... Всё говорило о недавно появившихся деньгах и их умелом использовании. Занавесочки на уже покрашенных окнах показались Благому слишком кокетливыми. К ним бы для ансамбля да у входа красные фонари... На первом этаже перед раздевалкой играли две девочки лет по девять. Благой поймал себя на том, что подозрительно присматривается к их игре. Обычные «дочки-матери» или?..

Вахтёрша, сидевшая у входа, мигом приняла агрессивную стойку, готовясь орать.

– Вы куда? Вам Алевтина Викторовна разрешила?

Благой не уступил ей в быстроте реакции: тотчас расплылся в улыбке, пуская в ход всё своё обаяние профессионала.

– А мы к самой Алевтине Викторовне и идём. Ваш детдом в образцовые вышел, нас рекламу делать прислали!

Это была грязная тактика, ныне принятая не только у молодёжи: в глаза любезничать и хвалить, оптом и в розницу отпускать комплименты, а потом за спиной... И хоть бы раз не сработало.

А ведь если подумать, какая может реклама быть у сиротского дома...

С Лёшей и Давидом у него уговор был простой: снимать всё.

«А если директорша съёмку станет запрещать?»

«И это снимайте. Причём это – в особенности!»

«Ясно, Борис Дмитриевич...»

¹ Кю – ученический «разряд» в японских боевых искусствах. Четвёртый кю требует достаточно серьёзной подготовки.

Ничего тебе не ясно, подумал Благой.

– Алевтина Викторовна в район только что отбыли, нету их, – уже без прежней готовности орать проворчала вахтёрша. Она явно колебалась между вопросами безопасности и боязнью упустить какую-то выгоду для начальства. В обоих случаях её отнюдь не погладили бы по головке.

– А мы подождём. У нас времени вагон, – всё так же весело и легко заверил подозрительную тётку Благой, прикидывая про себя, сколько времени на самом деле даст им стремительно пролетевший «сааб». Потом повернулся к заинтересованно смотревшим девчушкам. – Ну-ка, девочки! Покажете нам ваш дом? Что у вас тут самое хорошее?

– У нас столовая хорошая! – с готовностью ответили девятилетки. – Там кушать дают!

И повели троих гостей по коридору в сторону лестницы.

За их спинами вахтёрша потянулась к доисторическому, но всё ещё исправному телефону и начала крутить диск. Она придумала, как выйти из положения. Время пошло...

– Палаты у нас на третьем этаже, туда днём нельзя. А тут – классы. Только сейчас учителя к нам не ходят. Из-за эпидемии, – рассказывали девчушки.

– А доктор к вам ходит? – внешне спокойно спросил Лёша. Он старался не перегораживать обзор Давидовой камере. – Прививки делает? От гриппа?

– Не... У нас врач уволилась. Ей Алевтина Викторовна велела наказанным уколы, а она сказала...

– Что ещё за уколы? – встрял Благой, забыв, что собирался не вмешиваться в репортаж. И переспросил, словно недослышав: – Прививки, что ли?

– Прививки – это когда всем. Их ещё весной будут, а уколы – только наказанным. Вовке Казначееву как сделали, у него сразу глюки пошли...

– Я тоже что-то такое слышал, – тихо подтвердил Лёша.

А молчаливый, побывавший во многих переделках Давид просто продолжал съёмку.

– А это что такое? – спросил вдруг Лёша. Практикант уверенно остановился перед добротной деревянной дверью, к которой как бы выводила полоса косметического ремонта, охватившая часть здания.

Маленькие обитательницы детдома посмотрели на взрослых мужчин, отвернулись и захихикали.

– Сюда тоже нельзя. Это гостевая. Сюда только старшие девочки ходят...

– И мальчики, – перебила вторая.

Обе рассмеялись. Смех маленьких девочек, имеющих основания считать себя опытными взрослыми женщинами, прозвучал жутко.

– Их сюда Дарь-Иванна присылает, – продолжала первая. – Когда дядьки приходят. Для развлечения...

– Чего-чего? – храня ставшую деревянной улыбку, выдавил Благой. Он перехватил многозначительный взгляд Лёши и почувствовал, что холодеет.

– Там хорошо, там диваны красивые. – В голосах юных «экскурсоводов» жутко сквозила мечтательность. – Там дядьки конфеты раздают и бананы...

– Для развлечения? – тоном придурковатого взрослого поинтересовался Лёша, и Благой про себя поразился его выдержке. – Для какого?

– Какого, какого, – передразнили девочки. – Дядьки сексом развлекаются, вот!

На лице Давида не дрогнул ни один мускул. Он не отрывался от камеры.

– И что, часто эти... дядьки к вам?.. – спросил Лёша.

– А как Дарь-Иванна кого-нибудь оденет в красивое, так и приходят. – В голосах девятилеток Благому снова послышалась жгучая зависть. – Мы тоже конфетки ели, нам старшие приносили. Шоколадные, вот. Дядя... а у вас нету конфетки?..

Давид только-только заново навёл на дверь объектив, когда снизу по лестнице буквально взлетела рослая, дородная дама. Поглядишь на такую «в мирной жизни» и не заподозришь, что она способна так быстро бегать, да ещё по лестнице вверх. Девочки при её появлении мгновенно исчезли, словно в воздухе растворились. Видимо, знали, что под горячую руку ей лучше не попадаться. Дама была элегантно, со вкусом одета, в мочках ушей трепетали тяжёленные золотые серьги. Борис Дмитриевич и Лёша немедленно заслонили приникшего к окуляру Давида, но было поздно: мадам уже заметила камеру.

– Кто позволил снимать?! Отдайте немедленно плёнку, не то я ОМОН вызову!..

Это была, несомненно, сама Алевтина Викторовна Нечипоренко. Значит, Благой угадал правильно: вахтёрша позвонила грозной начальнице прямо в машину.

– Здравствуйте, Алевтина Викторовна, – непринуждённо заулыбался Борис Дмитриевич. – Право же, мы ничего не снимаем, просто примеривались на всякий случай, ракурсы выгодные искали... Мы у вас так, между делом. Небольшую статистику собираем по ситуации с эпидемией. Начальство, понимаете, вечно что-то придумает... Как в вашем образцовом заведении с прививочками от гриппа? Наверное, у всех уже сделаны? Расскажите, пожалуйста.

– Какие прививочки?! Они мне будут тут допросы устраивать?! Живо мне плёнку сюда, а ты, Дарья Ивановна, вызывай!

Невзрачная дежурная, тенью маячившая у неё за спиной, послушно кивнула и куда-то заторопилась. Встреча с ОМОНОм троим телевизионщикам вовсе не улыбалась, а кому она улыбается? Давид не только по имени приходился родней библейскому богатырю, да и Лёша был боевой единицей не из последних, но... надо же здраво силы соизмерять.

– Господь с вами, Алевтина Викторовна, дорогая, – укоризненно расплылся Благой. – Пожалуйста, сейчас мы вам плёночку отдадим... Сами убедитесь, что чистая...

Давид у него за спиной щёлкнул камерой и неохотно протянул видеокассету:

– Она денег стоит, между прочим. В ларьке такую не купишь...

Благой передал кассету грозной мадам и слегка даже поклонился при этом. Алевтина Викторовна мёртвой хваткой вцепилась в добычу:

– На выход я вас сама провожу!..

Хрупкое перемирие продолжалось до двери. Уже на крыльце Лёша, всё это время державшийся подозрительно отстранённо, самым невинным образом поинтересовался:

– Алевтина Викторовна, извините, я полагаю, у вас дома тоже гостевая комната есть?.. Где ваши внуки дядькам стихи читают, а те им бананы дарят и шоколадки?

Вот тут Благой затаил дыхание и невольно залюбовался юным коллегой. Умница Лёша поймал тот самый «момент истины», за которым гоняется любой репортёр. Будущая героиня репортажа побагровела так, что следовало опасаться за её здоровье, а потом принялась размахивать «отбитой» у журналистов кассетой и неконтролируемо орать, в пылу ярости выдавая откровения, которые из неё не вытянул бы никакой следователь на допросе. Давид безразлично рассматривал тучки на небе. Он не зря доводился тёзкой не только злополучному мужу Далилы, но и знаменитому фокуснику Копперфильду. И камера у него была умная. Знала, когда включать красный глазок индикатора записи, а когда – не включать...

– Я бы, честно говоря, в отмене смертной казни исключения сделал, – задумчиво проговорил Лёша уже в машине. – Нет, честно... Таких я бы сразу стрелял.

Он выглядел очень усталым.

– Твои слова да Богу в уши, – усмехнулся Благой. Он очень хорошо знал такую усталость. Наверное, её чувствует рыба, безнадежно бьющаяся об лёд.

– А что, Борис Дмитриевич, скажете нет? – встрепенулся Лёша. – Перевоспитывать их ещё?.. Вот такую Нечипоренку?.. И она всё поймёт, и раскается, и человеком жить будет?.. Добро людям делать?

Благой промолчал.

Следующий

Последние месяцы Владимир Игнатьевич Гнедин не выключал по ночам свет. Нет, детские комплексы, в которых нынче принято видеть корень всех зол, были здесь ни при чём. Просто в один из вечеров, где-то через неделю после гибели Мишки Шлыгина, Владимир Игнатьевич, как обычно, вернулся на свою холостяцкую квартиру, нацедил рюмочку сладкого «Бэйлиса», посмотрел по телевизору интересную, отвлекающую от скорбных мыслей передачу и завалился в постель, чтобы вроде крепко и без сновидений уснуть... Однако очень скоро его разбудил шорох. Может, примерещившийся, а может, и нет. Он рывком сел на кровати и напряжённо прислушался... Всё было тихо, да и откуда бы?.. Он лёг снова, но едва начал уплывать в сон, как опять раздались невнятные звуки. Которые вполне можно было принять за осторожные шаги в прихожей...

Над кроватью у изголовья висело бронзовое бра чудесной старинной работы – обнажённая Венера с факелом в руке. Эта Венера сопровождала семью Гнединых ещё с дореволюционных времён. Хотя и числились те по социальному происхождению самыми что ни есть пролетариями, босяками из знаменитого Сормова, а значит, доступа к таким вещам иметь вроде бы не могли по определению, но, как известно, неисповедимы пути... Маленький Володя отчётливо помнил, как однажды обнаружил на антресолях «голую тётку», и родители тут же спрятали её подальше, дабы оградить его нравственность. Начали бы ещё прикрывать передничками столь же «голые» статуи в Эрмитаже. Нравственность не пострадала, а вот воспоминание о бронзовой красоте сохранилось и выжило. В дореволюционные времена факел в руке Венеры заканчивался ёмкостью для масла и зажимом для фитилька. Лет десять назад по заказу повзрослевшего Володи народный искусник подвёл электричество и приладил патрон, чтобы можно было вкручивать лампу-миньон. А Мишка Шлыгин (тогда подобные вещи у нас были в диковинку) привёз ему из-за кордона лампочку в виде языка пламени. Лампочка была не простая. Она мягко и очень натурально мерцала. Это мерцание не раздражало глаза, оно не мешало, например, читать, но и засыпалось под бронзовой Венерой на удивление уютно и сладко...

...Вот только сейчас Владимир Игнатьевич с удовольствием променял бы её на «заливающий» тысячесвечовый прожектор.

Он судорожно протянул руку и включил бра, потом, стиснув зубы, заставил себя слезть с постели и выглянуть в прихожую. В квартире, ясное дело, никого постороннего не было.

Если бы он сумел до утра выдержать характер, возможно, всё на том бы и кончилось. Многие могут припомнить беспокойную ночь после впечатляющего фильма ужасов или книги Стивена Кинга, но не у всех же возникают стойкие фобии. С другой стороны, не у каждого близкие друзья погибают от рук киллеров, являющихся в ночи... И Гнедин запаниковал. Он напомнил себе, что завтра у него совещание, а значит, нужно непременно как следует выспаться. Он вызвал машину и среди ночи прикатил на улицу Стахановцев, повергнув зевавшую Ирину в полное недоумение. Он, конечно, не стал ей ничего объяснять. Не сознаваться же, что до смерти напуган. Он просто рухнул в разобранную постель – и тотчас заснул...

Днём на работе страх отчасти забылся. Но стоило вечером вернуться к себе – и всё повторилось. На сей раз к благоверной Гнедин не поехал. Просто зажёт в каждом углу свет. Во всех комнатах, в кухне, в ванной, в сортире и даже в кладовке... Это помогло: он заснул.

По счастью, был человек, которому Владимир Игнатьевич мог раскрыть душу, не опасаясь насмешек и унижительных намёков насчёт психиатра. Этот человек зачастую бывал жутким хамлом, а про Фрейда если когда и слышал, то мимоходом. Зато он прекрасно чувствовал границу между опасностью мнимой и реальной. И если требовалось, умел справляться с обеими.

С Виталиком Базылевым они встретились на Мишкиных сороковинах. Гнедин к тому времени был уже издёрган бессонницей до предела. Одноклассники выпили за помин, и тогда-то Владимир Игнатьевич вывалил Виталику всё как на духу.

– Я, по-моему, следующий... – сказал он, и губы натурально запрыгали.

Прозвучало пафосно до отвращения. Однако Базылев помнил, что в школе Вовка действительно иной раз чётко угадывал, кого следующего вызовет к доске строгая математичка. Может, он и теперь не ошибся, печёночкой угадывая в потёмках какую-то неясную, но жуткую тень. И всесильный лидер пулковской группировки лишь рубанул ладонью, чуть не перевернув стол:

– Накаркаешь, на хрен!..

А потом хмуро пообещал: ребята, мол, в натуре, присмотрят. Аккуратненько-аккуратненько... Мишкина смерть и ему даром, видимо, не прошла.

На несколько недель страх вроде бы отпустил, тем более что никакого «топтала» базылевские ребята не обнаружили... Но недавно, когда Гнедин сопровождал почётного гостя – министра юстиции из Дании – в Мариинский театр, там, сидя в директорской ложе, он вдруг совершенно ясно почувствовал, что из пёстрой шевелящейся массы партера на него глядит смерть. Рубашка под официальным костюмом мгновенно прилипла к лопаткам, он медленно, точно кролик под взглядом удава, повернул голову в направлении опасности... и, конечно же, никого не увидел. Никто не целился в него из снайперской винтовки, и красная лазерная точка по пиджаку не плясала. Однако жуткое ощущение продолжалось ещё с полминуты. Явственное ощущение наведённого дула. Сквозняка из чёрной пустоты небытия...

Может, всё это были фокусы измороженного воображения. А может, и нет.

Он снова встретился с Виталиком. А на другой день позвонил в «Эгиду». Естественно, изучив для начала всю подобающую информацию. Определяющим фактором, как ни парадоксально на первый взгляд, была глухая вражда, существовавшая между «Эгидой» и пулковскими. И тот факт, что Мишку, убитого на территории собственной фирмы, обнаружили именно эгидовцы...

Вот поэтому Базылев и посоветовал ему к ним обратиться.

Плещеев, эгидовский начальник, терзал Владимира Игнатьевича уже более часа, с дотошностью матёрого киллера вникая во все детали гнединской жизни. Когда тот сообщил ему о пришедшей на ум ассоциации, Плещеев даже не заметил иронии.

– А что ж вы хотите? – спросил он, недоумённо глядя на клиента поверх сильных очков. – Конечно, нас интересует та же информация, что и наших противников. Только с разными целями.

Рослый, очень красивый командир группы захвата, сидевший рядом с Плещеевым, слегка улыбнулся и ничего не сказал, а Владимир Игнатьевич начал потихоньку прикидывать, кого бы из эгидовских силовиков загадать себе в ангелы-хранители. Нет, конечно, не этого синеглазого красавца, от которого кипятком писали бы в Голливуде. Но уж и не бритоголового неандертальца со шрамом на лбу, что возился внизу с собаками, когда он входил... Воображением Гнедина успела окончательно завладеть монументальная мощь рыжего великана Фаульгабера – вот это да, вот это я понимаю! – когда Плещеев нарушил его размышления, неожиданно произнеся:

– Так. Я, кажется, понял, кто именно вам необходим. – И повернулся к голливудскому супермену: – Познакомь.

Каким образом он ему сообщил, о ком именно шла речь, Гнедин так и не понял. Синеглазый потянулся к устройству громкой связи и нажал кнопку:

– Заместителю командира группы захвата подойти в кабинет к шефу!..

Дверь открылась едва ли не прежде, чем Гнедин успел обернуться в ту сторону. И увиденное сначала вызвало у него мысль о какой-то ошибке: на пороге стояла девушка. Облачённая в выцветший камуфляж, но в целом далеко не тяжелоатлетка. Нормальной внешности, нормального роста...

– Вызывал, командир? – буднично спросила она.

– Познакомься. – Супермен легко поднялся и встал между ними. – Это Владимир Игнатьевич Гнедин, заместитель начальника юридического управления в Смольном. Возможно, твой будущий принципал.

«Будущий принципал» был до того ошарашен, что ему изменили рефлексy, и он позабыл привстать в кресле хотя бы из вежливости.

– А это, – продолжал командир группы захвата, – Екатерина Олеговна Дегтярёва. Моя заместительница... и наше лучшее предложение по вашей защите. Решение, естественно, за вами.

– Да вы что? Какое решение? – развёл руками Гнедин минуту спустя, когда Катя вышла за дверь. Он улыбался, не зная, возмущаться ли уже всерьёз или обратить всё в шутку. – О чём тут вообще думать?

– Ну, – Плещеев тоже улыбнулся, – уговаривать вас мы, конечно, не будем...

– И правильно. Пока я не решил, что у вас тут феминистки командуют. Женщину, знаете ли, лучше использовать по прямому её назначению... – Гнедин всё-таки решил обойтись без открытых конфликтов. – Как ни крути, а всё равно из ребра...

Его личному вкусу полностью отвечал бодигард, с которым он прибыл в «Эгиду». В настоящий момент парень дожидался в приёмной – обширный, точно шкаф, с невозмутимым фейсом и, как сразу заметил Плещеев, при стволах на левой голени и под мышкой. Было в нём даже что-то от Люцифера из старого японского мультфильма про Кота в сапогах. Страж был суров, не улыбался и мерил окружающих взглядом – бдел. Типичный образец демонстративной охраны на американский манер.

Звали парня Мишаней. Официально Гнедин нанял его через тридесатую фирму, но был он, естественно, базyleвцем, и Виталя, рекомендуя, ручался за него головой.

– Знаете древний анекдот? – Гнедин потёр ладонь о ладонь. – Угодила красивая женщина в ад... Ну, черти варить её, жарить, что ещё там, кожу драть... стандартная процедура. Тут в горячий цех заходит сам сатана: «Эх вы, черти, черти. Это же в сыром виде употребляют...»

Командир группы захвата никак не отреагировал на его остроумие. Плещеев вежливо улыбнулся:

– Повторяю, выбор за вами, уважаемый Владимир Игнатьевич. Навязываться не будем. Но и без небольшого дружеского банкета категорически не отпустим...

– Даже так?

– Даже так. И на этом банкете, уж вы нас простите великодушно, телохранителей у вас будет двое. Ваш нынешний – и Катюша. Мы ведь тоже, знаете ли, не цитадель, злоумышленники повсюду могут проникнуть. А не дай бог с гостем что-то случится...

Так называемый банкет собрали мгновенно. Группа захвата во главе с командиром просто вылетела наружу и оперативно «сделала план» ближайшим ларькам, оптом закупив два больших торта, конфеты, печенье, кофе в пакетиках и тьму-тьмущую фруктов. Выволокли из подсобки спортзала раскладные столики и весёленькие пластмассовые креслица... Алгоритм был накатанный.

– Смотри в оба, – шёпотом предупредил Гнедин Мишаню, когда спускались по лестнице. – Что-то крутят они... как бы провокацию не устроили...

Бодигард, по обыкновению, молча, величественно кивнул, а с другой стороны к Владимиру Игнатьевичу уже подплыла эгидовская секретарша, длинноногая Алла, бывшая «Мисс Московский район».

– Банкет... – проворковала она, снайперски стреляя из-под длинных ресниц. – Очень хочется чего-нибудь эдакого... сочного и горячего...

– И сладкого, – ответил Гнедин ей в тон. Что-то внутри вздрогнуло.

– Прошу вас... прошу... – Блистательная Алла решила быть хозяйкой банкета и умело устраивала гостей за столом. И в какой-то момент Гнедин с приятным волнением осознал, что, кажется, и сам ей понравился: она расположилась напротив и очаровательно улыбнулась ему. При этом изысканное импортное платье чуть сдвинулось с плеча, и он увидел, что у неё ещё не сошёл нежный летний загар – холёное плечико отливало шоколадным мороженым.

«Есть контакт», – весьма прозаично думала при этом красавица-секретарша. Задачу перед ней Плещеев поставил вполне определённую, и выполняла она её с удовольствием.

Торты, к некоторому сожалению, оказались приторными, а печенье – пресным: зарубежная выпечка кажется вкусной только с большой голодухи. Впрочем, особо это никого не расстроило. Народ дружно ругал осточертевший импорт, весело вспоминал бабушкины ватрушки и шоколад производства фабрики Крупской. И надо ли говорить, что по окончании кофепития всех потянуло на фрукты.

К этому времени молчаливый диалог между гостями и хозяйкой банкета вышел на необходимые обороты. Алла томно покуривала и загадочно улыбалась ничего не подозревающим жертвам. Время от времени она поправляла волосы, давая полюбоваться прозрачной кожей запястий, а то вдруг медленно проводила язычком по влажной верхней губе... Это были, в общем-то, старые как мир завлекающие сигналы, но бодигард со своим принципом о «языке тела» если когда-то и слышали, то успели благополучно забыть, а потому вели себя естественно. Сиречь как глухари на току. Или петухи на заборе. Сдували с плеч несуществующие пылинки, выпячивали грудь, поправляли галстуки – мол, ты нам тоже нравишься, красавица, прям спасу нет!.. Грозный бодигард – кремень и гранит, как в разговоре с Плещеевым охарактеризовал его Гнедин, – встретился с Аллой взглядом и ажно выродил скупую улыбку... Близилась кульминация.

На столе появилась хрустальная ёмкость, полная экзотических плодов. Круглых, вытянутых, шишкообразных...

– Смотри-ка ты, спелый! Тыщу лет не едал... – Осаф Александрович Дубинин принялся терзать ананас. – От него, знаете, если корочки посушить, так потом хоть чай с ними пей. Такой аромат...

– Старый скряга, – вполголоса прокомментировала Марина Викторовна Пиновская. – Плюшкин несчастный.

Сама она носила гордое прозвище Пиночет.

Гнедин потянулся за манго, Мишаня предпочёл киви, Алла же выбрала банан. Группа захвата постаралась на совесть – перед ней лежал самый длинный, должным образом изогнутый... Сладкий, но не перезрелый... упругий...

– Ах ты, мой красавчик... – Алла нежно обхватила плод пальцами, быстро оборвала шкурку до середины и прикоснулась языком к самому кончику. Чуть помедлила... и принялась *употреблять*. А именно облизывать белоснежно-бархатистую мякоть. С чувством, неспешно... Её зрачки расширились и замерцали, грудь, не стеснённая мешанскими оковами лифчика, трепетала под лёгкой импортной тканью, а лицо светилось ожиданием, предвосхищением восторгов блаженства...

Это был высший класс!.. Гости ощутили томление во всех членах и перестали жевать. Между тем, взасос поцеловав фрукт, Алла принялась погружать его в рот – всё глубже и глубже,

умело расслабив мышцы гортани, так, будто хотела проглотить его не жуя... Говорят, нечто подобное делают начинающие порнозвёзды. И кончающие «живоглотки».

Эффект был достигнут – гости подозрительно тихо застыли на месте. За столом ещё продолжались какие-то разговоры, но для них ничто уже не существовало. Не шевелясь, смотрели они на белоснежное Аллино горло, в глубинах которого натужно и сладострастно двигалось нечто... Объёмом и формой напоминавшее... Вот она, женщина! Совершенно готовая к использованию по прямому своему назначению!.. Как она естественна, как волнуется и живёт её тело, как трепещет от невыразимых желаний... Нет, такого ни в каком кино не увидишь. Незабываемое зрелище – «если женщина просит»...

...Какая-то сила без предупреждения шарахнула Гнедина в грудь, опрокинув его навзничь вместе со стулом. Катя Дегтярёва, о которой он успел благополучно забыть, стояла над ним, держа двумя руками небольшой пистолет, и воронёное дуло сурово указывало на что-то, находившееся за спиной у Мишани. Лёжа на спине, Владимир Игнатьевич невольно проследил направление Катиного взгляда... Там, у стены, стоял гигант Фаульгабер. И сжимал в занесённой руке мясницкий устрашающий нож. Изготовленный для удара в ту самую точку, где мгновение назад находилась его, Гнедина, голова...

Мишаня медленно оборачивался, держа похожий на мохнатую картофелину недоеденный киви. От неожиданности он подавился – по подбородку тёк сок.

Фаульгабер опустил свой тесак и принялся дружески хлопать его по спине. Ясно, мол, пацан, кто есть ху?..

...Ну не любит наш человек попадать в больницу. И дело даже не в том, что многие наши люди, особенно пожилые, понимают лечебницу как этакую пересадочную станцию по дороге на тот свет. Дескать, угодил на казённую койку, считай, плохи дела. Одной ногой ты уже «там».

Нет, тут причина иная. Она – в отношении.

Есть, конечно, святые доктора, говорят же, не стоит село без праведника, ну а медицина и подавно. Мы не хотим ни на кого возводить напраслину, вот и доктор Татьяна Яковлевна запечатлена была нами с натуры, но... общей картины святые, к сожалению, не составляют.

Пока ты дитя малое, лечат тебя зачастую по принципу: «Бог дал, Бог взял... Ещё нарожаете».

Потом, когда ты становишься полноценным работником, при обращении за помощью в тебе более-менее откровенно подозревают симулянта. И отфутболивают до последней возможности. Когда же ты к ним приезжаешь на «скорой» – выписывают со скоростью звука и еле таскающего ноги отправляют обратно на производство.

А когда ты выходишь на заслуженный отдых, на тебя вообще начинают взирать с плохо скрываемым недоумением: «Ему на кладбище прогулы ставят, а туда же – лечи его! Перетопчется! Следующий!..»

Последовательно пройдя – или очень близко наблюдая – все эти три стадии, общение с докторами хочется свести по мере возможности к минимуму. Кому же хочется ощущать себя лагерьной пылью?..

...Ну так вот. Рады сообщить всем интересующимся, что Владимир Матвеевич Виленкин, известный питерский коллекционер, вышеописанными комплексами отнюдь не страдал. Его всю жизнь лечили очень хорошие доктора. Это были не просто знающие специалисты, но и заботливые, душевно чуткие люди. Они никогда никуда не спешили. И пациента не гнали.

И если возникала надобность в госпитализации, то об ожидании места в больнице не заходило даже и речи. Специальная машина отвозила Владимира Матвеевича в уютный небольшой особняк рядом с историческими парками Петергофа. Там имелось медицинское оборудование, которое и во сне не снилось той же Татьяне Яковлевне с её детской больницей. И

отдельная палата. И персонал, общаясь с которым человек себя чувствовал не лагерной пылью, а особой королевских кровей.

Мудрено ли, что среди такой благодати Владимир Матвеевич быстро шёл на поправку. Принимал должные процедуры, гулял, отдыхал, а чтобы не скучать – ибо от скуки начинают одолевать лишние мысли, – сражался с ноутбуком в цветной пространственный тетрис... Так проходили дни, но после отбоя компьютер приходилось выключать, сон же, как водится на старости лет, являлся не сразу, и тогда-то неотвратимо оживал устроенный ему эгидовцами кошмар. Покамест Дубинин с Пиновской щадили подорванное здоровье коллекционера и, будучи людьми деликатными, визитами его не донимали, а к теме золотого дуката² и вовсе не возвращались... но они ЗНАЛИ. Или догадывались, что было, в общем, не лучше. И это значило, что говорить с ними рано или поздно придётся. Иногда Владимиру Матвеевичу начинало казаться – уж лучше бы поскорее. Лучше какая угодно развязка, чем такое вот ожидание. Он даже молиться на сей счёт пробовал, но ожидание не кончалось. Наверное, Бог не слышал его. Или, наоборот, слышал очень даже хорошо...

Во сне он видел себя совсем молодым, подающим надежды искусствоведам. Видел седую шевелюру и юные глаза своего научного руководителя. Сияющие глаза учителя, гордящегося учеником... Затем появлялась иссушенная, инквизиторская физиономия полковника Кузьмиченко. Его глаза... Такие любили изображать на портретах настоящих чекистов. Они пронизывали насквозь. Кто не с нами, тот против. Товарищ, вы против?.. Листы бумаги с убогими строчками. Надписи «Хлеб» на автозаках. Блеск найденных при обысках бриллиантов... Глаза людей, меняющих бесценные монеты на хлеб. Тихий голос старого друга: «Володя... за что?..»

«За что, Господи?..»

Наяву Владимир Матвеевич умел возвести безупречные логические построения, надёжно отгораживавшие его и от полковника Кузьмиченко, и даже от бывших старых друзей. Если бы не умел, вряд ли дожил бы до своих лет. Иногда коллекционеру даже казалось – воскресни все эти люди и вздумай они тащить его на некий последний суд, он и там произнёс бы такую аргументированную и стройную речь, что даже высшая справедливость не нашла бы, к чему прицепиться.

Кирпичики доводов укладывались в монолитную стену, словно фигурные кубики тетриса...

– Бонжур, почтеннейший Владимир Матвеевич! Как здоровьечко драгоценное?..

Монолитная стена рухнула, словно карточный домик, кубики рассыпались прахом. На пороге стоял осанистый россиянин в дорогом строгом костюме. Породистое лицо, украшенное явным сходством с академиком Лихачёвым... Добрая улыбка. Ненаигранное благородство манер, понимающие глаза...

И руки, синие от татуировок.

Владимир Матвеевич даже не задался вопросом, как этот человек вообще его разыскал, как он пробрался сюда.

– Что... – сипло выдавил он. – Что... вам... ещё от меня...

Это был он. Негодяй и мерзавец. Самым хладнокровным образом упёрший золотой дукат. *Тот самый* дукат... Что делать? Кричать? Тревожные кнопки на стене нажимать?..

Почему-то не подлежало сомнению, что любые попытки кричать и сопротивляться окажутся бесполезны.

– Все ПОРЯДОЧНЫЕ люди искусства желают вам скорейшего выздоровления. – Склонив убелённую сединами голову, визитёр вытащил объёмистый пакет и элегантно жестом

² История ограбления Виленкина вором в законе Французом и малоприятные для «потерпевшего» факты, всплывшие при расследовании, изложены в романе «Те же и Скунс».

убрал его в тумбочку. – Витамины... А то не *comme il faut*³ получается... Мы ведь с вами люди искусства, дражайший Владимир Матвеевич, *n'est-ce pas*?⁴

– Я... мы... – Виленкин от ужаса едва мог вымолвить слово, но посетитель на беседу и не напрашивался.

– Так вот, *mon cher monsieur*⁵, лучшее средство для укрепления здоровья, а тем паче для долгой и счастливой жизни – это молчание. Так французы считают. Не стоит дожидаться, пока «колумбийский галстук» повяжут, лучше просто держать рот на замке... Не правда ли, велика мудрость народная?

Его глаза вдруг стали жуткими и опасными, он резким движением полоснул себя ладонью поперёк гортани. Потом учтиво раскланялся... и уже в дверях покачал головой:

– Совсем забыл! Ах, память, память... Годы, наверное... Что лучше – склероз или маразм? Должно быть, склероз: о маразме как-то забываешь... Так вот, хочу сделать вам, уважаемый Владимир Матвеевич, так скажем, звоночек. Из прошлого. Мы же старики с вами... Нам и освежить память не грех...

Вытащил из кармана фотографию, положил на стол... Владимир Матвеевич впился в неё глазами... А когда смог оторвать взгляд, то увидел, что его гостя в палате уже не было. Исчез. Как в воздухе растворился.

– Ну, святая Богородица, ну, сука, ну, падла!.. – позабыв недавние молитвы, богохульно выругался коллекционер. И... заплакал.

На фотографии был запечатлён рубль. Да не простой, а серебряный. И не просто серебряный. С изображением императора Константина. Того самого, который никогда императором не был и отрёкся от престола ещё до выпуска рублей со своим профилем. Всего-то успели таких монеток выпустить только семь штук. Теперь каждая – целое состояние, и немаленькое. Владимир Матвеевич умудрился в своё время выменять знаменитый «рубль Константина» на полмешка муки. И уже после войны сплавить его за границу, от греха подальше. И вот вам пожалуйста!.. Всё тайное с пугающей скоростью начало делаться явным!.. Доколе, Господь?..

³ Как следует, «комильфо» (*фр.*).

⁴ Не так ли? (*фр.*)

⁵ Сударь мой дорогой (*фр.*).

Визит неприспособленного

– А зохн вэй!.. – возмутилась Эсфирь Самуиловна Файнберг и, сердито сдвинув на лоб очки, оглядела коммунальную кухню. – Ну, рассматривает себе человек золото в чемодане, так прямо сразу надо на него ружьё наставлять? И пускай себе рассматривает!.. Вам-то, спрашиваю я, какой интерес?

Ей никто не ответил. Только рыжий котище Пантрик высунул усатую морду из-под стола своей номинальной хозяйки Вити Новомосковских. Тётя Фира иной раз баловала колченогого инвалида кусочком. Однако на сей раз речь шла явно не об угощении, и Пантрик, верно оценив ситуацию, уполз досыпать.

На кухне царило редкостное безлюдье. Был вечер; работающие жильцы вернулись домой и в настоящее время ужинали по своим комнатам, а тётя Фира в гордом одиночестве пекла на кухне пирог. Вообще говоря, финальный акт кулинарной драмы личного присутствия автора как бы не требовал, но тёте Фире было семьдесят шесть лет, и она имела обыкновение, отлучившись «на минутку» из кухни, начисто забывать о поставленном на огонь. Последствия иногда бывали самые катастрофические.

Вот она и караулила на обшарпанной табуретке возле плиты. А чтобы нечаянным образом не сорваться на какие-нибудь дела, читала книжку. Книжка, прямо скажем, была не из тех, какие в её возрасте обычно читают. На мягкой обложке кривились в оскалах жуткие рожи, извергали свинец пистолеты и автоматы, а буквы названия оплывали багровыми каплями. Тётя Фира вникала в современный отечественный боевик.

У неё была веская и таинственная (о, как она оглядывалась у лотка!..) причина потратить на этот томик кровных семь тысяч⁶. И приступить к изучению, когда никто, кроме кота Пантрика, не мог за ней проследить. Но какое разочарование поджидало её буквально на первой странице!.. Нет, с подчёркнутой сексуальностью действующих лиц и с матерными словами в тексте она худо-бедно, поёживаясь, примирилась. Что поделаешь – какая жизнь, такие и песни. Но когда дед героя, предавшись фронтовым воспоминаниям, обозвал «студебеккер» *трофейным* грузовиком!.. Оставалось гадать, с кем мы всё-таки воевали более полвека назад.

Поразмыслив (семь тысяч как-никак отдала), Эсфирь Самуиловна преодолела первое побуждение и всё же не стала выбрасывать книгу в мусорное ведро. Пускай будет маразм престарелого персонажа, решила она. Другое дело, каждый сюжетный ход отныне вызывал у неё законные подозрения. О чём она, время от времени забывая о конспирации, оповещала кота Пантрика и кухонные стены.

Что же касается пирога, то он был с капустой и притом из довольно хитрого дрожжевого теста, именовавшегося, словно в насмешку, «ленивым». По глубокому убеждению Эсфири Самуиловны, это самое тесто, а заодно и начинка, должны были однажды загнать её в безвременную могилу.

Правду сказать, тётя Фира до последнего времени не увлекалась готовкой. Тому опять же были причины; волею недоброй судьбы оставшись в девицах, она жила всю жизнь одна. Настоящая же серьёзная стряпня подразумевает многочисленную принимающуюся и вертящуюся под руками, а затем – дружно лопающую родню. Ну и для кого было тёте Фире стараться? Для себя одной?..

Так и получилось, что вкуснейший (когда удавался) пирог по маминому рецепту она пекла не чаще одного раза в год. Хроники боевых действий она не вела, но, кажется, не осталось ни единого ингредиента, кроме муки, который бы она не упустила из виду. Как и этапа технологического процесса, который бы она по нечаянности не нарушила. Однажды она забыла отжать

⁶ Позволим себе напомнить читателю, что речь идёт о временах прежде деноминации рубля.

капусту, вынутую из кипятка; в результате пирог, больше смахивавший на мокрую губку, гости съели ложками прямо из противня. Да ещё и хвалили, воспитанные!.. В другой раз – ой взй, лучше вовсе не вспоминать! – тётя Фира начинила и аккуратнейшим образом защищала пирог, полюбовалась красавцем и уже хотела ставить в духовку... когда до неё вдруг дошло, что она не прослоила тесто маргарином. То есть своими руками загубила собственный многочасовой труд. Впору было зарыдать, как композитор Россини над блюдом лично приготовленных и лично угробленных макарон... что тётя Фира немедля и сделала. Бросила полотенце и чашку со взбитым яйцом, которым собиралась мазать пирог, – и рухнула в слезах на кровать.

По счастью, достопамятная трагедия случилась уже при её жильце, Алёше. Которому, между прочим, она и имела в виду устроить приятный сюрприз. Алёша (зачтёт ему это Бог!) для начала накапал своей хозяйке валокордина, а затем, прояснив ситуацию, вскрыл пирог и проворно выгреб начинку: «Тётя Фира, где там у вас „Воимикс“?..»

Смех и грех – тот раз в тесте попадались запечённые ошмётки капусты, но в целом пирог вышел как никогда прежде удачным. Это было два месяца назад. Сегодня тётя Фира ждала очень дорогого гостя и только потому, укрепясь духом, решила на повторение кулинарного подвига. И было похоже, что практика начинала сказываться: сегодня при изготовлении пирога случился всего один инцидент. Когда будущее украшение стола, уже водворённое на противень, в последний раз *подходило* на электрогрелке, на него придумал улечься тётя-Фирин кот Васька.

Кошачья логика была проста и понятна: тёплое, мягкое и вкусно пахнет из-под полотенца... Однако несчастной кулинарке от этого было не легче. Она так ахнула, схватившись за сердце, что норвежский лесной мгновенно осознал весь ужас содеянного и дал дёру на шкаф. Естественно, трамплином при этом ему послужил всё тот же многострадальный пирог.

Тётя Фира всю жизнь проработала медсестрой и, помимо нищенской пенсии, заработала на этом совершенно маниакальные понятия о санитарии. Ей стоило огромного труда убедить себя, что, во-первых, *нефеш*⁷ Васька контактировал с тестом сугубо сквозь полотенце; во-вторых, пирогу предстояло минимум полчаса при температуре двести тридцать градусов Цельсия, сиречь полная стерилизация; и в-третьих (это, положим, было уже малодушие), гостю вовсе даже не обязательно ни о чём говорить...

Эсфирь Самуиловна сердито перевернула страницу, но вместо того, чтобы углубиться в дальнейшие приключения героя, внезапно вспомнила маму. Семья врачей Файнбергов была очень советской – что, впрочем, не предотвратило папиного ареста, причём задолго до знаменитого «дела врачей». Но это случилось потом, а когда всё было ещё хорошо, маленькая Фирочка однажды явилась из школы перемазанная чернилами. И мама, видимо опасавшаяся, что дочь вырастет неряхой, рассказала ей в назидание про гимназиста по имени Володя Ульянов. «Однажды он писал сочинение. Огромное, на тридцати шести листах. И на последнем нечаянно посадил кляксу. Он переписал все тридцать шесть листов...»

У детей цепкая память... Восьмилетней девочке в голову не пришло задуматься, чего ради было переписывать всё – им там что, насмерть сшитые листы выдавали? Воображение школьницы было слишком потрясено громадностью труда, проделанного будущим Лениным. Тридцать шесть листов!.. Когда для неё самой оставалось едва посильной задачей исписать одну страницу в тетрадке!.. Имело значение даже то, что мама говорила не о «страницах», а именно о «листах». Лист – это ведь две страницы. Она долго потом не решалась спросить маму, как писал своё сочинение Владимир Ильич. На одной стороне? Или на обеих?..

...Тётя Фира расстроилась уже вконец, уронила очки и зашарила по карманам в поисках платка, потихоньку загадывая: если с пирогом всё же выйдет конфуз, значит мама таки сердится ею на небесах... Однако в это время (слух у старой женщины был по-прежнему

⁷ Балда, негодник, проказник (*еврейская брань*).

великолепный) за поворотом скупо освещённого Г-образного коридора проскрипел в замке ключ, потом щёлкнул выключатель, зашаркала по колючему половику уличная обувь... обычная возня вернувшегося домой человека. А поскольку все квартирные обитатели уже были здесь... Тётя Фира поспешно высморкалась и спрятала крамольную книжку.

– Он умчался прочь на газонокосилке, перед этим выпив четыре бутылки... – сдержанно донеслось из прихожей, и она поняла, что слух не подвёл её. Это действительно появился её жилец Алексей.

– От кустов остались пеньки да опилки, – сообщил он ей, возникая в дверях. И немедленно повёл носом. – Тётя Фира, я же с лестницы на запах пришёл! Это что вы тут, если не секрет, такое вкусенькое готовите? Пролетариату дадите попробовать?..

Внешность у Алексея Снегирёва была самая заурядная. Под сорок, худой, невысокий, с ничем не примечательным блёклым лицом и невыразительными глазами, неопределённо-серыми, как зола. Единственной деталью были совершенно седые, не по возрасту, волосы. Да и те он стриг ёжиком – поди разбери в вечных сумерках коммуналки, какого они на самом деле цвета.

– Пирог пеку, – ответила тётя Фира. И прикрыла для верности кухонной тряпкой засунутый в карман фартука боевичок. – Вы же понимаете, Алёша, к нам Монечка сегодня придёт. Помните, я вам говорила?

Алексей опустил на корточки перед плитой, внимательно заглянул в прозрачную бойницу духовки и секунду спустя осторожно поинтересовался:

– Тётя Фира, а вы не хотите взглянуть, как он там поживает?..

Она ахнула, вскидывая к глазам руку с часами. Потом с невнятным восклицанием схватилась за суконки для горячей посуды. Пирог впору было спасать.

Моня обещал прибыть к девяти часам вечера, и Эсфирь Самуиловна приложила немало усилий, подгадывая пирог как раз к этому сроку: «Он войдёт – а тут я из духовки горяченький достаю...» Однако по телевизору успела кончиться программа «Время», потом часы на шкафу пробили десять – а Мони всё не было. Отчаявшись услышать долгожданный звонок или рассмотреть что-либо в окошко, тётя Фира несколько раз выглядывала на лестницу... и наконец принялась решительно одеваться.

– Вы это куда собрались?.. – изумился Снегирёв, войдя в комнату и обнаружив свою квартирную хозяйку в кофте и с тёплым платком в руках.

Та потупилась:

– К метро хочу прогуляться... Вы же понимаете, Алёша, сейчас такое творится...

– А вы Софочке позвоните, – предложил Алексей. – Он ведь от Софьи Марковны должен был ехать?

Тётя Фира замотала головой:

– Нет, Алёша, я не могу. Вы только представьте: я ей звоню, а она говорит, что давным-давно его проводила...

Снегирёв устало вздохнул.

– Ладно, тётя Фира, уговорили, – сказал он затем. – Фотография Монины у вас какая-нибудь есть?..

Насколько успела понять Эсфирь Самуиловна, её жилец был человек, что называется, с биографией. Весьма даже с биографией. И потому совершенно не имел склонности смеяться над её опасениями за Мониноу жизнь. А кроме того – посмотрев один раз на любую Мониноу фотографию, он безошибочно узнал бы его на улице. Вне зависимости от одежды, наличия или отсутствия очков, усов и так далее. Такой вот жилец. Тётя Фира скомкала пуховый платок и принялась беспомощно озираться...

И в это время на стене комнаты залился соловьиной трелью звонок. Старая женщина всплеснула руками, уронила платок и с юной прытью бросилась в коридор – открывать дверь.

Моисею Львовичу Каплану – Монечке, о котором так долго говорили большевики, – было двадцать девять лет, и, несмотря на столь характерное «ф.и.о.», ничего библейского в его облике не наблюдалось. Монику внешность скорее следовало признать усреднённой. Назови русским – сойдёт. Назови евреем – тоже сойдёт. С некоторой натяжкой.

– Тётя Фира, я тут вам пирожных купил, – сказал он, повесив в тамбуре длинное пальто и проходя в комнату. – Вы, кажется, такие любили? Белковые. А почему вы дома так тепло одеваетесь? Здесь очень дует, наверное?

Тёти-Фирина комната, являвшая собой фрагмент разгороженной некогда гигантской гостиной, имела архитектурную особенность – полукруглое окно размером в добрую половину стены. От него действительно иногда безбожно сквозило, и старая женщина успела перепугаться, не продует ли Монечку, но вовремя вспомнила, что ветер нынче дул северный, не попадавший в окно. Она растроганно взяла у гостя кондитерскую коробочку:

– Спасибо, хеяс майне⁸, спасибо... – И щёлкнула выключателем пузатого электрочайника. – Сейчас чайку попью, ты и согреешься. Надолго в Питер-то к нам?

Моня прошёлся по комнате, рассматривая породистую бытовую технику. Едва ли не единственным диссонансом среди дорогих фирменных устройств выглядел допотопный отечественный телевизор. Чёрно-белый «Вечер» был современником и свидетелем тёти-Фириной молодости, и поэтому она упорно отказывалась его заменить. Хотя жилец предлагал...

– У меня, – сказал Моня, – чисто деловая поездка. Завтра вечером – обратно в Москву. На «Стреле»...

– Монечка, деточка, ну так же нельзя!.. – снова испугалась Эсфирь Самуиловна. – Надо себя хоть немножко беречь!.. Рано или поздно такой режим начнёт сказываться на здоровье!..

Моня пожал плечами:

– Что поделаешь, тётя Фира, бизнес. А почему вы третью чашку поставили? Вы ещё кого-нибудь ждёте?

– С нами Алёша чайку попьёт, – отозвалась она. И привычно окликнула: – Алёша! Идите чай пить!..

– Какой Алёша?.. – оглянулся Моня, и тётя Фира запоздало сообразила, что новость его не слишком обрадовала.

– Мой жилец... я ему комнатку... – растерянno и виновато выговорила она. – Он мне...

– Алексей, – бодро представился Снегирёв.

Тёти-Фирин гость без большой охоты протянул руку:

– Миша...

– Алёша, осторожнее, у Монечки РУКИ!.. – поспешила предостеречь жильца Эсфирь Самуиловна. И немедленно прикусила язык: если Монечка пожелал быть для него Мишей, значит пускай так оно и будет, а её, старую безмозглую клизму, никто не просил болтать языком.

Между тем Алексей, вняв предупреждению, со всей мыслимой осторожностью подержал Монику руку в своей и уселся за стол, на привычное место. Тётя Фира поспешно разрежала пирог и поставила блюдо посередине, рядом с пирожными:

– Вроде не совсем ещё остыл, кушайте, мальчики.

Снегирёву повторять было не нужно – сразу ухватил румяный уголок и откусил половину:

– Вкусно-то как, тётя Фира...

Он был одет по-домашнему: в пузырящиеся на коленях тренировочные штаны и серую тенниску. Столичный житель Моня, в противоположность ему, не пожелал расстаться ни с

⁸ Счастье моё (идиши).

галстуком («техасский» кожаный ремешок, застёгнутый металлической бляшкой), ни с пиджаком. Он поддел облюбованный кусок специальной лопаточкой, но увы! Пышное тесто слишком хорошо поднялось, кусок был поперёк себя толще, что в сочетании с рыхлой капустной начинкой делало всё сооружение весьма неустойчивым. Лопаточка же годилась только для транспортировки худосочных импортных кексов... То есть, как говорят в таких случаях на Востоке, «ферфаллен ди ганце постройка». Дело не кончилось катастрофой только потому, что многоопытная тётя Фира успела схватить тарелочку и поймать ею падающий на скатерть пирог.

– А что у вас с руками, если не секрет? – доброжелательно спросил Снегирёв. – Попортили где-то?

– Алёша, я же вам рассказывала, – снова встряла Эсфирь Самуиловна. – В своё время Мо... Мишеньке не дали возможности стать скрипачом, но он хочет непременно вернуться в музыку и очень упорно занимается самостоятельно.

– А-а, – понимающе кивнул Снегирёв. И потянулся за добавкой.

Моня наконец отведал пирога, действуя чайной ложечкой и всем своим видом показывая, какой это верх неприличия – есть руками.

– Ну как?.. – с надеждой спросила хозяйка.

– Вкусно, конечно, тётя Фира. Как всегда у вас, – прожевав, отвечал Моня. – Но, по-моему, прошлый раз было удачнее. Тут такие жёсткие корки...

– Так и не ешь их, Монечка, а то в самом деле живот ещё разболится, – захлопотала Эсфирь Самуиловна. – Оставь, я голубям потом покрошу...

Моня с видом извечного страдальца переместил на свою тарелку пирожное из коробочки:

– Что верно, то верно, фабричное всегда как-то надёжней...

Это был любимый лозунг Софочки, Софьи Марковны, которая доводилась ему родной тёткой и, что характерно, стряпать умела исключительно бутерброды.

Снегирёв покрошил на ладонь немного начинки и теста и наклонился предложить вертевшемуся под ногами коту:

– А нам с Василием в самый кайф. Правда, коташка?

Васька принялся и с готовностью уткнулся мохнатой мордочкой ему в руку.

Моня расправился с безвкусной фабричной продукцией и принялся самоотверженноковырять ложечкой развалины пирога:

– Зачем же голубям. Чтобы не обижать вас, тётя Фира...

Снегирёв вытер о штаны тщательно облизанную Васькой ладонь и взял очередной кусок. Моня наконец доколул первый и заметил ему:

– Очень сытный пирог. Вы, кстати, знаете, Алексей, что так наедаться на ночь совсем не полезно? Могут быть неприятности с печенью.

– Да? – простодушно удивился тётя-Фирин жилец и подлил себе чаю. – А я-то радуюсь, до чего тесто лёгкое, прямо, знаете, словно мимо желудка проскакивает. Как всё первый кусок ем...

Дело медленно, но верно переходило на личности, причём Алёша действовал по принципу яблока, свисающего сверху на нитке: ни за что не укусишь «без рук», только сам слюнями зальёшься. Тётя Фира в очередной раз дерзнула вмешаться:

– Мишенька, а можно спросить, какой у тебя в Питере интерес? То есть геше... бизнес?

Моня не спеша отряхнул с костюмных брюк крошки и ответил с той долей небрежности («...аспирантура в Гарварде – это не важно, и что на Нобелевскую выдвигают – это тоже не важно...»), которая, по мнению многих, призвана подчёркивать истинную значимость дела:

– Да так, ничего особенного... я теперь работаю в холдинг-центре «Надёжность, Нравственность, Благородство». Может, слышали – в прессе нас чаще просто «ННБ» называют...

Нас!.. Эсфирь Самуиловна уставилась на него чуть ли не с благоговением. Сколько ни было в той самой прессе скандальных разоблачений, слова типа «франчайзинг», «фьючерсная

компания» или «холдинг-центр» всё ещё оказывали на неё воздействие, близкое к гипнотическому.

Зато Алексей неожиданно фыркнул. Громко, очень ехидно и без тени почтения:

– А главным начальником кто? Не Микешко? Тот самый, который в девяносто пятом году...

– Послушайте!.. – возмущённо перебил Моня. Его терпению наступил предел. – Я вообще не понимаю, что вы здесь делаете? Вас пригласили чаю попить – вы попили? И что вы всё время вмешиваетесь в чужой разговор? Мы спрашивали вашего мнения?..

Тут тётя Фира потеряла дар речи и только беспомощно переводила взгляд с одного на другого. Снегирёв усмехнулся.

– Бесэдер...⁹ – проговорил он, пожимая плечами. – Не буду мешать...

Сгрёб на тарелку ещё два куска пирога, взял чашку, поднялся и ушёл к себе через маленький тамбур, отделявший тёти-Фирины владения от коридора. Кот Васька распушил хвост и, несыто мяукая, помчался следом за ним. Норвежский лесной рассчитывал на добавку и имел основания полагать, что там ему не откажут.

Когда бывала возможность, Снегирёв любил поваляться на диване с книжкой. Читать что-нибудь не требующее умственного труда, беззаботно погружаться в дремоту... просыпаться и продолжать чтение. По его меркам это было совершенно неприличное расслабление (завершающий штрих – кот, уютно свернувшийся на животе...), однако старинные диверсантские навыки и тут брали своё.

Узкая и длинная комната, где он обитал, в «проклятое царское время» представляла собой закуток для горничной. После революции, в эпоху уплотнений, стену, отделявшую его от гостиной, сломали, получив двадцатиметровую комнату с двумя разномастными окнами. Такой она и досталась в далёком теперь пятьдесят восьмом счастливому новосёлу – Фирочке Файнберг. Спустя годы та восстановила историческую справедливость, превратив воссозданный «чулок» в нечто вроде кладовки, однако вместо былой кирпичной стены между комнатами теперь стояла всего лишь тонкая перегородка. Она великолепно проводила все звуки, и настал момент, когда недреманный инстинкт подтолкнул Алексея, докладывая: на сопредельной территории что-то не вполне так, как всегда. Он отложил книжку, прислушался и сразу всё понял. Из-за переборки доносилось размеренное мужское похрапывание. А вот обычного алгоритма шорохов и шагов, сопровождавшего тёти-Фирин отход ко сну, так и не произошло. Как и приглушённого ритуала проводов гостя.

Он сказал себе, что это его не касается, и перевернул страницу. Потом всё-таки отложил Дика Фрэнсиса, слез с дивана и пошёл проверять.

Тётю Фиру он обнаружил на кухне. Она, оказывается, принесла туда маленькую настольную лампу и тоже пыталась читать, но мало что получалось. Книжка в мягкой обложке то и дело падала из руки, а седая голова неудержимо клонилась.

– Тётя Фира!.. – страшным шёпотом окликнул её Снегирёв. – Вы, вообще-то, чем тут занимаетесь?..

– Я... я... – Старая женщина испуганно проснулась и зашарила в поисках свалившихся очков. – Бессонница у меня, Алёша.

– Ага, – кивнул он. – Я уж вижу.

Тётя Фира страдальчески заморгала:

– Тогда зачем спрашиваете?..

⁹ Нет проблем (еврейский аналог «о'кей»).

– Да так. Интересно стало, с какой радости этот поц¹⁰ недоделанный в вашей комнате дрыхнет, а вы на кухне сидите. – Он проворно нагнулся и, к полному ужасу тёти Фиры, поднял оказавшуюся на полу «нелегальную литературу». – Ещё и хлам какой-то читаете...

У неё чуть отлегло от сердца, ибо «Убийца на понедельник» на него ни малейшего впечатления не произвёл и к ненужным ассоциациям не подтолкнул. Она поспешно убрала книжку в карман и слегка поджала губы:

– Не говорите такого про Монечку. Во-первых, он хороший мальчик, а во-вторых, вы же его совершенно не знаете.

Алексей искренне изумился:

– А чего ещё я про него не знаю?

– Не надо, Алёша, Монечка, он... он такой неприспособленный... И здоровье... Вам не понять...

– Да где уж мне. Так, значит, Софья Марковна его к вам, потому что у вас вроде как две комнатки, а у неё однокомнатная? И не в кухне же на раскладушке ему, неприспособленному, ночевать?

Эсфирь Самуиловна едва не расплакалась.

– Алёша, поймите, он же у меня на глазах вырос. Я его вот таким помню. Он мне как сын...

– О господи, – вздохнул Снегирёв. – Ну ладно, тётя Фира, пошли.

– Куда?..

– Спать.

Она попыталась отговориться, дескать, у неё в самом деле бессонница, ей здесь очень хорошо и удобно, и вообще, она так решила. Однако спорить с жильцом в некоторых случаях бывало бессмысленно. Он просто поднял её со стула и препроводил в «свою» комнату, на покрытый пледом старый диван.

– А вы как же, Алёша? – шёпотом, чтобы не разбудить Монечку, забеспокоилась она.

Снегирёв молча раскатал по полу спальник. Ему было не привыкать.

Утром гость проснулся в одиннадцатом часу, и тётя Фира получила возможность излить на него новую порцию материнской заботы. Вернувшийся с пробежки Снегирёв хорошо слышал, как открывался и закрывался холодильник, как гудела и попискивала микроволновка. Что же касается аромата разогреваемого пирога, то он был способен пройти навывлет не то что хилую перегородку – даже и прежнюю капитальную стену.

Снегирёва, впрочем, к совместному завтраку не пригласили. Надо полагать, во избежание демографической катастрофы. Как только за Монечкой закрылась квартирная дверь, тётя Фира, страдая, постучалась к жильцу:

– Алёша, кофейку с пирожком...

Он сидел на подоконнике, раскрыв маленький, с ладошку, компьютер, и что-то набирал на миниатюрной клавиатуре. На часах было уже двенадцать, то есть, по мнению большинства обывателей, неприлично поздно для завтрака. Снегирёва, однако, давно перестали обременять предрассудки, в том числе суточный ритм. Ел и спал, когда желание совпадало с возможностями. Он отставил крохотную машину:

– Спасибо, тётя Фира. Забаловали вы меня.

– Алёша, – сказала Эсфирь Самуиловна, – вы же понимаете. Вы мне тоже как сын.

– Спасибо, тётя Фира, – повторил он очень серьёзно.

Её распирали жгучие новости, и она торжественно поделилась с жильцом:

¹⁰ Еврейское бранное выражение, аналог русского «хрен».

– Вы знаете, Моне́чка на той неделе снова приедет. Он сказал, что ночью очень замёрз и почти не спал, потому что от окна ужасно сквозило. Так он мне его вымоет, заделает и заклеит. Вы представляете?

– Не представляю, – с набитым ртом проговорил Алексей. – А как же РУКИ?..

С его точки зрения, Монино уютное похрапывание мало соответствовало замерзанию на сквозняке. Но это было его личное мнение, и он оставил его при себе.

– Вы смеётесь, но он действительно учился на скрипача, – вступилась за Софочкиного родственника Эсфирь Самуиловна. – К сожалению, педагог был... как бы это вам объяснить... очень русский... и Моне́чку скоро отчислили... Ну то есть вы понимаете.

– А то как же, – цинично кивнул Снегирёв. – Антисемиты кругом. На эту тему хороший анекдот есть. Советский ещё. Объявили конкурс на должность телеведущего, собрались соискатели, вызывают их по одному... Ну и вот, выходит такой после прослушивания – рожа в бородавках, хромой, косорукий, перекошенный весь и притом страшный заика. «Ну как, приняли?» – «К-к-какое там, в-в-вы-гнали... П-п-потому что ев-в-вре-ей...» Тётя Фира, а что за бланки там у вас на буфете лежат? Это не Моня забыл?

Она оглянулась, на миг испугавшись, что неприспособленный Моня действительно оставил у неё какие-нибудь важные документы... И вспомнила вторую сногшибательную новость, которой хотела поделиться с жильцом.

– Это, – с гордостью сообщила она, – типовое заявление. Вы представляете? Моне́чкина фирма нам, пенсионерам, надомную работу устраивает. Такую выгодную, между прочим, что вы не поверите. Государство отмахивается, а вот нашлись же люди, помогают... Все, конечно, хотят, но я ведь ему тоже вроде родной...

– Тётя Фира, я вас умоляю... – застонал Снегирёв. – Вы не помните, во времена, когда не было ещё никакого бандитизма, а только мелкий промысел, случилось в Питере одно занятное мошенничество?.. Приходили люди, говорили, что они из газовой службы, и просили жильцов для их же блага помочь сделать «контрольный замер». То есть чисто вымыть две молочные бутылочки и оставить на ночь возле плиты – чтобы, значит, газ, если вытекает, туда набирался. А рано утром завязать горлышко бумажкой, надписать номер квартиры и выставить за дверь на площадку. Бутылки, мол, соберут и увезут на анализ. И если всё будет в порядке, то хозяев больше и беспокоить не будут. Народ, конечно, бутылочки выставлял. И что самое интересное, ни к кому плиту чинить так и не пришли. Молочные бутылки в те времена, помнится, по пятнадцать копеек сдавали... Вам ни о чём это, случайно, не напоминает?..

Тётя Фира открыла рот, чтобы с жаром опровергнуть его домыслы и доказать, что выгодный проект «ННБ» ничего общего с «мелким промыслом» отнюдь не имел. Однако в это время за стенкой тихонько пискнул компьютер, и Снегирёв, извинившись, вылез из-за стола. Эсфирь Самуиловна проводила его глазами...

Два Александра и третий Пушкин

В тот вечер, когда Саша Лоскутков вызвал к матери маленького тёзки Шушуни, Вере Кузнецовой, «скорую», ехать в больницу она отказалась¹¹. Обморок скоро прошёл, и они решили, что он случился просто от усталости и нервного напряжения. Саша мигом перенёс молодую женщину в комнату, на диван, Надежда Борисовна бросилась к дочери, стала гладить её по щеке, называя по имени, и почти сразу она открыла глаза. Даже попыталась остановить Сашу, когда тот, выхватив из кармана мобильник, стал вызывать «скорую», – дескать, что зря людей беспокоить? Пусть, мол, едут к тем, кому они в самом деле нужны. Саша только отмахнулся; жизнь давно убедила его в полезности перестраховки. Тем не менее к приходу врачей Вера уже сидела и смущённо уверяла мать, что ничего страшного с ней не случилось. Даже сказала что-то ей на ухо, отвернувшись от Саши, но у того был слишком острый, отточенный тренировками слух, и он разобрал нечто о «критических днях».

«Сейчас обмороки у женщин не редкость, – сказал пожилой врач. – Плохое питание, всё детям, себе ничего, у половины – пониженный гемоглобин...»

Тем не менее он настоял на подробном осмотре. Внимательно выслушал лёгкие... нахмурился и предложил госпитализацию.

«Полежите в стационаре, там вас спокойно посмотрят, не надо будет в поликлинике по очередям с гриппозными сидеть...» – приговаривал он, выписывая рецепты.

Но Вера лишь отрицательно мотала головой.

«Ладно, только дайте мне слово, что обязательно пройдёте обследование!»

Дать слово нетрудно... Врач оказался ещё одним подвижником из тех, благодаря которым мы ещё худо-бедно веруем в отечественную медицину. Он звонил, напоминал... Наверное, нет для такого подвижника ничего хуже пациента, который предпочитает не идти с открытыми глазами навстречу опасному диагнозу и последующему лечению, а, наоборот, предпочитает до последнего прятать голову в песок. Как будто, если достаточно упорно делать вид, будто всё хорошо, обманутая реальность изменится в угоду нашим пожеланиям...

«Вер, я бы, может, по своим каналам попробовал?.. – заговорил с ней однажды Саша Лоскутков. – К нашему доктору тебя, а?..»

«А я как раз из поликлиники иду, – почти неожиданно для себя самой соврала Вера. – Ничего не нашли. Спасибо большое за беспокойство...»

И ей действительно стало лучше. Но ненадолго. Однажды Вера проснулась ночью от жжения за грудиной, около сердца. Она выпила сердечных капель и снова заснула... А утром, умываясь, закашлялась и увидела в раковине кровь. Тут же накатила слабость, вынудившая схватиться за край ванны. К слабости отчётливо примешивался страх. Вера сказала себе, что всё это от вида крови, определённо происходившей из потревоженной зубной щёткой десны... Одевшись, она в очередной раз отправилась на свою овощебазу – копаться в гнилье... Но не доехала. Потеряла сознание и свалилась прямо в вагоне метро.

Естественно, кто-то принял её за пьяную и брезгливо отодвинулся. Как ни странно, сердобольнее всех оказалась компания хулиганистых с виду подростков. И молодой милиционер, ехавший по своим делам и уже косившийся на хамоватую ребятню. Он и двое пацанов с «ирокезами» на головах вынесли Веру на перрон, девчонка с подведёнными зелёным фломастером глазами кинулась за дежурной...

Снова приехали врачи, и на сей раз так запросто отделаться от них Вере не удалось.

¹¹ См. роман «Те же и Скунс», гл. «Довёл, паразит!».

Шушуня выбежал в прихожую на звонок. Бабушка открыла дверь, и он повис у «дяди Саши» на шее. С тех пор, когда Лоскутков подобрал его в метро, потерянного выпивохой-отцом, маленький тёзка очень к нему привязался. Ждал, дожидаться не мог. Ходил с ним гулять и явно гордился, шагая мимо дворовых мальчишек.

– Верочка-то уснула, слава богу... – шёпотом предупредила Шушунина бабушка, Надежда Борисовна. Потом пожаловалась: – Татьяна эта её только сейчас была, всю квартиру святой водой перебрызгала. Врачи в больницу посылают, а она в церковь тащит... Я спорить взялась, а теперь думаю: вдруг правда поможет...

Верина подруга Татьяна Пчёлкина была кандидатом технических наук. Институт, где она прежде работала, сдал в аренду почти все свои помещения, уволив соответствующее количество сотрудников – едва не всех, кроме дирекции. Татьяна сделала несколько довольно вялых попыток устроиться по специальности, потом махнула на это дело рукой. Уже больше года она вместе с Верой промышляла на овощебазе и... сделалась за это время ревностной христианкой. Она принадлежала к одному из последних поколений, выросших при государственном атеизме. То есть о православии, как и о прочих религиях, знала больше понаслышке, да ещё в отрицательном смысле. Опиум для народа и всякое такое. Она и теперь не была большим знатоком. Крутой жизненный поворот поменял в её сознании минусы на плюсы, и тем дело ограничилось. Стремление узнать побольше и вникнуть поглубже, вроде бы должное сопровождать кандидату наук, так и не шевельнулось. Зато теперь Татьяна повязывала голову платком, спущенным на самые брови, да к тому же где-то подцепила идею, будто разговаривать на темы, не относящиеся к божественному, – жутко греховно. Саша встречал её несколько раз у Кузнецовых. «Как поживаете?» – «Хорошо». И всё, кончена беседа. Саша успел прозвать Татьяну «Просвиркой». Естественно, сугубо про себя.

Услышав от Надежды Борисовны о предполагаемом походе в церковь, он представил себе икону под стеклом и сто человек верующих, по очереди целующих это стекло... Содронулся и подумал, что некоторые аспекты религиозных чувств ему понять всё же не суждено.

Присутствие Вериного мужа Николая Саша засёк в квартире на слух. Тот сидел возле постели жены и чувствовал себя очень несчастным, по-видимому в основном из-за непривычной трезвости. Он не вышел поздороваться с Лоскутковым. Так уж получилось, что при первом знакомстве Саша потрянул его в четверть силы за шкирку, не без труда воздержавшись от более радикальной расправы. И надобно полагать, его тогдашние намерения были уловлены звериным чутьём, которое просыпается у некоторых пьяниц взамен разума, отравленного алкоголем. С того дня гражданин Кузнецов стал его смертельно бояться.

– Дядя Саша, – Шушуня уже стоял в тёплых ботиночках, и бабушка Надя застёгивала на внучке голубенький комбинезон, – а вы мне стихи рассказывать будете?

Лоскутков улыбнулся:

– Обязательно. Ну, тёзка, двинулись. Шагом марш!

– Шагом марш, – бодро отозвался Шушуня.

Надежда Борисовна смотрела в окошко, как они шли через двор... Господи, ну почему Верочка вышла замуж не за такого вот Сашу, а за беспутного Николая?.. Всё ж было ясно с самого начала, когда Вера повела парня знакомиться, а он по дороге свернул в магазин – за бутылкой «для храбрости».

«Он бросит пить, мама, он мне обещал! – успокаивала Вера. – Он меня любит!...»

С тех пор Николай дважды пытался «завязать». Сразу после свадьбы отправился «подшиться». Не помогло. Не выручил и экстрасенс, к которому прибегли, когда родился Шушуня. Понадобилась Верина болезнь и, может быть, лёгкое вразумление с Сашиной стороны, чтобы он сделал третью попытку. Насколько серьёзную?.. В чудеса Лоскуткову давно уже что-то не верилось...

Надежда Борисовна слышала, как в комнате тяжело закашлялась Вера, и по спине пробежал уже знакомый ледяной холодок. У матери был тот же характер, что и у дочери: она изо всех сил давила страх, зревший в душе, и попросту запрещала себе даже думать о том, что же будет, если Верина болезнь... ЕСЛИ...

Вздрыгнув, пожилая женщина снова посмотрела в окно. И увидела, как Лоскутков, выбравшись на газон, учит её внука ловко кувыряться в снегу.

*– Перевернуто корыто,
Под корытом – крот!
Перевернуто корыто,
На корыте – кот! —*

читал Саша обещанные стихи. —

*Он когтями по корыту скрежетал,
Но крота из-под корыта не достал!
Крот же, лёжа в темноте,
И не думал о коте.
Думал крот, что в этом зале
Звуки музыки звучали.
Думал он: «Какой талант —
Неизвестный музыкант!..»¹²*

– Это Пушкин написал?.. – по обыкновению, поинтересовался Шушуня. Видимо, их правильно воспитывали в детском саду, но Саша, усмехнувшись, ответил:

– Нет, не Пушкин.

– А кто?

– Ну... Один человек...

¹² Стихи А. А. Шевченко.

Нелюбимая у окна

Дом стоял в глубине квартала, отгороженный от шумной улицы корпусами других зданий и скоплением угловатых обрубков, когда-то называвшихся тополями. Сразу после войны, когда район только застраивали, юные деревья были здесь долгожданными новосёлами. С тех пор они усердно росли, по максимуму используя хилое ленинградское лето и выкачивая, как насосы, болотную сырость из почвы. Видимо, в благодарность за это люди в начале каждой весны учиняли над ними пытку, именовавшуюся формированием крон. Иногда об экзекуции забывали лет этак на пять, потом спохватывались, и тогда подрезка превращалась в четвертование. Ибо обрадованные передышкой деревья успевали вымахать чуть не до крыш. Тогда во дворах принимались реветь бензопилы, и дети таскали по дворам ветки и здоровенные сучья. Самые жалостливые выбирали укромные уголки и сажали ампутированные древесные конечности в землю. Порою случалось чудо: ещё живые обрезки, сами размером с полноценное дерево, действительно принимались расти...

Последнее превращение тополей в лишённые веток столбы случилось в прошлом году. Без сомнения, это был уже акт чистого садизма, не продиктованный никакими практическими соображениями. Ибо в воздухе вовсю веяли новые ветры – квартал «шёл» на благоустройство. Это, в частности, предполагало полную корчёвку *сорных* пород. К коим были ныне причислены и многострадальные трудяги-тополя...

Женщина стояла возле окна. Она часто стояла так, подолгу глядя во двор.

Когда-то в детстве Ирина панически боялась наводнений. Ей всё казалось, что их дом, стоявший на набережной, однажды неминуемо должно было затопить. Она даже во сне видела, как всё кругом заливают чёрной водой. Теперь она была взрослой, и детские страхи превратились в смутное опасение, гнездившееся на задворках сознания. Быть может, Нева с её периодическими разливами действительно являла собой для Ирины нечто судьбоносное. По крайней мере, жила она по-прежнему недалеко от реки – между улицей Стахановцев и Малоохтинским. Володя сначала предлагал ей квартиру на самом берегу, с чудесным видом на Лавру, но она предпочла другую – вот эту свою нынешнюю. И теперь, случалось, целыми днями простаивала у окошка, глядя во двор...

В школе Ирина (тогда ещё не Гнедина) училась еле-еле. За полным отсутствием способностей и интереса к предметам. Английская школа была очень престижной. Никто не удивлялся ни дочке крупного «партайгеноссе», ни тому, что её за уши перетаскивали из класса в класс вплоть до выпускного. Рядом примерно так же (и притом вовсю шалопайничая) учились сын министра, внук известного дипломата, отпрыски видных хозяйственников...

То есть педагогам хватало забот и без Ирочки, тихо сидевшей на задней парте и смотревшей в окно.

Когда после школы она с первой попытки поступила на филфак и резко стала учиться на круглое «отлично», это тоже ни у кого не вызвало удивления. С определённым контингентом английских школ и похлеще метаморфозы случались.

В двадцать два года её выдали замуж. За Володю, сына «того самого» Игнатия Гнедина. Династический брак есть династический брак; чувств к жениху Ирина не испытывала никаких. Ни за, ни против. Правду сказать, она и к другим молодым людям особых чувств не испытывала. Вялое любопытство – не более. Ничего, что подвигло бы её закрутить бурный роман. Провести с однокурсником незабываемую ночь на ухабистом общежитском диване... Увы, её сердце оставалось безмятежно, точно подёрнутое ряской болото. Она восприняла свадьбу и начавшуюся семейную жизнь с сонным спокойствием растения, которое заботливый садовник пересаживает с одной грядки на другую. Естественно, новобрачные сразу въехали на отдель-

ную площадь. Столь же естественным образом Ирина Гнедина не проработала по специальности ни единого дня.

Но потом наступил девяносто первый год, и привычный мир стал давать одну трещину за другой. Хорошо хоть Гнедин-старший мгновенно учуял, откуда задул ветер, и оперативно перекрасился в демократы и реформисты. Отец Ирины принципами поступаться не пожелал и остался в непримиримой коммунистической оппозиции. Однако на новом поприще жизнь у него не задалась. Видный некогда партийный деятель быстро усох до третьестепенного. И умер от инфаркта, не разменяв седьмого десятка.

Новоиспечённый демократ Гнедин отстал от свояка всего на полтора года; видно, смена кожи недёшево ему обошлась. Однако к тому времени Гнедин-младший уже держался бульдожьей хваткой за одну из ветвей власти, устроенный прочно и высоко. В кабинете заместителя начальника юридического управления. В Смольном.

Он не развёлся с Ириной, хотя физического влечения к ней не испытывал никогда, а вместе с её папенькой угас и династический интерес. Просто, что бы там ни говорили, а разводы в официальных кругах как прежде не поощрялись, так не поощряются и теперь. Владимир приватизировал для благоверной трёхкомнатную по её выбору – у метро, тёпленькую после евроремонта... и стал заглядывать в гости не чаще раза в неделю.

Ирина прекрасно знала, что где-то (где именно, она не пробовала выяснять) у мужа имелась ещё и другая квартира, и там он в своё удовольствие вёл плеейбойскую жизнь. Устраивал холостяцкие вечеринки с друзьями, приглашал платных и бесплатных подруг...

Молодую соломенную вдову это по большому счёту не волновало.

Она тоже могла бы творить всё, что ей только заблагорассудится, не опасаясь репрессий со стороны мужа. Однако Ирине Гнединой не «заблагорассудилось». Возникавшие время от времени расплывчатые желания и мечты так и оставались на уровне нереализованных душевных поползновений. Ей никто не мешал, но она так и не завела не то что любовника – даже кошку.

Порою она целые вечера простаивала у окна, выключив надоевший телевизор и глядя во двор, на редких прохожих и ещё более редкие автомобили.

...Пока на тополях не обчекрыжили ветки, там время от времени появлялись гнёзда. Одно из них, воронье, хорошо просматривалось с четвёртого этажа. Ирина помнила, как серая птица хлопотливо возилась в укромной развилке, неприметной с земли (о том, что в городе могут найтись ещё и наблюдатели сверху, законное дитя природы не помышляло). Отложив яйца, ворона уселась их греть. Увы, то ли из-за экологических бед, то ли ещё по какой причине кладка оказалась нежизнеспособной. Ворона никак не желала это уразуметь – и героически продолжала высиживание. Так тянулось месяца три. Потом лето кончилось, и налетела первая осенняя буря с сумасшедшим ветром и наводнением. В ту ночь Ирина очень плохо спала, но к утру Нева вошла в берега, в очередной раз не причинив лично ей никакого ущерба. Но вот от гнезда на тополе не осталось ни веточки. Пропала куда-то и ворона. Больше её во дворе не видели.

...За герметичным двухкамерным стеклопакетом в который раз густели непогожие сумерки. Мокрый снег ложился ноздреватым ковром, заравнивая часовой давности следы от колёс. Потом прямо по газону прохлюпал рубчатыми кроссовками долговязый парнишка из соседнего дома, прикативший на последнем поезде метро. Во дворе было почти совсем тихо; крупные хлопья тяжеловесно кружились под фонарём, постепенно стирая протянувшийся к подъезду аляповатый пунктир... Ирина продолжала смотреть.

Show must go on¹³

В день, когда Жене Крылову настала пора выписываться из больницы, гнилая зима поднатужилась и разразилась настоящим, крепеньким, славным морозцем. И даже – явно по великому благу – лёгким и пушистым свежим снежком, искрившимся на солнце. Он выпал аккурат ночью, при прохождении небольшого холодного фронта, и весьма кстати припорошил замёрзшую грязь. Женя вышел на высокое крыльцо, снабжённое, кроме ступеней, ещё и пандусом для машин. Заботливые руки присыпали обледенелый пандус крупным песком. Некоторое время Крылов стоял неподвижно, жмурясь и с наслаждением дыша. Холодный воздух покалывал, как шампанское. В нём отсутствовали вездесущие больничные запахи, и уже от этого он казался Жене состоящим из чистого кислорода.

Крылова, естественно, никто не встречал. Более того: с ним только что распростились, снабдив инструкциями на все случаи жизни и наказав смотреть в оба. И теперь несколько пар глаз (весьма, кстати, вооружённых) внимательно следили за ним, выжидая, что будет. Ему очень хотелось оглянуться, но он не оглядывался.

Что ж, пока ровным счётом ничего не происходило. Пока?..

Женя знал лучше многих: когда нечто начинает происходить, то, как правило, оказывается, что всеобъемлющие инструкции именно этого и не объяли. «Ладно, – сказал он себе. – Посмотрим».

Пока смотреть было решительно не на что.

Заснеженный садик перед больницей оставался пустым, если не считать чьих-то родственников с фруктами и домашними тапками в сумках да инвалидного автомобиля, допущенного на территорию и аккуратно пробиравшегося по дорожке. Женя нашёл взглядом маленькие нарядные купола, видимые сквозь голые кроны, и с чувством перекрестился. Потом спустился с крыльца и медленно пошёл в сторону ворот, помимо воли прислушиваясь к только что зажившим болячкам. Ухаживали за ним, грех жаловаться, по высшему классу. Но всё равно казалось, будто «на воле» тело ведёт себя совсем по-другому, чем в кабинете лечебной гимнастики, и вопрос, можно ли ему вполне доверять, ещё требует уточнения...

При всей бросающейся в глаза Жениной молодости он испытывал подобное уже не впервые.

Он встряхнул тощую спортивную сумку, передёрнул плечами, то ли сбрасывая что-то, то ли, наоборот, заново примеряя к себе, проверяя, ладно ли будет сидеть... Друзья-эгидовцы, следившие за ним в дальнобойную оптику, видели, как зябко нахохлившийся парень на ходу становился таким, каким его знали за пределами службы. Это снова был по всем параметрам типичный уроженец глухого уголка области, давно забытого всеми, кроме, может быть, Бога. Сорванный с корней деревенский житель, привычно ждущий подвоха от городских умников и всегда готовый скрыться в непробиваемой скорлупе понятий и ценностей, унаследованных от предков-крестьян... Упрямый, тугодумный и неторопливый. С недоверчивым взглядом светлых глаз исподлобья...

И при этом – с чеченской войной за плечами. Плюс не отмеченная особой логикой история, столь драматично загнавшая его в конце октября на больничную койку...

В общем, к воротам больничного садика подходил совсем не тот Женя Крылов, которому двадцать минут назад давал последние наставления эгидовский шеф.

Когда до этих самых ворот осталось пройти с десятков шагов, Женино профессиональное внимание привлекла характерная физиономия джипа, обрисовавшаяся из-за угла кирпичной сторожки. И сам серебристый «гранд-чероки», и его номер (буквы «О», одинаковые цифры –

¹³ Представление должно продолжаться (англ.).

не хухер-му-хер!) были очень знакомыми. Женя прошёл ещё немного вперёд, остановился и стал смотреть, прикрыв ладонью глаза от яркого солнца.

Пока он смотрел, дверца джипа щёлкнула, наружу выбрался человек... Женю встречали. Стало быть, не ошибся Багдадский Вор, засекший приметный автомобиль на дальних подступах к лечебному учреждению. Человек приветственно помахал рукой, и Женя поймал себя на том, что обрадовался ему. Обрадовался Андрею Аркадьевичу Журбе, лидеру тихвинцев. В руке у лидера была зажата на две трети пустая жестяная баночка. Одно из невинных развлечений, которое Журба со товарищи время от времени себе позволяли: на глазах у гаишников хлестать «Хольстейн», сидя за рулём иномарки. А потом демонстрировать возмущённому стражу порядка... полную безалкогольность напитка.

Между прочим, на той стороне проспекта действительно стояла сине-белая спецмашина с выключенными мигалками. К некоторому разочарованию Журбы, оттуда на его манипуляции с баночкой не обращали никакого внимания. Наверное, были заняты другими делами. Или тоже признали джип и владельца. Или просто плевать хотели на всё...

– Здравствуйте, Андрей Аркадьевич... – Женя потянулся к ушанке.

Журба гостеприимно распахнул перед ним дверцу:

– Залазь! Ездил на такой ласточке когда-нибудь?

Джип, оснащённый автоматической коробкой и множеством иных удивительных приспособлений, плавно и мощно взял с места.

– Хорошо бегаешь? – покосился Журба. – Не «жигули» небось! – И радушно предложил: – За руль хочешь? Соскучился поди?

– Да я... – смутился Крылов.

Он, конечно, уже расслышал недужное постукивание газораспределительного механизма, хруст и скрип из трансмиссии и иные звуки, гласившие, что джип, изначально рассчитанный на несерьёзное американское бездорожье, в российских условиях стремительно хирел и уже, так сказать, одним колесом метил на автомобильное кладбище. Но простой парень не мог не хотеть порулить на благородном иноземном красавце, и Женя с готовностью пересел.

– Поедешь на нём, а покажешь себя – чего доброго, подарю, – небрежно посулил тихвинский лидер.

– Да что вы, Андрей Аркадьевич... – покраснел Женя-«ффраер». Женя-эгидовец про себя усмехнулся, по достоинству оценив щедрость Журбы.

Атаман включил радио, и «Блестящие» затянули про розовые облачка. Журба расслабленно откинулся на спинку сиденья, но на самом деле внимательно следил за тем, как Женя вёл джип. И скоро пришёл к выводу, что парню можно доверить не только этот раздолбанный гроб, но даже и холёный личный «лендкрузер». Когда-то в безумной юности Андрей Аркадьевич любил напористую езду и на дороге не стеснялся: медлительных обгонял, строптивых подрезал: «С дороги, ложкаейники, Я еду!...» С тех пор прошли годы, он приобрёл положение и поумнел. И сам за рулём изменился, и водителей стал уважать таких, как этот Крылов, – зорких, вежливых, оставивших дешёвые понты дуракам. Когда выкатились на Ленинский, он сделал музыку потише.

– Не западло вон там тормознуть? Дельце одно есть...

Женя равнодушно пожал плечами и подрулил к девятиэтажному «кораблю».

– Первым делом, – пропел Журба, – мы испортим самолёты...

Они въехали во двор, миновали автомобильное скопище у поребрика и остановились возле подъезда с железной свежeverкрашенной дверью. Женя заглушил двигатель, повернулся к атаману, ожидая распоряжений – с ним идти или караулить машину, – и увидел, что Журба, слегка изменившись в лице, обшаривает карманы. Перерыв затем бардачок и отделения для мелких предметов, которых на «гранд-череки» тьма-тьмущая, тихвинский лидер досадливо выругался:

– Ну, блин, кажись, бирку¹⁴ дома забыл...

Женя-«фраер» с равнодушным любопытством следил за тем, как он в сотый раз расстёгивает-застёгивает молнии на куртке. Женя-эгиловец уже понял, к чему идёт дело, и не удивился, когда Журба хлопнул его по колену:

– Слышь, Джексон, у тебя ведь наверняка паспорт с собой? Из больницы-то? Выручай, корешок, у барыги одного бабки занять нужно, я потом с ним разберусь, отвечаю. Ты же меня знаешь, кидалова не будет.

До сих пор знать его «фраеру» вроде было особо неоткуда, если не считать драки на шоссе, но Женя опять поступил так, как от него ждали:

– Нет базара, Андрей Аркадьевич... Сейчас из сумки достану...

И правда, как отказать такому хорошему и заботливому человеку, ещё и посулившему Жене роскошный автомобиль?.. Они поднялись на третий этаж и увидели там обшарпанную картонную дверь. Журба соединил две проволоочки, торчавшие на месте звонка.

– Кто там? – почти сразу отозвался дребезжащий мужской голос.

Журба продемонстрировал в глазок все сорок зубов:

– Марк Соломоныч, я это, Андрей. Утром договаривались.

Щёлкнули замки, брякнул засов, и дверь отворилась. Вернее, тяжеломерно и даже величественно повернулась на мощных петлях, явив понимающему взгляду своё истинное качество. Картонной в ней была лишь маскирующая облицовка, а внутри пряталась надёжная сталь. Оснащённая американским полицейским замком. Так ушлые люди меняют внешний облик автомобиля, превращая новенькую машину в потасканную, да ещё и непрестижной модели.

– Здравствуйте-таки, молодой человек. А кого это вы ещё ко мне привели?.. Мне никто не нужен...

На пороге стоял и подозрительно разглядывал гостей пожилой толстяк с лысиной, обрамлённой неопрятными седыми завитками. Судя по тому, какой кислятиной несло из квартиры, форточки там не открывались неделями. Зато было тепло: Марк Соломонович стоял в одной маечке и домашних штанах. То и другое было засалено до невозможности.

– По его бирке бабки брать буду. – Журба взял Женю за плечо. – Вам, Марк Соломоныч, не один хрен?

– Андрей, вы попали в приличный дом! – Хозяин квартиры прижался к стене и пропустил визитёров в прихожую. – Здесь не ругаются на пороге, а вытирают-таки говно с подошв своих штиблет...

Сам он был в вонючих войлочных тапках на босую волосатую ногу. Он провёл Журбу и Крылова на кухню и поинтересовался:

– Ну?

В мойке громоздилась несвежая куча грязной посуды. Сесть предложено не было, но Журба сам уселся на табурет и положил ногу на ногу.

– Давай, Джексон, свою краснокожую... – взял у Жени паспорт и протянул хозяину дома. – Хочу восемь тонн на год.

– Хотеть, молодой человек, не вредно, вредно не хотеть. – Марк Соломонович обнаружил в улыбке прокуренные редкие зубы и громко позвал: – Фима, Фима! До тебя дело есть!..

На кухне тотчас возник долговязый чернявый парень. Коротко глянул на присутствующих, потом остановил взгляд на толстяке.

– На, пробей. – Марк Соломонович протянул ему паспорт и, кивнув на Женю, брезгливо поморщился: – Проверь, нет ли криминала, узнай метраж, прикинь стоимость, и, если порядок, заручную подгони...

¹⁴ Документ, удостоверяющий личность (жаргон).

Судя по некоторым специфическим выражениям, ростовщик в свой приличный дом попал из дома казённого. Минут десять в кухне царила тишина, только еле слышно урчал огромный холодильник «Бош». Он был того розового оттенка, который Женина бабушка назвала бы «телячьим».

– Ажур! – наконец-то вернулся долговязый Фима. – Криминала ноль. Вот планировка квартиры, вот жилыцы... район... рыночная стоимость на сегодняшний день...

– Так, так. – Марк Соломонович цепко ухватил протянутый бумажный лист и самым внимательным образом изучил. – Ну вот что, молодые люди, – он повернулся к Журбе, но при этом покосился на Женю, – восемь тонн я вам не дам. От силы шесть, под двенадцать процентов, сразу возьму за полгода, вы же знаете, какое сейчас время, кругом одно жульё...

– Ладно, валяйте, – кивнул Журба. И слегка толкнул Женю. – Давай, Джексон, подмахни документ.

– Распишитесь, молодой человек... – Марк Соломонович взял из Фиминых рук полностью готовый, со всеми печатями, бланк генеральной доверенности и ткнул в неё пальцем: – Вот здесь... – Под ногтями у него была траурная кайма. – И расписочку попрошу, по всей форме... Фима, продиктуй!

Пока тот диктовал, ростовщик сличил Женину подпись на гендоверенности и в паспорте. Когда расписка была готова, Марк Соломонович дважды перечитал её, вновь недоверчиво скосил глаза на гостей и, заверив:

– Я сейчас, – скрылся в недрах квартиры.

Вернулся он минут через десять. Зачем-то огляделся и выложил на стол приличную пачку стобаксовых.

– Здесь-таки всё точно. У нас как в аптеке!

– Проверим. – Журба взял доллары и со скоростью счетного автомата прошелестел всю толстую стопку. – Э, чегой-то не понял я, Марк Соломоныч! Стохи не хватает!...

– Быть не может! – Хозяин дома ещё раз самолично пересчитал зелень и сокрушенно покачал головой: – А зохн вэй, Фима, киш мирен тохес!¹⁵ Как ты считаешь бабки, шлимазол?...¹⁶ Здесь же все кругом порядочные люди!.. – Он вытащил из кармана сто долларов и с полупоклоном сунул в руки Журбе. – Ошибочка вышла, молодые люди, ффраернулись¹⁷, блин.

– Точно ффраернулся, сионист хренов. – Уже в салоне джипа Журба со смешком извлёк из кармана заныканную бумаженцию с портретом Франклина. В юности он неплохо «приподнялся» на ломке купюр и былых навыков до сих пор не утратил. – Перебьётся на изжоге, барыга позорный. Держи, Джексон! Это тебе на первоначальное обзаведение!

Женя Крылов, только что потерявший комнату в коммуналке, некогда купленную ему Шлыгиным, взял сто долларов и смущённо поблагодарил:

– Не знаю, когда отдам, Андрей Аркадьевич, честное слово...

Журба отмахнулся и опять включил радио, чтобы ехалось веселей. Из приёмника слышались цепенящие душу грозные аккорды, потом полетел голос покойного Меркьюри.

– Хорошо поёт, царствие ему небесное, – сказал Журба и сделал погромче. – Хоть и гомиком был... а всё равно люблю, блин.

«Show must go on», – неслось из динамиков...

Кажется, у Благого-младшего стало налаживаться дело с учёбой. Борис Дмитриевич боялся в это поверить, но запланированный поход в школу всё-таки отложил. Тем более что

¹⁵ Поцелуй меня в задницу (*идиши*).

¹⁶ Придунок (*идиши*).

¹⁷ Осрамились, опозорились (*жаргон*).

больше ему оттуда не звонили и родительских расправ над сыном не требовали. Последние несколько недель Олег сам предъявлял отцу раскрытый дневник. Оценки были не то чтобы блистательны, однако крепкие четвёрки соседствовали с пятёрками, и этих последних поне-много делалось больше. В таком дневнике можно было расписаться, не впадая в мучительные раздумья о дальнейшей судьбе отпрыска. И Благой расписывался – напуская при этом на себя излишнюю, может быть, суровость, помогавшую не допустить на лицо стратегически неправильное выражение «Давно бы так!». Очень уж он боялся спугнуть неожиданную полосу Олегова прилежания. Лучше делать вид, будто ничего особенного не происходит...

...И вот сегодня, повязывая перед зеркалом галстук, он увидел за левым плечом своего отражения приоткрытую дверь в комнату сына и его стол, а на столе – знакомую обложку «Дневника петербургского школьника». Борис Дмитриевич досадливо всплеснул руками. «Сколько раз тебе говорить, чтобы собирал портфель с вечера, а не утром, впопыхах...» Он хорошо помнил по собственному опыту, что приход в школу без дневника означал почти неизбежные неприятности. В том числе грозный звонок родителям сына-растрёпы. А также парочку двоек по разным предметам – хотя Благой до сих пор не мог взять в толк, какое отношение забытый дома дневник мог иметь к знанию русского или алгебры. Борис Дмитриевич решил уберечь сына от незаслуженных бед и не позволить им подорвать его новообретённую веру в себя. До школы было минут пять дворами, и уроки ещё не начались...

Все эти пять минут ходьбы он попеременно чувствовал себя то мальчишкой, спешащим на выручку сверстнику, то, наоборот, мудрым родителем, готовым всячески поддержать сына. Мог ли он знать, на какую мину наступит, едва перешагнув школьный порог!..

...Олега в классе не оказалось. Благой-старший успел решить, что Олег помчался домой за дневником и, наверное, как раз сейчас тщетно обшаривает свой стол... И в это время прямо на него по коридору выплыла завучиха Надежда Ивановна, полнотелая, грозная и без каких-либо следов былой красоты. Они с Благом встречались не впервые. Завучиха узнала его и наградила таким взглядом, что журналист, не терявшийся при встречах с бандитами, натурально оробел.

«Вот... Дневник Олегу принёс...» – проговорил он, словно оправдываясь.

«Дневник, – усмехнулась Надежда Ивановна. – Пойдёмте!»

Он пошёл за ней в сторону учительской, нутром ощущая, как рушится и уплывает из рук нечто такое, что пять минут назад казалось незыблемым. Так, наверное, люди, привыкшие считать себя здоровыми, идут выслушивать самый страшный диагноз.

Внутренний голос не ошибся. Завучиха сразу заговорила с ним о прогулах Олега.

«Погодите, – перебил он, – но ведь это, кажется, дело уже прошлое?»

И, как бы защищаясь, выставил перед собой Олегов школьный дневник.

Надежда Ивановна взяла дневник, перевернула несколько страниц... Усмехнулась и положила на стол классный журнал.

«Сравните».

Он сравнил... Его сын, точно заправский «теневой» бизнесмен, вёл двойную бухгалтерию. Сам себе ставил оценки. И весьма талантливо подделывал подписи учителей.

«Очень современный мальчик, – невесело съехидничала завучиха. – Что же дальше, Борис Дмитриевич? Я каждый день мимо рынка хожу. Пожалуйста, бланки аттестатов в каждом ларьке... Дипломы институтские, трудовые книжки по сходной цене...»

Долго после этого разговора Благой кружил по дворам, и ему казалось, будто попадавшиеся навстречу прохожие оглядывались на него и тыкали пальцем, ибо на лбу у него горела огненная надпись: «ПОЗОР!»

Служебные дела были забыты как нечто несущественное. Хотелось устроить возле дома засаду, дожидаться Олега, вклеить звонкую пощёчину и произнести нечто судьбоносно-непоправимое, типа: «Убирайся вон из моей жизни навсегда!» Какое, к чертям, родство крови?..

Вот хоть практикант Лёша Корнильев... Каким образом, в какой момент он, отец, упустил сына? Почему в другой семье вырос замечательный мальчишка, а у него?..

К счастью, знакомая шапочка Олега нигде в пределах видимости так и не мелькнула. Иначе Благой наломал бы такого, о чём, скорей всего, потом до гробовой доски бы жалел. Несколько раз сигналила недавно приобретённая трубка. Отвечать никакого настроения не было, и он её попросту выключил. Пусть что хотят, то и думают. Ну их всех к чёрту...

Приговор

Священный вулкан Катомби готовился принять в жертву ещё одну жизнь...

Солдат в грузовике было шестеро плюс офицер в кабине. Солдаты выбросили пленника из кузова наземь, и он пополз вверх по тропе, что вела к жерлу малого кратера. Он полз на четвереньках, поскольку изувеченные ступни просто не выдержали бы соприкосновения с горячей каменной землёй. Солдаты шли рядом, время от времени пиная его, чтобы полз побыстрее. Они беспечно смеялись между собой и даже не сняли автоматы с предохранителей: а зачем?.. Приговорённый был совершенно беспомощен...

...Тяжёлый инурованный ботинок, занесённый для очередного пинка, прошёл мимо цели, чернокожий солдат потерял равновесие, а в следующий миг его сердце остановилось раз и навсегда...

...Шестой солдат от испуга разучился стрелять, настолько он не ожидал, что полумертвец всё же сумеет подняться. В последний оставшийся миг воин атси замахнулся прикладом... И умер, как умерли первые пятеро.

...Офицер остался последним. Один на один с человеком, которому жить-то не полагалось, не то что драться и убивать. Офицер пытался к дымившему кратеру, сражаясь с кобурой пистолета, никак не желавшей расстёгиваться, мясистое чёрное лицо покрылось серым налётом. Он всё же успел, потому что сил у его противника осталось очень немного: страшные вспыхивания вроде той, что подняла его на ноги, не могут продолжаться сколь-нибудь долго... Бахнул выстрел, и пуля ударила пленника, но тот уже перешёл грань, когда думают о собственной жизни и смерти. Ещё один шаг, ещё один разряд безумной боли в обнажённых ступнях, и он дотянулся до офицера, и офицер умер. Приговорённый рухнул с ним рядом. Придя через некоторое время в себя, он стащил с офицера форменную рубашку, его же карманным ножом распорол её надвое и замотал ноги, чтобы можно было хоть как-то ступать ими по земле.

Его продали свои и давно не пощадили чужие, и он был по-прежнему гораздо ближе к смерти, чем к жизни, но он был свободен, и он мог, он мог попытаться...

Неделя, спустя которую Монеа должен был вернуться и собственноручно вымыть и закурить тёти-Фирины окна, тихо канула в прошлое. Снегирёв дождался солнечного оттепельного дня и предложил своей хозяйке заняться наконец окнами – пока действительно ещё продолжалась зима. Она отвела глаза:

– Мне Монеа обещал. Он скоро приедет...

– Приедет, будет ему приятный сюрприз, – бодро заверил её Алексей. Про себя он полагал, что в ином случае Монеа обещание будет справлять ежегодные юбилеи, но вслух об этом, понятно, воздержался. – И рученьки музыкальные портить не придётся...

– Не издевайтесь, Алёша, – обиделась тётя Фира. – Он же действительно...

Ей неизвестно зачем вспомнилось, как вечером после Монеа отбытия позвонила Софочка. Позвонила – и устроила старинной подруге громкий разнос: «Ты соображаешь, что делаешь? Подогретым пирогом его на завтрак кормила!..»

Поняв, что жилец настроен серьёзно, Эсфирь Самуиловна суматошно засуетилась, начав одновременно разыскивать стекломойную жидкость, кастрюлю и подходящие тряпки и всё время забывая, зачем конкретно полезла в тот или иной шкаф или ящик. Что поделаешь – в её возрасте к мероприятиям подобного класса следует готовиться за неделю. Иначе в голове всё путается и начинает казаться, будто наступил конец света.

Оценив ситуацию, Снегирёв потребовал у тёти Фиры карт-бланш, а получив оный – выставил владелицу комнат в гости к соседке Оле Борисовой. Захомутил Олиного мужа Гришу

рвать бумажные полотенца. Завербовал верзилу Тараса Кораблёва сбегать в магазин за рулончиками самоклеящейся бумаги. А сам вооружился синим баллончиком стекломоя, купленным, вообще-то, для «нивы», и полез на подоконник. Некоторые части громадного полукруглого окна открывались и были доступны из комнаты. Некоторые – исключительно извне. Эти последние по понятным причинам особенно заросли грязью, и Снегирёв посвятил им массу усилий. Гриша Борисов, очкастый интеллигент из Герценовского института, подавал куски розовой бумажной протирки и завистливо возмущался самонадеянностью Алексея, преспокойно расхаживавшего по подоконнику четвёртого этажа.

Снегирёв вполуха слушал его и думал о том, как повезло не ценившему этого дурачку. Если сравнить Гришин мир с тем, в котором жил он сам, получалось, что обитали они на разных планетах. Гриша не умел ни драться, ни стрелять, он боялся высоты, подонков в парадном и много чего ещё, он спешил домой к жене и таскал из молочной кухни тёплые бутылочки для маленькой дочки. Чего, спрашивается, ещё не хватает? Квартиры на двух уровнях, дачи, машины?.. Ну я же и говорю – дурачок...

Приёмник, настроенный на «Европу-плюс», тихонько ворковал, примостившись на табуретке.

– ...Группа «Сплошь в синяках»! – весело объявил диктор, жизнерадостное трепло, свято уверенное, что треплется с американским акцентом.

– Ну вот, – обречённо прокомментировал Гриша. – То «Крематорий», то «Лесоповал», а теперь ещё и «Сплошь в синяках». Чего только не выдумают от безделья. Может, выключим?

– Не надо, – сказал Алексей. – Пусть болтает, только бы не про политику.

Из приёмника послышался гитарный аккорд.

*Жизнь научит смеяться сквозь слёзы,
Жизнь научит бесстрашным быть в страхе,
Усмехаться в ответ на угрозы,
Не дрожать, когда лают собаки.*

*Жизнь научит любить, кого любишь,
Ненавидеть, кого ненавидишь,
Забывать то, чего не забудешь,
И не видеть того, что видишь.*

*Полагать за реальность кошмары
И во лжи видеть горькую правду,
Принимать хладнокровно удары,
Презирать и презренье, и славу.*

*Жизнь научит ценить, что теряешь,
Не жалеть того, что имеешь,
И прощать то, чего не прощаешь,
И не верить тому, чему веришь.*

*И, командуя, слушать команды,
И лететь на потерянных крыльях...
Жизнь научит быть сильными – слабым,
Жизнь научит быть слабыми – сильных¹⁸.*

¹⁸ Стихи В. В. Шлахтера.

Солист «Синяков» из кожи лез, имитируя покойного Цоя, но Алексей всё равно пожалел, что не вставил кассету и нет возможности записать. Надо будет, решил он, посмотреть в соответствующих ларьках, ведь наверняка где-нибудь попадётся. Он подумал ещё немного и усмехнулся про себя, полируя верхнее стекло. С ним уже бывало такое. Западал в память хвост случайно услышанной песни, и воображение дорисовывало всё остальное. Так что, когда удавалось раздобыть запись, наступало некое разочарование.

– Кажется, – сказал Гриша, – я понял, почему молодёжи нравятся иностранные песни.

– Ну и? – рассеянно спросил Алексей.

– Когда не знаешь языка, легче воспринимать всё вместе, как музыку. И даже если знаешь язык, дебильность текстов всё-таки не так очевидна.

Снегирёв спорить не стал. Он вообще очень не любил спорить.

По улице внизу сновали машины, прохожие замечали бесстрашного мойщика окон, оставившихся и задирали головы, рассматривая «русского самоубийцу». Алексей приветливо делал им ручкой. Он действительно был начисто лишён страха высоты, причём никакой его личной заслуги в том не имелось – таким уж уродился на свет. Однажды, много лет назад, ему довелось раненым лететь с четырнадцатого этажа, но даже и этот поистине судьбоносный полёт его не исправил.

По окончании трудов Гриша был отправлен в магазин за кефиром («Только, Гришенька, обязательно наш, а если попадётся, лучше просроченный: на нём пышней поднимается...»), и тётя Фира нажарила оладьев на всю честную компанию. Крутой культурист Тарас в ответ на приглашение пробурчал, что ему не положено по диете. Однако потом явился на запах и даже выставил две банки сгущёнки.

Под конец оладьев Эсфирь Самуиловна включила телевизор, коротающий век на комод. Как все пожилые люди, она решительно не могла обходиться без новостей. «Алёша, ну откуда у вас подобное безразличие? – тщетно взывала она. – Это ведь наша жизнь!» – «Ага, – цинично хмыкал в ответ квартирант. – Жизнь. Филипп Киркоров похудел на три килограмма. В перестрелке между мафиями Ленинского и Комсомольского районов погибло сорок два человека...»

Снегирёву в самом деле было глубоко наплевать на такие мелочи, как Дума и правительство, но раздел городской хроники заставил его мгновенно наострить уши.

– ...Я сейчас ОМОН вызову! – грозила с чёрно-белого экрана мордастая тётка, похожая на объевшуюся продавщицу из молочного магазина.

– Извините, – спокойно спрашивал молодой корреспондент, – я полагаю, у вас дома тоже гостевая комната есть?.. Где ваши внуки дядькам стихи читают, а те им бананы дарят и шоколадки?

– А ну катись отсюда, сучонок недоделанный! – кричала в ответ профессиональная пожирательница сметаны. Дальнейшие её речи то и дело прерывались стыдливым «пи-и-и...», коим в телевизионных репортажах принято маскировать нецензурщину.

Тётку звали Алевтина Викторовна Нечипоренко, и она была директрисой детского дома. Как выяснилось, возглавляемый ею доблестный коллектив умудрился целиком подеять неизвестно куда дефицитную и очень дорогую вакцину от гриппа, выделенную для маленьких подопечных. Гонконгская напасть между тем грянула – и врачи «скорой» сбились с ног, развозя детдомовцев по больницам. Впрочем, по сравнению со всем остальным, что творилось в Нечипоренкином заведении, история с вакциной была ещё пустячком. Мелочью.

Юный корреспондент с поразительным хладнокровием «раскручивал» директрису, пропуская мимо ушей мат и угрозы, вылавливая между ними крупинцы смысла и задавая вопрос за вопросом: о питании и гигиене детей, о врачах и производимых ими странных уколах «наказанным» – не подскажите ли, за какие провинности? – детям и, наконец, о «гостях», ради кото-

рых наряжали старших воспитанниц... и воспитанников. Уж не превратилось ли сиротское заведение в подобие элитного борделя для особо востребованных лиц? Как, как вы сказали? Малолетние ублюдки и «дауны»? Своё существование должны окупать?..

Доисторический «Вечер» красок не передавал, но Алевтина Викторовна явно была пунцовой, как перезревшая клубничина. Она вновь и вновь упоминала ОМОН и зачем-то размахивала видеокассетой.

Сволочи все!!! – кричал её взгляд. *Всех бы вас порошком, как тараканов, чтоб кому получение вас воздухом дышать не мешали...*

Эмоциональные высказывания Алевтины Викторовны перемежались документальными кадрами, снятыми в другое время и в других местах. В детской больнице, в вестибюле детдома, на лестнице, в коридоре у добротной деревянной двери, запертой на замок...

Камера близко показала, как болтаются в ушах у заведующей тяжёлые золотые серьги. Как пел когда-то Высоцкий, «если правда оно ну хотя бы на треть», оставалось одно. Пойти и повесить. Потому что сами такие не вешаются.

Сука, думал Скунс, глядя, как на фоне стоп-кадра – возмущённое лицо Алевтины Викторовны, а за ним кокетливые, словно в публичном доме, занавесочки на окнах вверенного ей учреждения – титрами проходят данные о последовательном улучшении жилищных условий предприимчивой дамы. Выяснить, на какую треть было правдой всё показанное-рассказанное, особого труда не составит... В жизни бывает всё, но Скунс почему-то подозревал, что на сей раз краски были сгущены журналистами минимально. Он сам вырос в детдоме и с такими Нечипоренками знаком был не понаслышке. *Сука...*

Их взгляды встретились, и телевизор не выдержал взаимного напряжения. В нём что-то громко щёлкнуло, запахло жареным электричеством, и пропала сперва картинка, а после и звук. Кот Васька в панике ринулся с хозяйкиных колен и удрал под кровать. Тарас, сидевший ближе всех, проворно выдернул вилку.

Когда телевизор остыл, мужчины притащили авометр, и Алексей – кто тут у нас инженер-электрик? – долго рылся в пыльных ламповых недрах. Звук в конце концов появился, но изображение восстановить так и не удалось.

Стая

– Явился, партизан! – сказала завучиха, заметив в коридоре Олега Благого. – Ну-ка, иди сюда... – Олег нехотя подошёл, ожидая нахлобучки, а завучиха... вытащила несколько разномастных купюр и протянула ему. – Ты у нас всё по внеклассному делу специализируешься, так вот тебе задание. Может, слышал, Анне Павловне нашей сегодня шестьдесят исполняется? Короче, сходи купи хороший букет и ко мне в учительскую принеси!

Анна Павловна была школьным библиотекарем. Общаясь с ней, не грех было вспомнить забытый ныне, а когда-то очень культивировавшийся лозунг: «Учительница – вторая мама». Никто никогда не слышал от неё фраз типа: «Ну-ка, поставь эту книгу, не дорос ты ещё такое читать!» Олег когда-то обратился к Анне Павловне за книгами по математике. Обратился, комплексуя и жутко краснея, ибо накануне подходил с этим же к математичке. «Какой-какой метод наименьших квадратов?.. – воззрилась на него та. – Тоже, Эйнштейн выискался!» Надобно заметить, у Олега и мысли не шевельнулось, что математичка, возможно, никогда и не слышала о методе наименьших квадратов. Он, что называется, утёрся и... отправился в библиотеку. Олег и теперь наполовину ждал насмешек, но Анна Павловна, выслушав, молча кивнула и повела его за стеллажи, к соответствующей полке, и предоставила рыться, сколько душа пожелает... Помнится, в какой-то момент Олег оторвался от тёмно-синего томика Милна, потому что с той стороны стеллажей донёсся девчоночий плач. И тихий голос Анны Павловны, которая утешала первую отличницу школы, настигнутую безответной любовью...

Цветы, как им и положено, продавались возле метро. Олег сразу вынул деньги, зная по опыту, что в нём запросто могут заподозрить мелкого воришку и достаточно крикливо предложить идти, куда шёл. Доказывай потом, что ты не верблюд.

– Что желаете, молодой человек? – тотчас оживилась ближайшая тётка. – Гвоздики берите. Альстромерии хорошие. А вот розы, только сегодня привезли, «Сердце Данко» из Пулкова, долго будут стоять...

Цветочниц было много, к тому же Олег проникся ответственностью покупки и упорно твердил про себя закон современного дикого рынка: возмёшь, а на соседнем прилавке такое!.. Тем не менее «Сердце Данко» – исчерна-бордовые бутоны с лепестками, словно обсыпанными золотой пылью, – невольно приковали взгляд. Запросились на ум истёртые до пошлости слова об учительском сердце, отданном ученикам...

Олег стал размышлять, можно ли было назвать Анну Павловну в полном смысле педагогом. И пришёл к выводу, что по сути – да. Уж всяко в большей степени, чем математичку, у которой он вряд ли ещё что-нибудь спросит...

Неожиданный оклик прервал ход его мыслей.

– Эй, пацан! Поди сюда, помоги! Да не бойся!

Незнакомый парень выглядывал из щели между ларьками и вроде бы морщился. Олег сразу насторожился и почувствовал, как глубоко в животе шевельнулся страх. Краем глаза он заметил, как поскучнели и одна за другой отвернулись продавщицы цветов. Но... может, парню действительно было плохо? «Вот так мимо пройдёшь, а потом выяснится...»

– Помоги, – повторил тот.

По виду он казался Олегу ровесником, ну, может, был чуть старше. «Да что он мне сделает, если что? Место людное...» На тесной площадке, куда выходили тылы ларьков, было полно мятых пластиковых банок, размокших коробок. Противно воняло мочой.

– Что случилось-то? – спросил Олег.

– Я те ясно говорю, помоги. Тыщу отстегнёшь? А то мне на метро не хватает.

– Не отстегну, – сказал Олег и судорожно стиснул кулак. Как будто это способно было помочь ему отстоять учительские деньги.

– А я тебя прошу. Я тебя **ОЧЕНЬ** прошу... – И парень одним щелчком раскрыл парикмахерскую опасную бритву. Олег мгновенно представил, как она пополам рассекает ему щеку, – видел в кино нечто подобное, – и щека немедленно заболела. – Клади бабки – и можешь катиться, – продолжал парень. Впоследствии Олег не взялся бы подробно припомнить его физиономию, только то, что её украшала явная печать ранних пороков. – А ментам вякнешь, останешься без ушей. Понял? Я твой дом знаю...

– Это... библиотечарше на букет, – с трудом выговорил Олег.

– Я ща из тебя самого букет сделаю! – И бритва свистнула в воздухе. Пока ещё на безопасном расстоянии от лица, но Олег отшатнулся. Рядом, с другой стороны ларьков, прохаживались люди, кто-то громко смеялся, бабушка звала маленького ребёнка.

– Витя! Витя! – кричала она.

Всё это казалось Олегу звуками с Марса. На котором так и не ясно, есть ли жизнь или, может, только мерещится. Он помедлил, потом, словно в дурном сне, стал нагибаться... И вот тут что-то изменилось. Олег кожей ощутил некое изменение атмосферы. Он ещё стоял внаклонку, но за спиной уже звучали спасительные шаги. Олег даже решил было сначала, что это милиция, потом отважился оглянуться... Нет, не милиция, но тоже неплохо. Четверо парней и девчонка. Решительные и развязные, никого и ничего не боящиеся.

– Налоговая полиция! Всем руки за голову и ноги шире!.. – оскалился один из парней. Самый высокий, сутуловатый, взрослый на вид. – Ты, пидор, – обратился он к обидчику Олега, – тебя кто на чужую зону пустил?

– Я Плечу скажу, он тебе твоей же шляпой яйца и чикнет. А потом съест заставит, – промурлыкала девочка. – И будешь пидор в натуре...

Она очень отличалась от своих спутников – хорошо одетая, ухоженная и красивая, похожая на светловолосую куколку «Барби». Но почему-то под её взглядом парень спрятал руку с бритвой за спину, и глаза у него забегали. Он хотел что-то сказать, но «Барби» шагнула ближе и... резко, неожиданно саданула ему между ног носком модного сапожка. Парень выронил бритву и скрючился, зажимая ладонями пах. Он не посмел бы дать сдачи, даже если бы мог. Олегу его сдавленный всхлип показался музыкой.

– А ты тут чё? – повернулся к нему вожак.

– Учителя деньги собрали... Анне Палне, библиотечарше, на букет... день рождения у неё... – проблеял Олег. Почувствовал себя полным идиотом и вздрогнул, внезапно поняв, что угодил из огня да в полымя. Сейчас они дружно заржут, а потом опять-таки отберут деньги, и хорошо ещё, если не отметелят все вчетвером... то есть впятером...

Однако мир оказался воистину тесен.

– Анне Палне? Бармалей, слышал? У Анны Палны день варенья! Погоди, чувак, сколько ей?

– Шестидесят...

– Во, блин, дела!.. – И «налоговый полисмен» грозно повернулся к неудачливому грабителю: – Ты, пидор гнойный, у кого отнять хотел!.. Да я те сам щас яйца отрежу...

Знала бы милая Анна Павловна, в каком месте и при каких обстоятельствах будут однажды поминать её имя... А впрочем, что ж тут постыдного? Так или иначе, её имя прозвучало как доброе заклинание. Анна Павловна опять кого-то спасла.

Некогда она обнаружила в длинном коридоре перепуганного, зарёванного первоклассника Генку Журавлёва, которого тогда ещё никто не звал Жирафом. Он отправился на перемене в туалет, расположенный на другом конце коридора, не успел вернуться к звонку и теперь не знал, как предстать перед учительницей, отличавшейся порядочным самодурством. Библиотечарша за руку отвела его на урок и не моргнув глазом объяснила разгневанной классной даме,

что малыш опоздал из-за неё – помогал собирать рассыпавшиеся книги. А Жорку Коклюшкина, будущего Бармалея, однажды уже под вечер извлекла из спортивной раздевалки, где его по рассеянности запер школьный физрук. Жорка в тот момент уже всерьёз привыкал к мысли, что проведёт в душной раздевалке весь остаток своих дней, как Робинзон на острове. Анна Павловна первым делом отвела его к себе и налила горячего чаю, а сама, не теряя времени, позвонила родителям – дескать, не волнуйтесь, с ребёнком всё хорошо. То-то они, наверное, удивились её звонку. Ходит где-то, и пускай себе ходит, а волноваться зачем?..

– Чё набомбил, живо на бочку! – приказали поставленному на колени грабителю.

Парень послушно вывернул карманы, – похоже, «великолепную пятёрку» он знал и вполне представлял, чем чревато сопротивление.

Бармалей, не пересчитывая, сунул добычу Олегу:

– На, держи... купишь на все, чтобы и от нас, сечёшь? Скажешь Анне Палне, что мы тоже её типа поздравляем...

...При виде шикарного букета тёмно-красных роз завучиха действительно чуть не проглотила очки.

– Умеешь ведь, если захочешь!

И в настоящем, не фальшивом дневнике появилась первая абсолютно подлинная благодарность. За «прекрасное выполнение важного общественного поручения...».

... Через несколько дней Олег увидел их на улице снова и сам к ним подошёл.

– Цветы подарил? – спросил Фаллос.

– Сказал про нас? – добавил Бармалей.

– Сказал.

– А она чё?

– Обрадовалась. Всех вспомнила... Привет передавала.

– Пошли пиво пить.

В ларьке, украшенном надписью про «детей до 18 лет», коим по закону не полагается покупать горячительных напитков, они приобрели по банке. Платил Жираф. «Из общака...» – с уважением и не без некоторого замиранья сердца подумал Олег. Потом они зашли в ближний садик и, шуганув собравшегося поспать бомжа, заняли единственную скамейку. Они были силой. Как же ласкало душу это ощущение!..

Тут Олег и узнал, кого как зовут.

– Барби только нет, – пожалел Бармалей. – Её отец в школу этикета по вторникам возит.

Замечательные у них были прозвища: Барби, Жираф, Бармалей, Фаллос, Типун. Олегу даже стало несколько стыдно, что его самого приходилось пока называть просто по имени. Он стал было на ходу придумывать себе пристойное «погоняло», но ничего путного на ум так и не пришло. Они побродили немного по улицам. Олег рассказал несколько анекдотов из газеты «Не скучай» и чуть-чуть вырос в собственных глазах, потому что все посмеялись, а потом Жираф неожиданно спросил свою компанию:

– Ну чё, берём его?

– Без проверки? – удивился Фаллос.

– Ты и проверяй, если тебе надо, а мне и так сойдёт.

– Куда? – удивился Олег и слегка покраснел. Может быть, просто от пива, а может быть, и от счастья. Авторитетные люди улицы принимали его всерьёз!..

– Да мы тут в один спортзал ходим, додзё называется. Боевые искусства осваиваем. Хочешь?

– Конечно хочу, – вконец смутился Олег.

– Да кончай базар! Плечо разве его возьмёт? – удивился Фаллос.

Жираф ответил уверенно:

– Попрошу, так и возьмёт.

Отелло, или Искусство Мгновенного Обнажения

Зазвонил телефон, и на определителе тотчас высветился номер. Он был совершенно незнакомый; кое-какие – личные сотрудников, фирмы «Василёк», постоянных клиентов – Наташа помнила наизусть, но этот в их число не входил. Она взяла трубку, собираясь привычно произнести: «Охранное предприятие „Эгида-плюс“. Слушаем вас!» Однако не успела.

– Валеру! – требовательно бросил ломающийся подростковый басок.

– Вы ошиблись номером, такого здесь нет, – ответила Наташа. – Какой вы номер набираете?

– А куда я попал?

– Это охранное предприятие.

– Гы-ы!.. – заржали на том конце. Последовала длинная матерная фраза, из которой Наташа узнала о себе много нового и интересного. Потом трубку бросили.

Наташа пожала плечами и вернулась к компьютеру, краем глаза отметив, как погас жёлтый огонёк автоматического записывающего устройства. Подобные случаи давно уже не выводили её из душевного равновесия. А маме о них рассказывать было совершенно не обязательно.

– Ну как? Идёшь? – заглянула с лестницы Катя Дегтярёва.

– Ой! – спохватилась Наташа. – Сейчас.

Большие часы действительно показывали время, когда, по нерушимому декрету начальника, секретарши должны были заниматься гимнастикой. Когда-то давно, на первых порах, Наташа и её старшая напарница Алла делали это вместе. Ставили в видеомagniтофон кассету с уроками шейпинга и углублялись в модное дрыгоножество. Алла – почти профессионально, Наташа – отставая постыдно и безнадёжно, особенно поначалу. Потом у Наташи появился другой интерес. Невинная консультация на тему «что делать, если в транспорте *трогают*» породила желание «научиться приёмам». За прошедшие полгода, естественно, никакой реальной самозащитой Наташа не овладела, лишь поняла, что боевые искусства, как и все прочие искусства, суть нечто необозримое и достойное стать делом всей жизни. Мама ужасалась и качала головой, но всё-таки сшила ей из старой стройотрядки, весьма кстати отыскавшейся на антресолях, плотное зелёное кимоно. Не в физкультурной же тоненькой рубашечке отрабатывать захваты за лацканы и за ворот!..

Сегодня Катя принесла длинный чехол и пообещала показать нечто весьма интересное, называвшееся красивым японским словом «ийайдо».

– Что-что?.. – прислушался Семён Фаульгабер.

– И-ай-до, – раздельно повторила Катя. – Искусство мгновенного обнажения меча.

– Тю! Я бы ещё понял, если бы просто «мгновенного обнажения», – мечтательно заулыбался великан. И подмигнул Наташе маленьким ярко-голубым глазом: – А то какая пошлость, понимаешь: меча...

Катя развязала чехол и протянула Наташе длинный, слегка изогнутый деревянный меч-бокён. Протянула – не то слово: её рука легла на гладкую рукоять совершенно особым движением, которое Наташа ни за что не взялась бы повторить.

– За лезвие не бери, – сурово предупредила она, когда Наташа взяла меч и стала рассматривать. – Ты уже, считай, без пальцев осталась... – Наташа поспешно отдернула руку, и Катя пояснила: – Деревянный надо уважать, как стальной. Это оружие, им в прежние времена людей убивали. Сэнсэй как-то рассказывал: они летели в Японию на семинар, так там все бокены забрали и унесли к пилотам в кабину. А великие мастера выходили с деревянным мечом против настоящей катаны – и побеждали!

Наташа прониклась почтением и следом за Катей опустила колени на твёрдый деревянный пол.

Из-за двери уже доносился голос Кефирыча:

*Я в стриптизе покажусь,
Наготой сверкая.
Словно сабля обнажусь,
Титьками пугая...*¹⁹

Посетитель, неудержимо стремившийся к Плещееву в кабинет, был личностью колоритной. Чёрная на белом меху куртка «пилот», широкие плечи, набыченная щекастая голова, толстая шея и могучий бритый затылок. В целом – то, что ёмко и исчерпывающе называется «протокольная рожа».

– К Сергею Петровичу?.. – спросила его подменившая Наташу красавица Алла. – Извините, а вы записывались?

– Я не записываться, – прозвучал мрачный ответ. – Я расписываться!

– А по какому вопросу? Я должна доложить...

– Сам знает, блин, по какому!

Алла, давно уже нажавшая под столом специальную кнопку, попробовала с ним пококетничать. В глазах посетителя затеплился было интерес, но – ненадолго. Тогда Алла предложила ему кофе, который был также отвергнут. Наконец начальственная дверь отворилась, и в приёмную выглянул Саша Лоскутков. Командир группы захвата был, как всегда, вежлив:

– Проходите, пожалуйста.

Посетитель смерил его оценивающим взглядом, засопел и вошёл. Эгидовский шеф положил телефонную трубку и отодвинул бумаги:

– Здравствуйте. Слушаю вас...

– Вот ты, значит, какой... – не здороваясь, неожиданно сквозь зубы процедил незнакомец.

Что касается внешности, больше всего Плещеев походил на покойного Листьева – те же волосы, очки и усы, та же обаятельная улыбка. А что в голосе вошедшего звучала недвусмысленная угроза, так Сергею Петровичу было не привыкать.

– Какой уж есть, – согласился он миролюбиво. – Другого нету. А вас, если не секрет, что к нам привело?

Всё это время он напрягал память, стараясь вспомнить вошедшего, но безрезультатно. Компьютер сработал быстрее. В электронную сеть мигом улетели номера «мицубиси-паджеро», припаркованного на площадке, и ответ не заставил себя ждать. Посетитель звался Максимом Юрьевичем Коноваловым, год рождения такой-то, женат, домашний адрес такой-то, мелкий бизнесмен, работает в торгово-закупочной фирме, юридический адрес такой-то... Судимости и иные трения с законом отсутствовали. Зато фотография соответствовала вполне.

Полученные данные немедля высветились перед Сергеем Петровичем на маленьком дисплее, который нельзя было увидеть с другой стороны. Увы, Плещееву компьютерная информация не говорила по-прежнему ничего.

– Это тебя, – зарычал посетитель, – хотел бы я знать, что к моей привело!.. Хотя догадываюсь!..

Саша Лоскутков зевнул, деликатно прикрыв рукой рот, и сказал шефу:

– Так я пошёл?..

Сколько-нибудь серьёзной опасности для начальства он явно не наблюдал.

– Иди, – кивнул Плещеев. – Я через минутку.

¹⁹ Частушка А. А. Шевченко.

Максим Юрьевич, свирепея, налился свекольной краской. Цвет был равномерным начиная с макушки и кончая шеей в вороте куртки.

– Хватит коридором водить!!! – взревел он, когда дверь за Сашей закрылась. – Ты и мою так же трахал?!. «Через минутку»?..

Итак, хоть что-то по крайней мере выплыло из тумана!.. Мелькнувшая в первый миг мысль о Дашеньке была Плещеевым с большим облегчением отринута. Дашенька тут была, конечно же, не при делах. Увы, и фамилия «Коновалов», вернее, «Коновалова», для Сергея Петровича была по-прежнему пустой звук. Святостью и аскетизмом он, что греха таить, большую часть сознательной жизни действительно не блистал, но данное конкретное обвинение оставалось совершенно абстрактным. Ни имя, ни внешность не приходили на ум.

– Очень жаль, – понимающе улыбнулся он мужчине, – что ваша супруга даёт вам столь обширную пищу для подозрений... Мы, однако, делами о супружеских изменах не занимаемся, так что, к сожалению, вы зря потратили время. Ничем помочь не могу.

Разъярённый «Отелло» рванул молнию куртки и выпятил грудь, чтобы лучше видна была кобура.

– Чужих тёлок, значит, по койкам, а отвечать – «ничем не могу»? Так, что ли?.. Ты учти, у меня коричневый пояс...

– А у меня чёрный, – вполне правдиво ответил Плещеев. Сунул руку под стол и мгновенным движением извлёк здоровенное помповое ружьё. Кобуру посетителя они с Сашей засекли ещё во время его препирательства с секретаршей – и приготовились оказать самую тёплую встречу. С того расстояния, на котором шла между ними беседа, заряженная картечью мощная «помпа» способна была высадить дверь. И вынести Максима Юрьевича с ней вместе. Весьма далеко за пределы приёмной...

Мелкий бизнесмен по достоинству оценил внушительный – два пальца просунуть – ствол, глядевший ему пониже ремня.

– Вот как!.. – процедил он сквозь зубы. – «Труба» есть?

Плещеев пожал плечами и назвал номер:

– Если вдруг запамятуете, у наших секретарш всегда можно узнать...

«Отелло» продикувал свой, пообещал «забить стрелку» и удалился со всем возможным в подобной ситуации достоинством. Сергей Петрович убрал на место ружьё, подошёл к окну и увидел, как обманутый муж вымещал свою ярость на ни в чём не повинной машине. Несчастный джип сперва истошно взревел, потом выбросил фонтаны мокрого снега и наконец, виляя по скользкоте бешено вертящимися колёсами, покинул эгидовскую площадку. Сергей снял очки, устало потёр лоб ладонью, снова подумал о Дашеньке... и перед умственным взором неожиданно-непрощено возникла затемнённая внутренность «нивы». А потом – ядовитая ухмылка седого человека за рулём: «Козёл ты, Плещеев. Едучий козёл. Такая жена дома ждёт, а он об чужие подушки лысину протирает... Тьфу!»

Стоило вспомнить, и в приоткрытую дверь долетел жизнерадостный бас Фаульгабера:

*Милый сбегал на сторонку,
Да и сам тому не рад:
Отомстила я милёнку
Сорок девять раз подряд!..²⁰*

– К чёрту, – тихо сказал эгидовский шеф. Снова надел очки и возвратился на рабочее место. Дел, как всегда, было полно.

²⁰ Частушка А. А. Шевченко.

Время было полуденное, и Пётр Фёдорович Сорокин, более известный как законник Француз, ехал обедать. Шестисотый «мерс» неслышно шуршал в крайнем левом ряду, следом мчался джип с пристяжными. Кавалькада остановилась у ресторации «Шкворень». Пётр Фёдорович кивнул восторженному мэтру и направился за ним в кабинет. Суеты за едой он не терпел.

– Как всегда, уважаемый... – Он опустил в кресло и строго глянул на подскочившего халдея. – Вчера мне зернистую принесли, а я к паюсной привык. Опять не перепутай смотри...

Мэтр слегка побледнел и исчез.

Привычка – вторая натура, а своим привычкам Пётр Фёдорович не изменял. Первым делом подали маслины, до которых – слаб человек! – он был великий охотник. Пристяжь²¹ в общем зале уминала хека по-польски и заглядывалась на девок у стойки:

– Лёнчик, гля... во бы этой заразе...

«Повара кастрировать. На перце, гад, экономит...» Француз как раз дегустировал харчо, когда дверь кабинета совершенно неожиданно отворилась. На пороге стояла дама – очень элегантная и изящная, лет сорока пяти, в очках... белый верх, тёмный низ, кружевная крахмальная грудка... Было бы в ней что-то от учительницы из провинциальной гимназии... если бы не глаза. О, подобное выражение глаз Петру Фёдоровичу часто доводилось встречать. У оперов, следователей и прокуроров, не берущих на лапу. Так смотрит хищник на жертву. Твёрдо, немигающе... мысленно облизываясь... Откуда её принесло?

«Да как... как она, сука, мимо пристяжи?..» Пётр Фёдорович некоторое время держал ложку у рта, потом положил. Обрёл внутреннее равновесие и промокнул губы салфеткой.

– Чему обязан, мадам?..

Он, конечно, узнал Марину Викторовну Пиновскую, которой был обязан одной из своих «ходов».

– Не угостите ли даму кофе?..

Пиновская улыбалась. Сорокину её улыбка совсем не понравилась, и он невежливо оскалился:

– Это всё, чего дама желает? А как насчёт раком?..

– Ну-у, какие мы нетерпеливые... – Марина Викторовна придвинула кресло и без спросу расположилась напротив. – Сделать вам массаж я, вообще-то, успею. Такой, что и вазелин не понадобится. Только, говоря откровенно, меня это не возбуждает. Поговорим лучше о Скунсе...

– Чего-чего?.. – Сорокин немедленно ушёл «в несознанку» (благо практика имела обширная), но при этом почувствовал, что съеденное ему впрок не пойдёт. Даже хуже того – очень скоро покинет подорванный тюрьмами организм. – Вы, милочка, куда обратились-то? В зоопарк?..

– Да ладно вам, Пётр Фёдорович. – Пиновская прищурила глаза и стала похожей на хищную и беспощадную ласку. – Всё вы прекрасно поняли, мой дорогой. Приятно, конечно, что вы так радуете за российскую экологию... В отличие от некоторых засранцев... бывшего директора-распорядителя «Балт-Прогресса» Петрухина²², например... упокой, Господи, его многогрешную душу...

– Вам кофе в постель? – нестибаемо, точно коммунист на допросе, улыбнулся Сорокин. Ему, впрочем, самому показалось, что улыбка вышла вымученной и жалкой. Годы, годы...

– Боюсь, не донесёте. – Посетительница поднялась, и он снова увидел, какая осиная у неё талия. – Расплескаете...

²¹ Окружение авторитетного вора (*жаргон*).

²² См. роман «Те же и Скунс», гл. «Профессиональная смерть».

«Ах ты...» Француз уставился ей вслед, а Пиновская тем временем разминулась в дверях кабинета с его давнишним другом Павлом Семёновичем Лютым. Законником по прозвищу Зверь.

– Ка-а-кие люди. – Маленькая женщина окинула здоровенного кряжистого сибиряка насмешливым взглядом и испарилась. Лютый проводил её глазами и несколько растерянно почесал в голове:

– Мимо двигал, корешок, смотрю, твоя тачка стоит... Дай, думаю, сообща подхарчусь...

Крякнув, сел к столу, потёр с мороза ладонь о ладонь и, ухмыльнувшись, подмигнул корефану:

– Ишь какие, брат, изенбровки²³ от тебя выплывают... Я смотрю, не скоро состаришься?

Пиновскую, на своё счастье, он знал только по рассказам дружков, а лично до сего дня не сподобился.

– Изенбровки... – Сорокин вышел из ступора и с внезапным отвращением посмотрел на еду. С Лютым он мог быть до конца откровенным. – Нет, брат... Тут самого, того и гляди, раком поставят...

Пиновская в былые времена означала стопроцентные неприятности. И с тех пор вряд ли что-нибудь изменилось.

Наташа поднималась по лестнице, по-старушечьи медленно переставляя ноги. Колени и мышцы бёдер отзывались на каждое движение, прося об отдыхе и пощаде. «Все бока мои изрыты, частокоты в рёбра вбиты...» Что, интересно, будет с организмом назавтра?..

Говорят, самураи в положении «сэйдза» – то бишь на коленях – высиживали часами, не смея подняться в присутствии императора. Оттого и разработали целый арсенал приёмов, чтобы драться не вставая, на случай, если набросится агрессивный сосед... не иначе, озверевший от сидения на голом твёрдом полу! Наташа чувствовала, что начинает понимать истоки самурайского духа...

Никогда ещё лестница на второй этаж не казалась ей такой длинной. Вот так и вспомнишь притчу о бабушке, которая тридцать ступенек считала за девяносто, ибо на каждую ставила сперва одну ногу, потом другую, потом палку и ещё приговаривала: «Ай, будь ты трижды проклята!..» Наташа мужественно одолела искушение помочь ногам, поднимая их за штанины, и добралась почти до самого верха, когда из приёмной, где стоял их с Аллой компьютер, послышались возбуждённые голоса. То есть сначала это был просто шёпот, доносившийся из-за шкафа; там был закуток, служивший девушкам для кофепития и подправки косметики. Наташа успела привыкнуть, что Алла время от времени уединялась там с Толиком Громовым по прозвищу Багдадский Вор и они подолгу шептались. Поэтому она наострила уши только тогда, когда шёпот сделался громче, перешёл в натуральное выяснение отношений и... завершился звонкой пощёчиной...

Наташа сразу забыла о самураях и приросла к лестнице, держась за перила. С одной стороны, «гимнастический» перерыв у неё скоро кончался, пора было трудиться. С другой стороны...

Пока она раздумывала, из-за шкафов вышел Толик. Лицо у него было неживое, застывшее, и одна щека краснее другой. Багдадский Вор медленно двигался к лестнице, прямо на Наташу, но смотрел навывлет и явно не видел её. В левой руке были зажаты две какие-то смятые и порванные бумажки, похоже билеты. Наверняка престижные и дорогие...

Наташа поспешно отступила с дороги и вспомнила, что Алла, чьим верным рыцарем с самого лета был Толик, последние недели две проводила с ним время всё неохотнее, оказывая

²³ *Изенбровка* — красивая развращённая женщина (*жаргон*).

предпочтение Игорю Пахомову, его коллеге по группе захвата. Ну вот, дождались. Кризис грянул. Рыцарская верность тоже может, оказывается, надоесть...

Аллу Черновец – красивую, холёную и уверенную в своём совершенстве – Наташа, если честно, недолюбливала. И даже не слегка, а как следует. Так что её симпатии были всецело на стороне Багдадского Вора. Но чем тут поможешь?.. Тем более с ним у неё отношения были тоже подпорчены...

Когда она добралась до приёмной, Алла вышла ей навстречу из-за шкафов с кроссовками и спортивным костюмом в руках. И надо сказать, что костюм был не чета Наташиному самодельному кимоно. Настоящий «адидас», купленный в роскошном фирменном магазине и переливавшийся всеми волнами шелковистого пламени.

– Где ты болтаешься? – раздражённо бросила Алла. – Часы потеряла?.. Маме скажи, пускай тебе новые купит!..

Это было очень обидно, тем более что с перерыва Наташа не опоздала. Однако она ничего не ответила.

Вечером, как и следовало ожидать, Алла уехала с Игорем на его лиловом «акценте». Кефирыч, конечно, не оставил случившееся без внимания – но тихо-тихо, шёпотом, чтобы не услышал несчастный отвергнутый рыцарь:

*В этой жизни всё так странно,
Вот опять видения:
В дом к себе впишу Степана,
Впишу – Евгения!..²⁴*

Толик Громов попросился в ночное дежурство, которое, вообще-то, нормальным людям в нормальном состоянии радости не доставляет, и Саша Лоскутков составил ему компанию: не бросать же парня, действительно, одного.

По дороге домой Сергей Петрович вспомнил, что на сегодня у его жены Людмилы была назначена большая стирка, и заранее вздохнул. Супруги Плещеевы были счастливыми обладателями отечественной стиральной машины «Сибирь», ещё на свадьбу подаренной им Людминой мамой. «Сибирь» не предназначалась для подключения к водопроводу и нагревателя не имела, поэтому воду для неё заранее кипятили на плите и таскали ведром. Тогда ванную наполнял обжигающий пар, а когда начинала работать центрифуга, ощутимо сотрясался весь дом. Машина сладострастно мяла и рвала тонкие ткани, а толстые и плотные нахально отказывались проворачивать. В промежутках между использованием чудо техники обитало в коридоре за дверью, укрытое специально сшитым чехлом. Чтобы извлечь его оттуда и, преодолевая имевшийся на входе порожек, затащить в ванную, Людмилиных сил было маловато: требовалась мужская подмога. Да ещё прежде, чем приступить к стирке, следовало отвинтить боковую панель и раз двадцать прокачать ручную сливной клапан, имевший тенденцию залипать. Иначе (проверенный факт) всё содержимое бака при откачке неминуемо оказывалось на полу. И столь же неминуемо протекало к соседям... Клапанами, естественно, тоже занимался мужчина.

Машина готовилась разменять третий десяток. Но вся беда состояла в том, что она изначально-то сделана была не руками. Сергей не единожды предлагал Люде сменить агрегат, благо достаток семьи вполне позволял. Несколько раз супруга даже заходила с ним в соответствующие магазины и с затаённо-несбыточным интересом рассматривала сверкающие многокно-

²⁴ Частушка А. А. Шевченко.

почные «Индезиты», «Занусси» и «Электролюксы». Однако дальше познавательных визитов дело не двигалось.

– А эту ты куда собираешься? – трагически спрашивала Людмила. – На помойку выставишь? Соседям отдашь?..

На взгляд Сергея Петровича, приемлемы были оба варианта. Но у Людмилы на все его доводы ответ был один:

– Мне мама её подарила...

Разговор на этом обычно завершался. Поскольку тёща Сергея Петровича расставание с «Сибирью» действительно могла истолковать как выкидывание на помойку всей жизни старшего поколения. То есть – спасибо. Рисковать здоровьем двух женщин и собственным семейным благополучием (которое даже без подобных катаклизмов оставалось несколько шатким) у Плещеева ни малейшего желания не возникало. В конце концов он пустил дело на самотёк. Рано или поздно ведь настанет момент, когда «Сибирь» сломается окончательно. И как мамонты вымрут последние мастера, способные её починить!

Маячила, правда, некая вероятность, что и после этого машина будет стоять в квартире. В качестве тумбочки. А Людмила – стирать вручную в тазу...

Однако этот переломный момент отнюдь не спешил наступать. Да и Левши, способные реанимировать даже мертворождённую технику, в России ещё не скоро переведутся... В общем, сегодня Плещееву предстоял весь комплекс осточертевших мероприятий по транспортировке, предварительному обслуживанию и запуску неискоренимой машины.

Грехи наши тяжкие!..

Пока он рулил через весь город к себе на проспект Тореца, перед ним несколько раз возникал призрак «Отелло». На ближних подступах к дому Сергей Петрович решил, что не позволит ошибкам прежней жизни утянуть себя на дно. Остановился возле хозяйственного магазина и купил несколько пачек «Ариэля». Для ручной стирки, естественно.

В это время в «Эгиде» Саша Лоскутков сидел за секретарским телефонным пультом и набирал незнакомый номер – тот, что утром высветился перед Наташей на определителе.

– Добрый вечер, – сказал он, когда на том конце сняли трубку. – Это Клавдия Андреевна? Очень приятно. Извините за беспокойство, я из охрannого предприятия «Эгида-плюс»... Нет-нет, я знаю – вы нас не вызывали и... Нет, не волнуйтесь, пожалуйста, ничего не случилось. Дело просто в том, что ваш сын Дима сегодня утром ошибся номером и говорил с одной из наших сотрудниц... Нет, он нас тоже не вызывал. Видите ли... вы меня поймите, наша сотрудница – скромная молодая девушка... и я боюсь, её расстроили некоторые выражения, которые ваш сын употребил в её адрес. Поэтому, Клавдия Андреевна, я бы очень вас попросил...

Попросить не удалось. Оскорблённая в лучших чувствах мать телефонного хулигана уведомила Сашу, что её отпрыск слов-то таких не знает, и бросила трубку. Однако командир группы захвата подобное развитие событий просчитал наперёд. И заблаговременно переключил на пульте два тумблера. Когда Клавдия Андреевна снова сняла трубку, как видно, намереваясь с кем-то обсудить неожиданный и неприятный звонок, – вместо гудка линии возле её уха раздался всё тот же голос.

– Клавдия Андреевна, давайте поговорим и расстанемся, – невозмутимо предложил Лоскутков. – Я у вас, честное слово, много времени не отниму...

С третьей или четвёртой попытки женщина наконец поняла, что просто так от него не отделаётся, – дешевле встанет послушать. И через минуту принялась с жаром убеждать его, что Дима не мог, что он попросту не способен, что он такой добрый и отзывчивый мальчик, что он никогда... Саша слушал её страстную отповедь, невесело кивая и щуря синие, как сапфиры, глаза. Потом сказал:

– Поверьте, мне очень не хотелось бы вас огорчать, но вы с Димой всё же поговорите серьёзно...

Нажал ещё одну кнопку на пульте – и потрясённая Клавдия Андреевна прослушала запись. Ясную, чёткую, позволяющую уловить все интонации и смысловые нюансы.

На сей раз, швыряя трубку, она, кажется, плакала. Саша сморщился, точно от зубной боли. Перебросил тумблеры в исходное положение и Клавдию Андреевну больше не беспокоил.

Потом Багдадский Вор отправился на прогулку с собаками, а Лоскутков вызвал на компьютере редактор «Word», раскрыл записную книжку и принялся печатать приготовленное для Шушуни.

*Сколько нот? Меня спроси:
До, ре, ми, фа, соль, ля, си.
А кукушка на суку
Знает также ноту «ку».
А корова – ноту «му».
Ей другие ни к чему!
А щенок, друзей узнав,
Сразу скажет ноту «гав!».
Пропойт для тех, кто хмур,
Кошка ласковая: «Мур-р!»
Часто слышат млад и стар
От вороны ноту «кар-р!».
Если хочешь, повторю
Поросёнка ноту «хрю!».
За кусочек пирога
Гуси скажут ноту «га».
Помахав хвостом тебе,
Козлик звонко крикнет: «Бе-е!»
От ежа сбежав едва,
Пропойт лягушки: «Ква-а!»
Волки воют на Луну
Очень долгой нотой «у-у-у»...
Утка часто так не зря
Повторяет ноту «кря» —
Ноту выучить хотят
Десять жёлтеньких утят!
И известно мне давно:
Конюх знает ноту «но!»,
А лошадка у него
Знает ноту «и-го-го!».
И теперь известно всем:
У природы нот не семь,
И без этих звонких нот
Грустно жизнь у нас пойдёт...²⁵*

²⁵ Стихи А. А. Шевченко.

Предложение, от которого нельзя отказаться

Тарас Кораблёв шагал по гулкому железному мостику через речку Волковку, текущую по границе Московского и Фрунзенского районов, и чувствовал себя именинником. Правду говорят – своя ноша не тянет: в руке приятно покачивалась большая сумка с картошкой, свёклой, морковью и двумя кочанами капусты. Жратва была обеспечена минимум на неделю.

Волковка шустро несла в Обводный канал бурую жижу, которую хилая зима всё никак не могла покрыть льдом. Возле мостика плавали утки. Они считались вроде бы дикими, но давно уже не боялись людей и не улетали ни на какие юга. Завидев пешехода, утки сгрудились ближе. Надеялись на подаяние.

– Ща, ждите, – вслух фыркнул Тарас, и в его воображении возник образ рогатки. – Вас, что ли, ловить приспособиться? С картошечкой – кайф...

Светлая полоса в его жизни закончилась чёрт-те когда, иссякнув вместе с вольницей самодеятельных охранников, оберегавших ларьки столь же вольных торговцев-кооператоров. Потом настали тяжкие времена, и света в конце тоннеля покамест не было видно. Тарас перебивался случайными заработками: разгружал вагоны с сахаром и гигантские фуры с мукой, трудился «на подхвате» в мелких строительных артелях – вытаскивал мешки битого мусора, заносил наверх стальные двери и тяжеленные листы гипрока, не влезавшие в лифт... Иногда шарашкины конторы разорялись прежде, чем ему успевали выплатить заработанное.

И вот сегодня Тараса нежданно-негаданно выручили предки. Он понятия не имел, что им помешало привезти урожай из садоводства в Питер осенью, как делали все нормальные люди. Не привезли и не привезли, ему что?.. Вчера маменька высвистала его звонком, попросила съездить на кстаги подвернувшемся пикапе, помочь. Он съездил, помог. Теперь тащил домой честно заслуженный гонорар. «Долю малую», как ему нравилось говорить. Остатки последней полочки давали возможность подумать даже и о кусочке говядины.

– Живите! – великодушно позволил он уткам. Поднялся на железнодорожную насыпь, одолел пустынные рельсы и по слякотной тропинке между гаражами вышел на Витебский проспект, направляясь к метро.

Родителей, чьи окна светились в доме по ту сторону Волковки, он посещал нечасто. И не потому, что был таким уж чёрствым или непочтительным сыном.

В тот год, когда он появился на свет, его бабушке, заслуженной учительнице, наконец выделили квартиру. Бабушка, однако, никуда из своей угловой комнаты с видом на помойку не переехала – в отдельной квартире на улице Турку стала жить её дочь с мужем и маленьким сыном. Бабушка-пенсионерка ездила туда к ним, как на работу, – нянчила внука. Выпив шампанское в честь первого дня рождения Тарасика, молодые мама и папа решили в кои веки раз пожить для себя. Театры, поэтические вечера, путешествия по Закавказью и Золотому кольцу – когда ещё, если не в молодости?... Тем более если есть обеспеченный «тыл»?

«Тыл» в лице бабушки действительно был очень надёжный. Тарасик обитал у неё в коммуналке сначала неделями, потом – месяцами. Пока наконец во время очередного визита к родителям он не заскучал у телевизора, передававшего «Семнадцать мгновений», и не потянул бабушку за рукав: «Бабуль, поедem ДОМОЙ...»

По большому счёту это был Судный день, но родители, увлечённые блистательным Тихоновым и не менее блистательным Пляттом, попросту ничего не заметили. Мало-помалу игрушки Тарасика тоже переселились по месту жительства, ставшего для него постоянным. В те годы модно было говорить о разобщённости жителей отдельных квартир – в противовес обитателям ностальгически романтизированных коммуналок. Маленький Тарас, таким образом, разобщённости счастливо избежал. Потом он пошёл в школу. И тоже не в купчинском захолу-

стве, а на улице Маяковского, где много лет учительствовала его бабушка. Что, без сомнения, опять-таки было наилучшим для него вариантом.

Родители тем временем последовали новому велению времени и завели где-то в Пупышеве садовый участок. Когда ещё через несколько лет они благополучно соорудили там домик и решили «привезти сына на ягоды» – оказалось, малыш успел стать верзилой-подростком, фанатиком эспандера и Шварценеггера. То есть впору не «везти» на клубнику, а запрягать и пахать. Что обрадованные родители и попытались без промедления сделать. На третий день сын удрал в город и больше на участке не появлялся.

А потом бабушка умерла, и Тарас – по жизни не столько сын, сколько внук – остался владеть её маленькой комнатой. «Пушкин родился в Москве у бабушки, когда его родители были в Михайловском...»

...Маршрут от дома предков к метро был привычен, но то ли редкостно хорошее настроение, то ли какое-то судьбоносное веяние подвигло Тараса свернуть по Витебскому направо. Туда, где в густеющих сумерках светила огнями автозаправка. Даром что люди, вообще-то, нечасто заходят на заправку пешком.

Эту станцию он посещал несколько раз, когда вывозил строительный мусор, и она ему нравилась. В основном тем, что здесь к машине сразу бросались вежливые заправщики и без дополнительной мзды всё делали сами – открывали бак, всовывали пистолет в горловину, заливали бензин. И сами принимали деньги в точном соответствии с цифрами счётчика, избавляя водителя от необходимости бежать куда-то в кассу и бросать автомобиль без присмотра...

Подойдя, Тарас остановился под бетонным козырьком и некоторое время наблюдал, как работали парни в опрятных чёрно-красных комбинезонах. При этом он делал вид, будто рассматривает «ауди», стоявшую около мойки и снабжённую надписью «Дёшево!!!».

Его внимание привлекла стриженная девица, нехотя вылезшая из красного автомобиля.

– У вас замочек замёрз, – пояснял ей заправщик. – Вода, наверное, после мойки попала.

Сунул ключ в прорезь «секретной» крышечки бензобака, подёргал туда и сюда. Замочек не поддавался.

– Ну и что будем делать?.. – поинтересовалась девица.

Парень вытащил зажигалку, стал подогревать ключ и пытаться с его помощью растопить лёд. Никакого эффекта.

– Жидкость для замков у вас есть?

Она непонимающе нахмурилась:

– Что?..

Заправщик побежал в магазин и вернулся с крохотной жёлтой бутылочкой. Накапал чуть-чуть в отверстие крышки... Упрямый замок поддался практически сразу. Девица вернулась за руль и через пару минут укатила совершенно счастливая. С полным баком, с приобретённой на всякий случай бутылочкой чудесного масла – и с твёрдым намерением всю жизнь заправляться исключительно здесь.

– Вечер добрый... – Тарас подошёл к парню, деловито возившемуся уже со следующей машиной.

Тот включил колонку и разогнулся:

– Здравствуйте...

– Я что хотел спросить, – откашлялся Кораблёв. – Вот, например, к вам сюда очень трудно устроиться?

Про себя он был уверен, что «королём бензоколонки», да ещё такой фирменной, можно было стать исключительно по страшному блату.

– Устроиться-то не трудно, было бы желание, – ответил заправщик. Поверх комбинезона у него была надета поясная сумочка, битком набитая казёнными деньгами. – Надо только «корочки» получить. Работа тяжёлая...

– Ну, это-то... – скривил губы Тарас. Слишком тяжёлой работы для него не существовало.

– ...И квалифицированная. Есть платные курсы...

Он назвал адрес, куда следовало обратиться. И сумму, от которой у Кораблёва, мысленно уже видевшего себя в чёрно-красном мундире и со шлангом в руках, сразу опустились все перья.

– Спасибо, – буркнул Тарас. Он даже не уточнил, какие семьсот тысяч имел в виду его собеседник – «старые» или «новые», деноминированные.

– Пожалуйста, – кивнул весёлый заправщик.

Тарас вышел из-под козырька, предаваясь невесёлым раздумьям. А что, может, действительно денег на учёбу занять?.. У соседа, к примеру. У Алексея Алексеевича. Судя по темпам, с которыми тот волок тёте Фире то холодильник, то микроволновую печку, жалкий «лимон» его не особенно обременит. И мужик Снегирёв вроде не подлый, в случае чего комнату за долги не отнимет...

Или перекантоваться пока, а потом в пожарное училище документы подать?..

– Тараха!!! – без всякого предупреждения раздался у него над ухом чей-то ликующий вопль.

Тарас вздрогнул и обернулся, едва не выронив сумку.

Оказывается, из мойки как раз выкатился сверкающе-чёрный мерседесовский джип. Красавец «G», метко прозванный журналистами «настоящим полковником», тихо подкрался к Тарасу сзади и теперь ехал рядом со скоростью пешехода, а из кабины, расплываясь в широкой улыбке, высовывался... Игорёшка Сморчков. Некогда учившийся в той же школе на Маяковского. В параллельном классе.

– Сморчок, – только и выговорил Тарас. И ничего более не добавил, ибо утратить дар речи было в самом деле простительно.

Тихоня и маменькин сынок Игорёшка был теперь чуть не наголо стрижен, при дорогой кожаной куртке, при золотой цепи на шее и увесистой, искрившейся алмазной крошкой «гайке» на пальце. Не говоря уж про то, что восседал он за рулём наикрутейшего агрегата, какой только Тарас был способен вообразить. В перемену, происшедшую с зубрилой-очкариком, лучшим учеником выпуска, по слабости здоровья вечно освобождённым от физкультуры, было бы невозможно поверить. Если бы Тарас не сподобился узреть эту перемену собственными глазами...

Даже очки у Сморчка ныне отсутствовали – наверное, поменял на контактные линзы. Лишь улыбка осталась такая же щербатая и такая же шкодливая, как когда-то.

Однокашник широко распахнул перед Тарасом дверцу:

– Закидывай нищало²⁶, братан... Куда сквозишь?

²⁶ Корзина, узел, сумка с вещами (*жаргон*).

Подвиг чиновника

Приступы эйфорического и абсолютно детского ожидания счастливых чудес нападали на Дашу иногда в самые неподходящие на первый взгляд моменты. Например, в период учёбы в Университете, во время тяжёлой сессии, накануне особо страшного экзамена. Сдавать который предстояло ядовитому специалисту по «заваливанию» отличников. Тут нормальному человеку вроде бы положено видеть всё в чёрном свете – караул, последняя ночь, и половина вопросов ещё не повторена!.. – а на неё почему-то нападала необъяснимая уверенность, что будет всё хорошо.

Сегодня особо жуткого экзамена, в общем-то, не намечалось. Даше предстоял всего лишь поход в Смольный, в юридическое управление. Всего лишь? Как сказать. Говорят, в цивилизованных странах визиты в коридоры власти, как и обращения в суд, давно стали вполне рутинной процедурой. К тому же результат должен был весьма мало зависеть от Дашиных личных познаний и качеств. Пришёл, изложил дело, получил ту или иную резолюцию... Личные качества проявить предстояло скорее чиновнику Гнедину, к которому она направлялась. А он вполне мог оказаться точно таким, как тот дедушкин ученик в Мариинском дворце, где Даша потерпела столь сокрушительную и обидную неудачу.

Тем не менее настроение у неё было самое что ни есть радужное. И даже скупое питерское солнышко улыбалось в окно, ненадолго выглянув из-за туч.

Накануне Даша спохватилась: в чём пойти? И с некоторым трепетом вытащила любимый костюм, сочетавший строгий пиджачок с чуть легкомысленной мини-юбкой. Костюмчик мирно покоился в шкафу вот уже несколько месяцев – со времени защиты кандидатской по философии. Короткая юбка предполагала очень стройные ножки и осиную талию, иначе – катастрофа. Даша, вообще-то, не придерживалась никаких диет, но перед защитой ей, помнится, кусок в горло не лез. Может быть, она тогда отощала, зато теперь?... Зеркало подтвердило, что костюмчик сидел совершенно по-прежнему.

Даша повертелась туда-сюда, представила, как войдёт в смольнинский кабинет... И ни к селу ни к городу вспомнила историю, рассказанную Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ». Девушку повесткой вызвали в суд, и она надела лучшие туфли, думая поразить ими судей. Могла ли она предполагать, что из свидетельницы превратится в обвиняемую и уже к вечеру окажется в тюрьме, обесчещенная уголовниками, а её туфли сообща с урками пропьют конвоиры!..

Даша строго посмотрела в зеркало и покачала головой. Не те времена!

– Говори строго по существу, – инструктировал за завтраком папа. – В лирику не вдавайся. Они там небось привыкли к таким, кто даже сформулировать чётко не способен, чего, собственно, хочет. Представь, как будет обидно, если тебе скажут: девушка, покороче!

Папа уже ел за общим столом, но его посуду по-прежнему ставили отдельно и шпарили крутым кипятком, как положено, когда в доме гриппозный больной.

– Ну, излагать строго по существу у нас Даша умеет, – сказала мама. Она присутствовала у дочери на защите. Потом вспомнила ещё о чём-то и добавила: – Ты там смотри, в кабинете, держись хоть немножко поженственной. Улыбайся! Я тебя очень прошу! А то перед учёным советом стояла – такая гримза научная! Как всё равно тебе девяносто лет, а не двадцать с копейками!

Даша поцеловала маму, помахала рукой всё ещё заразному папе и вышла на улицу.

Везение началось у самого дома. Едва она подошла к остановке, как подкатил полупустой троллейбус, и по Суворовскому до самой площади она ехала, как в детстве, на любимом сиденье – сзади, «на колесе». Любимым это сиденье было из-за самого неудобства своего рас-

положения – сел на него и сиди, никакие бабушки-дедушки не потребуют уступить. Потому что при всём желании забраться не смогут...

Прибыв к Смольному, Даша миновала знаменитый вход, где в последние месяцы без конца кучковались пикетчики с плакатами. Потом прошла по аллее мимо памятника вождю... У папы хранилась вырезанная из газеты карикатура времён перестройки: возле подножия памятника суетится десяток новопризванных идеологов, и каждый пигмей пламенно указывает в диаметрально противоположную сторону, а огромный Ленин на постаменте, наоборот, замер в тяжком раздумье, опустив руки... Тяжёлая вращающаяся дверь пропустила Дашу вовнутрь, и она с необычной для себя расторопностью сообразила, где выписывали пропуска – там же, слева, где гардероб. Постовой, предложивший вывалить на деревянный прилавок всё содержимое маленького дамского портфеля, был безукоризненно вежлив. Даша припомнила мамнины наставления и дружески улыбнулась ему. Милиционер, кажется, изумился, но на улыбку ответил.

...Дело было в сорок первом году. В том самом кровавом и страшном году двадцатого века. В конце лета, когда немцы вплотную приблизились к Ленинграду... Война была временем ужаса, крови и смерти. Но среди того отрицавшего жизнь бытия между мужчинами и женщинами вполне закономерно вспыхивали романы, ослепительные и мгновенные. Иногда – порождаемые глубинным императивом всемерного умножения популяции, над которой нависает угроза. Иногда – способные перерасти в чувство на всю жизнь...

Дашина бабушка – ещё вовсе даже не бабушка, а всего лишь студентка-второкурсница – ехала в эвакуацию на Урал. Их поезд, составленный из «телячьих» вагонов (спасибо, что не из открытых платформ!), без конца уступал дорогу встречным составам, перевозившим на фронт вооружение и войска. На одной станции довелось и вовсе застрять. И вот тут-то юная Дашина бабушка повстречала младшего лейтенанта Диму. Всё было решено с первого взгляда... Непрístupную красавицу точно ветром бросило навстречу молодому военному, о существовании которого она час назад не могла и подозревать. В общем, в итоге той встречи весной у неё родился будущий Дашин отец. Маленькая станция, должно быть, кишела людьми – то-то бабушка так загадочно улыбалась, рассказывая об обстоятельствах главного интимного события их с дедушкой жизни... А потом закричал паровоз Диминого состава. Много лет спустя у бабушки сразу менялся взгляд, когда она слышала доносившийся с железной дороги ни с чем не сравнимый крик паровоза... Наверное, вновь видела, как Дима бросается к штабному вагону, как дёргается состав и, набирая скорость, устремляется по рельсам на запад... Младший лейтенант ещё прокричал ей что-то, свешиваясь со ступенек вагона и отчаянно размахивая рукой... что именно – бабушка не разобрала. Зря ли подобные кадры присутствуют буквально в любом фильме о войне. Как-то так всегда получается, что главные слова приходят на ум в самый последний момент, когда уже поздно, когда их уже не могут услышать...

И вот скрылся вдали эшелон, и бабушка осталась одна. Совсем по-иному одна, чем была до сих пор. Она знала лишь имя своего лейтенанта – Дима Новиков. И ещё то, что за несколько дней перед роковым воскресеньем он защитил институтский диплом. И всё. Ни города, ни названия института. Ни даже номера части... Сколько было тогда подобных историй! Между прочим, именно во время войны у нас ввели налог на бездетность. При том что правила регистрации младенцев оставались пуритански строгими. Когда родился будущий Дашин отец, в графе об отцовстве чиновники поставили прочерк...

Бабушка дедушку не пыталась искать. Он сам её отыскал. На третий год войны, когда был тяжело ранен и отозван с фронта для выполнения «оборонного задания». Серьёзное, надо думать, было задание, если давало возможность разыскать в стране человека... Они поженились и оформили свидетельство о юридическом признании собственного сына. Выправили

у очередного чиновника. И положили среди других семейных бумаг... Папа вроде видел когда-то это свидетельство. Давно, в детстве. Он и теперь помнил, как удивился, обнаружив его. Почему собственным родителям понадобилось дополнительно его «признавать»?.. Дедушка с бабушкой рассказали ему, и он потерял к свидетельству интерес. Никогда никому оно не было нужно, никто его ни разу не потребовал...

И вот прошло полвека. Уже и дедушки с бабушкой давно не было, и не одна кампания по борьбе с бюрократией в стране отгремела, не нанеся, по-видимому, этой самой бюрократии особого ущерба... Ибо неожиданно оказалось, что без упомянутой бумажки все букашки. И папа академику Новикову вроде не сын, и Даша не внучка. Всё перечеркнул тот давний чиновничий прочерк.

«Если нет письменных доказательств, что ваш отец является сыном Дмитрия Васильевича, то какое, милая девушка, отношение вы можете иметь к его научным трудам?.. – ухмыльнулся нагловатый молодой юрист из Авторской ассоциации. Он явно принадлежал к новейшей генерации тех самых чиновников, которых бескомпромиссно громил ещё Маяковский. Наверное, мелкие садисты, любящие облекать свой отказ в наиболее обидную форму, не переводятся вообще никогда. – У вас, извините, права примерно такие же, как у вашей соседки по лестнице...»

Даша с родителями бесчётное количество раз перерыли все справки и бумажки с печатями, хранившиеся в доме. Чего только не нашлось! Выплыло даже бабушкино свидетельство о переводе в седьмой класс с незаполненным вопросником о внеклассных пристрастиях ученицы. И только бумагу о юридическом признании «внебрачного сына» обнаружить так и не удалось.

Юридическое управление правительства Санкт-Петербурга помещалось на втором этаже главного здания Смольного. Некоторое время после смерти шефины Владимир Игнатьевич Гнедин числился и.о. руководителя и начал уже привыкать к возделенному кабинету... Увы! Случился жестокий облом – Гнедин вернулся на прежнее место зама, а место начальника занял некто Валерьян Ильич Галактионов.

Ладно – как пришёл, так и уйдёт. Или унесут следом за Вишняковой, ногами вперёд²⁷. Гнедин не унывал и работал на будущее – создавал себе имидж идеального чиновника, незаменимого для губернатора. Утром он появлялся на четверть часа раньше коллег, а уходил на час-полтора позже. То есть в какое время ни загляни – Гнедин работает. Плюс способность подхватывать мысли высшего руководства и творчески развивать... Дело техники.

Иногда Гнедин не без иронии задумывался о двойственности, тройственности, множественности человеческой натуры. Взять хоть его самого. Одной рукой он доводил до идеальной чёткости работу механизма своего управления, другой – припаивал к этому механизму малоприметные краники. По которым в нужное время и в нужную сторону оттекали из потока финансов подземные ручейки...

Вопрос был в том, как бы превратить ручейки в полноводную реку. План имелся, причём очень хороший. Такой, что стоило постараться и потерпеть...

Внучка академика Новикова была у него записана на одиннадцать с четвертью. Когда секретарша по внутренней связи доложила о посетительнице, он не сразу припомнил, откуда вообще она возникла в его ежедневнике. Дверь начала открываться, и Гнедин неохотно поднял глаза. Слово «внучка» вроде обязывало Д. В. Новикову быть молодой, но слово «академик» заставило Владимира Игнатьевича подсознательно ожидать появления унылой зануды в очках. Сядет перед ним и начнёт добиваться своего куска от общественного пирога, и голос у неё будет

²⁷ Эти события изложены в романе «Те же и Скунс».

тусклый и вызывающий медленную головную боль, точно звук перфоратора, включённого на соседней площадке... А может, наоборот, влетит бодрая толстомясая тёлка и на голубом глазу потребует чего-нибудь немыслимого. Дедушкиного учёного титула по наследству...

Когда вошла Даша, Гнедин мгновенно забыл и про «академика», и про «внучку».

Те из мужчин, кого в женщине интересуют лишь длинные ножки и высокая грудь, – идиоты. Те из людей, кто, услышав про *сексапильность*²⁸, сразу представляет себе этакую диву, вульгарно размалёванную и с прелестями, выставленными напоказ, – идиоты в квадрате. Да посмотрите же вы внимательнее на фотографии кинозвёзд, к которым газетчики разных эпох применяют это самое слово!.. Оставьте пустые глаза и порнографические купальнички действительно безмозглым девицам, рекламирующим прокладки и жвачку. В глазах женщин, вправду заслуживающих называться *влекущими*, светится ум, глубина души и готовность к пожизненной – «пока смерть не разлучит нас» – верности любимому человеку. А пресловутые прелести, наоборот, укрыты завесой застенчивости. И подобное сочетание качеств разит мужские сердца наповал. И тысячи поклонников рыдают ночами в подушку и строчат письма кумирам в недостижимой надежде на счастье...

...И Владимир Игнатьевич Гнедин, заместитель начальника юридического управления, точно безусый подросток, ощутил жгучее желание совершить немедленный подвиг. Вынести ребёнка из горящего дома. Отрубить Змею Горынычу все три головы... На глазах у Даши, естественно.

Он почувствовал, что «плывёт», как боксёр после нокдауна, и, пытаясь прийти в себя, начал неведомо для чего записывать на чистом листе её имя-фамилию-отчество. Она в это время кратко и с юмором пересказывала суть ситуации. Она эту речь не готовила – вдохновение накатило само. Гнедин слушал её, как слушают звери. Не понимая слов, только интонацию, голос... И тонул, тонул...

Всё-таки психологический тренинг его выручил. Владимир Игнатьевич сумел ничем не выдать себя. Даже изобразил искреннее внимание и доброжелательную улыбку.

– То есть, как я понял, необходимо доказать, что ваш отец в самом деле является сыном вашего дедушки, академика Новикова? – наконец уловил он суть Дашиной просьбы. И сам ощутил, как неловко, неуклюже прозвучал его вопрос, а в голос, кажется, пробились-таки предательская хрипотца.

– Если необходимо, мы на генетическую экспертизу пойдём!.. – полушутя, но отважно предложила Даша. – Как Романовым делали. Мы, конечно, не царского рода, но... всё-таки...

– Думаю, разрешим ваше дело и без генетиков...

– Правда? – удивилась она.

Гнедин понял, что её успели убедить скорее в обратном. В том, что вопрос абсолютно «глухой» и даже генетическая экспертиза вряд ли поможет.

Вообще-то, Дашин приход был абсолютно не по его ведомству. Клиентами «с улицы» юридическое управление не занималось. Но... вот же он, подвиг. И есть возможность свершить его прямо тут, немедленно. Даже не вылезая из служебного кресла.

– Можно уточнить, куда переехали ваши бабушка с дедушкой, когда встретились снова?

– В Петербург. То есть в Ленинград...

– И свидетельство о признании отцовства здесь получали?

– Да...

Гнедин повеселел окончательно. Да при его-то возможностях...

– Вот это и называется «от Понтия к Пилату гонять», – сказал он. – Вешал бы я кое-кого. Нашли неразрешимый вопрос!.. Вам всего-то нужно пойти в Центральный городской архив и

²⁸ От *англ.* sex appeal – зов пола.

запросить копию. Они и сделают за неделю-другую... А впрочем... Вы как, не торопитесь? – спросил он и позволил себе наконец улыбнуться.

– Конечно нет...

– Тогда не будем заставлять всемирных издателей две недели стоять у вашей двери...

Вот когда Гнедин развернулся во всём блеске своих административных талантов!.. Он связался лично с директором архива, тепло, точно со старым знакомым, с ним поздоровался и продиктовал ему Дашины данные. Его водитель тем временем уже мчал в машине курьера, чтобы получить документ и мигом отвезти назад к шефу. Через двадцать минут расторопный курьер вошёл в кабинет и – вот оно, то самое свидетельство, на столе перед Дашей. Гнедин лично сделал три ксерокопии. Завизировал и поставил печать.

– Только прямо буржуям своего дедушку не отдавайте, – сказал он, прощаясь. – Есть у меня одно нашенское хорошее издательство на примете...

Приобретение

Техника любит ласку, чистоту и смазку. На спидометре «нивы» в очередной раз округлились четыре нуля, и Снегирёв отправился с надлежащим визитом на Бронницкую улицу – к Кириллу Кольчугину в его «Авто-Айболит».

– Как «Гидроник»? – пожимая руку Снегирёву, сразу поинтересовался Кирилл. Он имел в виду автономную немецкую печку для подогрева двигателя перед пуском; его мастерская совсем недавно стала в Питере третьей по счёту, где ставили такие устройства, и Кольчугин считал долгом лично «курировать» каждый смонтированный агрегат.

– Полный восторг, – искренне похвалил Снегирёв. – Помнишь, на той неделе мороз был? Так она десять минут – и всё тёпленькое.

Двое кольчугинских подчинённых взяли ключи и укатали автомобиль в бокс, вывешивать на подъёмнике.

– И салон хорошо нагревает? – осведомился Кирилл. У него стояло в ближайших планах устройство рекламного стендика, оформленного по отзывам клиентов.

– Салон!.. – хмыкнул Алексей. – Я её тут как-то раз на таймер поставил, чтобы утром не ждать. Хорошо, ума хватило стояночного деателя предупредить, мол, в семь тридцать сама собой забормочет... чтобы он то есть пожарных с перепугу не вызвал. Прихожу – печка к тому времени где-то полчаса отработала... Все машины как машины, белыми подушками, а моя себе арии поёт – и только пар во все стороны. Дежурный вокруг бегаёт, руками размахивает... Спасибо, говорит, что сказал, а то и правда испугаться недолго. Пришлось капот открывать, показывать, что там за нечистая сила...

Во дворе, приютившем кольчугинское хозяйство, стояло несколько поддонов кирпича и громоздились большие кучи песка: Кирилл, по обыкновению, что-то перестраивал и расширял. Ходили, в частности, упорные слухи о перепланировке древнего бомбоубежища и о выращивании в дальних его закоулках грибов – на продажу и для кафе. Грибы Снегирёв очень любил и с нетерпением ждал материального подтверждения слухов. Видимо, кирпичи и песок как раз для этого и предназначались, ибо рядом возвышалась горка строительного хлама, происходившего явно из бомбоубежища. На самом верху кучи торчал фанерный щит с доисторическим плакатом по гражданской обороне. Плакат сохранился на удивление хорошо. Снегирёв сразу вспомнил школьное детство и с ностальгическим чувством взгляделся в выцветшие картинки. На горизонте поднимался ядерный гриб, и граждане с чемоданами чинно, строго соблюдая очередь и пропуская вперёд женщин с детьми, садились в поезд для отправки в эвакуацию. По улицам ездил машина оповещения, свинцово блестели окна, и граждане столь же чинно спускались в пресловутое убежище – естественно, оснащённое всем необходимым для жизни. Потом граждане с олимпийским спокойствием ожидали, пока военные спасатели извлекут их из-под радиоактивных развалин. Художник, видимо, полагал, что это некоторым боком соотносилось с вероятной действительностью. (*А может, и не полагал*, хмыкнул про себя Снегирёв. *Ну и что ему прикажете на учебном плакате изображать?..*)

Рядом были изображены и расписаны параметры разных ядерных взрывов: наземного, атмосферного, космического.

– Раритеты выбрасываешь, – сказал он Кольчугину. – Открыл бы там второе кафе. С соответствующим колоритом...

– Стоит бабка на базаре, у неё ценник: «Помидоры черномыльские, двадцать тыщ килограмм», – усмехнулся Кирилл. – Мужик подходит: «Бабуль, вы чё, с дуба рухнули? Кто же купит-то?..» – «И-и, сынок, да ещё как берут! Кто для зятя, кто для тёщи...»

– А ты не смейся, – сказал Снегирёв. – Я вот был в одном заведении... Потолок даже я, мелкий, волосами цепляю, по стенам – ведра, каски, багры, сверху лампочки в таких, зна-

ешь, небьющихся сетках криво висят, столы на козлах и при них табуретки, на столах сплошь изречения вырезаны. Сантиметр глубиной. А цены, между прочим, твоим не чета. И при входе двое со «стечкиными»...

– Ага, – задумался Кольчугин. – Так и назвать – «Бомбоубежище». Счётчики эти самые, метроном... И каждому при входе противогаз...

– Котлеты «Четвёртый блок», – цинично посоветовал Снегирёв.

В это время из клетушки рядом с шиномонтажом выкатилась разъездная беленькая «восьмёрка» и, легко лавируя между мусором и кирпичами, направилась к выезду со двора.

– О! – обрадовался Кирилл. – Сейчас кое с кем тебя познакомлю! – И крикнул вслед машине: – Никита! Притормози!..

Водительское окошко «восьмёрки» было настежь раскрыто. Оттуда высунулся, оборачиваясь на оклик, молодой светловолосый мужчина. Только лучше бы он не оборачивался: «восьмёрка» немедля наехала левым колесом на засыпанную снегом кучу песка и благополучно села на брюшко. Спohватившись, водитель подал машину назад... Никакого эффекта.

Кирилл засмеялся. Мастера и клиенты, присутствовавшие во дворе, весело (пустячок, а приятно!..) оглядывались на потерпевшего бедствие, и было видно, что его знали здесь и любили. Кто-то уже двинулся вперёд – выручать. Водитель, однако, посторонней помощи дожидаться не стал. Он вылез наружу, оказавшись крупным, широкоплечим и крепким. Обогнул «восьмёрку», наклонился, ухватил автомобиль за корму... Взревел, поднял и переставил на добрый метр, стаскивая с песка. Отряхнул ладони, вернулся за руль... Сделал всем ручкой – и как ни в чём не бывало покатыл со двора.

– Ну!.. – только и сказал Снегирёв. – Ещё не выродился, я смотрю, русский народ.

– А познакомиться-то!.. – спохватился Кирилл. – Ладно, вернётся ещё, пока твою потрошат.

Алексей равнодушно поинтересовался:

– Кто такой хоть? Ты сказал, Никита... как там его?

– Новиков! – Кирилл воздел кверху мозолистый, со следами въевшегося масла указательный палец. – Вон джип стоит, – кивнул он на высокий золотистый автомобиль, припаркованный в уголке. – Его «уазовский». Сам из Ульяновска припёр и теперь в хвост и в гриву гоняет. Чтоб знать, хвалить людям или нет. А изобретений наплодил больше, чем я за свою жизнь приросших гаек отвернул. Вот.

– Сотрудничаете, значит, – подвёл итог Снегирёв. Он уже догадался, что Кирюшка сейчас начнёт сватать ему очередную техническую новинку. Если честно, эта мысль особого энтузиазма не вселяла.

– Ещё как сотрудничаем!.. – одёрнул неизменный ватник Кирилл. – Никита в карбюраторном институте раньше работал, так теперь знаешь что выдумал? «Бензогаз» – устройство такое...

– И что оно? – вздохнул Снегирёв.

– Оно так распыляет бензин, что на выходе получается уже не взвесь из капелек, а натуральный газ. Потому и называется. Ну и сгорает – на чистую воду и углекислый! Проверено!

– Где-то мы уже обо всём об этом читали... – покивал головой Алексей. – Свежесть зимнего утра... Годичная экономия на бензине позволит вам поменять «запорожец» на «мерседес»...

Рекламные объявления подобного свойства действительно попадались нередко. Потом какой-нибудь серьёзный автомобильный журнал проводил тест и публиковал разгромную статью с результатами. Одна беда – фирма-изготовитель, как правило, успевала настричь денежек и благополучно растаять в тумане.

– Ты не смейся, – сказал Кольчугин серьёзно. – Тебе хаханьки, а Никита с этой шарманкой медаль на выставке получил. Золотую. В Париже.

– Только не говори мне, что за экологию...

– За неё самую.

– Ой, Кирюха, – горестно предрёк Снегирёв, – помяни моё слово: наживёшь ты себе с ним геморрой...

Кольчугин крепко взял его за колечко «молнии» на груди:

– Знаешь что? Я вот сейчас пойду и сам лично тебе «Бензогаз» в машину всобачу. Совершенно бесплатно. Поездишь, попробуешь... Понравится – купишь. А не понравится – опять же бесплатно сниму. И убытки, если какие будут, – с меня.

Снегирёв секунду молчал, глядя ему в глаза. У них с Кириллом были очень давние отношения, начавшиеся с того, что Алексей спас ему жизнь. Скунсу слишком хорошо было известно, как мало это обстоятельство на самом деле значит. Ещё он знал, что Кольчугин, по крайней мере, смутно догадывается – его ангел-хранитель и постоянный клиент работает далеко не воспитателем в детском саду. Алексей мысленно взвесил самые разные вероятности, касавшиеся новиковской «шарманки». И тот факт, что никакого затаённого страха Кольчугин не излучал. Если не считать нормального волнения мастера, готового до конца отстаивать честь технического шедевра, несправедливо поставленную под сомнение.

– И вообще, – сказал Кольчугин. – Я тебя когда-нибудь подводил?

– Аллах акбар, начальник! – Снегирёв вскинул руки в шутовском отчаянии. – Да хоть вечный двигатель. Только отстань...

Ирина Гнедина возвращалась домой с прогулки. Прогулка состояла в том, что она не спеша дошла до Новочеркасской площади, спустилась в кольцевой подземный переход и проделала по нему полный круг, останавливаясь у каждого ларька и подолгу рассматривая китайско-турецкое барахло на витринах. Она могла бы вызвать машину и отправиться по лучшим городским магазинам. Иногда она так и поступала. Иногда же пешком обследовала дешёвые точки на Новочеркасской или на знаменитом вещевом рынке у Ладожского вокзала. Даже рылась в импортном вторсырье, сваленном на продавленные раскладушки в загончиках, громко называемых магазинами second hand. Малоимущие бабушки, подыскивавшие на толкучке дешёвую одежку внучатам, недоумевающе косились на холёную барышню: Ирина ходила в песочной шубке, а в ушах у неё поблёскивали настоящие бриллиантовые серёжки. Не иначе, думали бабушки, любит шить, вот и вертит так и этак иностранные вещички, высматривает фасон!.. Но нет, Иринины портновские таланты не простирались дальше неохотного пришивания пуговиц. Не страдала она и неудержимой страстью к покупкам – приценивалась и смотрела больше ради забавы. Вот и сегодня Ирина приобрела всего одну вещь. И то не в ларьке и даже не с расстеленного на земле мягого полиэтилена. Её внимания удостоился зачуханный алкоголик, стоявший возле выхода из подземелья. Вернее, не сам алкоголик, а некий предмет в его отёчной сизой горсти. Этот предмет вбирал тусклый свет пасмурного зимнего дня, а потом, накопив порцию, выбрасывал её сквозь прозрачные лучистые грани, рождая неожиданные отблески.

– Сколько? – останавливаясь, спросила Ирина. Она была небрезглива.

– Пятнадцать, – с надеждой произнёс пьяница. – Берите, дамочка, не пожалеете. Видите, как играет? Гусь-Хрустальненская...

Ирина вручила ему три пятитысячные бумажки и взяла из грязной руки небольшую, но довольно увесистую солонку, сделанную в виде капустного кочана. Завиток прозрачных листьев с изящным углублением для соли, видимо, символизировал осеннее квашение капусты. Ирина положила приобретение в сумочку, рядом с кошельком, косметичкой и сотовым телефоном. И пошла дальше – домой.

В этот день возле самой парадной её ожидала нечаянная находка. Проходя через двор, Ирина издалека разглядела в затоптанном сером снегу нечто ярко-зелёное и, приблизившись, перевернула носком сапожка... кусок кактуса. Неведомо как угодивший на пешеходную дорожку двора. Быть может, надоевшее растение несли в помойку выбрасывать и по дороге сломали. Или подростки открыли окно покурить и нечаянно зацепили горшок... Как бы то ни было, зелёный тропический обломок лежал в стылом ленинградском снегу и, по всей видимости, был ещё жив. Ирине даже вспомнилось нечто полузабытое: похожий цветок стоял когда-то в Университете, на английской кафедре, где она изредка появлялась студенткой. Назывался он вроде бы «филокактус» – и то верно, чему бы ещё расти на филфаке?.. И он красиво так цвёл, мясистыми малиновыми граммофончиками, лишёнными, правда, всякого аромата, но зато ронявшими на пыльный подоконник большие липкие капли нектара...

Ирина в раздумье постояла над кактусом, потом нагнулась и подняла. Дома она поставила обломок в баночку с водой и водворила на подоконник. А хрустальную солонку отправила в раковину – вымыть при случае.

Чудеса, да и только

Кажется, ни для кого уже не секрет, что сообщество человеческих недорослей, особо не обременённых понятиями чести и правды и вдобавок предоставленных самим себе, начинает жить по законам животной стаи. Сколько пролито на эту тему чернил, сколько написано популярной и художественной литературы... а воз и ныне там. Родители так и пребывают в убеждении, что этический багаж должен возникать у отпрысков «сам».

Вот он и возникает. Да такой, что мы за голову хватаемся... в очередной раз забыв, что «само» в нас способно проявиться лишь диктуемое нашей биологической природой. Над которой без должного воспитания ничто не возвысится, не сделает двуногое существо настоящим Человеком Разумным.

Между тем стайная мораль сама по себе не хороша и не плоха. Она всего лишь заботится о сохранении вида, оставляя за скобками всякие мелочи, например индивидуальность. И поэтому в ней присутствует как «не обижай маленького» и «лежащих не бьём», так и «выживает сильнейший»... Человек может поднять эту мораль на качественно иную ступень. Сделать неприкосновенным не только детёныша своей стаи, но и вообще любое дитя. Оказать уважение не только своей самке, своей подруге, – любой женщине...

Но может он и использовать свою разумность для разрушения даже первобытного кодекса, доставшегося от дикого предка.

Этот кодекс, в частности, именует юных самцов племени *братьями*. Подростки, уже озабоченные иерархическими интересами, но ещё не нажившие ума и оттого способные всерьёз покалечить друг дружку, не смеют поссориться. Безобразие мигом пресекут взрослые во главе с мудрым вожаком, умеющим отличить опасную драку от безобидной возни. Выбитые зубы, сломанные кости – ущерб для стаи. А ей, стае, нужны все её сыновья, будущие воины и добытчики, будущие отцы...

...Вам не понравилось только что прочитанное? Вы не поверили? Тогда приглядитесь внимательнее к собственному сыну, городскому цивилизованному подростку. С какой неохотой он отправляется в булочную за хлебом! Лень? Ничуть не бывало. Просто по пути вполне может встретиться компания сверстников, исповедующая один принцип: дави всякого, кто слабей. А взрослые, могущие оказаться рядом, не только вмешиваться не будут, но и постараются скорее исчезнуть. Проверенный факт.

Ещё недавно Олег старательно обходил дворы за магазином «Аквариум». Там, в этих дворах, ему пришлось пережить немало эпизодов, столь невыносимых для гордости, что он ни словом не обмолвился о них дома. Только молчал и отворачивался, когда родители выговаривали ему за истерзанную куртку или шапочку, явно побывавшую в луже. «Не ценишь трудовых денег, не бережёшь вещи! Вот мы в твоём возрасте...» Что взять с родителей, у них одна заезженная пластинка на все случаи жизни. Теперь Олег мысленно оглядывался на тогдашние проработки и великодушно прощал. Да и как не простить, если самый грозный житель опасных дворов, носивший, и не зря, прозвище Питбуль, встретился с ним на углу и внезапно заулыбался:

– Я тя с Жирафом видел, слышь?..

– Ну, – без прежнего страха согласился Олег. – Нас Плечо боевым искусствам... в общем, тренирует. В «Факеле»...

– А нас привести в зал можешь? Хоть посмотреть?.. – просительно проговорил Питбуль. Обычно в его голосе звучали совсем другие интонации.

– Ну... – повторил Олег. – Поговорить надо...

Он слишком хорошо помнил, как Питбуль год назад вытирал ноги о его новую куртку. Потом старательно топтался в грязной луже – и опять вытирал.

– И ты к нам приходи, слышь? Мы ж теперь выросли, это мы раньше... Так скажешь Жирафу?

Мирное соглашение следовало подкрепить действием, и Олег смягчился:

– Ладно. Жирафу-то я скажу, надо только, чтобы ещё Плечо добро дал. Если даст, я вашим просигналю...

Его самого привели в додзё лишь недавно, и Плечо он в глаза видел только три раза, но и эти три раза дорогого стоили. Все, с кем он прежде боялся столкнуться на улице, теперь уже издали дружески кивали ему. В общем, уровень самооценки Олега Благого стремительно пошёл вверх.

Уличные взаимоотношения были главной причиной. Но не единственной.

Как ни странно на первый взгляд, своё увлечение математикой Олег никоим образом не связывал со школьной учёбой. Анна Павловна добывала ему толстые умные книги, и он их штудировал просто потому, что ему это нравилось, вовсе не имея прицела заработать отметку повыше.

Поэтому его изумило и даже напугало неожиданное происшествие на контрольной.

Математику вела в его классе лично завуч Надежда Ивановна. Она начертала на доске условия задач – по три штуки на каждый вариант, – и класс напряжённо затих, уткнувшись в тетрадки. Спустя минуту завучиха перестала грозно озирать ученические затылки, села к столу и занялась классным журналом. Тогда ребята начали беспокойно переглядываться, и не только забубённые двоечники, вечно суетящиеся, у кого бы «скатать». Задачки по стереометрии обещали стать крепким орешком для всех, кроме, может быть, отличницы Маши. К ней уже плыло с парты на парту несколько записок, но без особой надежды. Всем было известно, что Маша списывать не давала.

Олег в общем смятении не участвовал. Его слегка озаботила только третья задача, да и то тем лишь, что в условии обнаружилось «лишнее» данное, и он из спортивного интереса стал проверять, согласуется ли оно с полученным решением. Всё в общей сложности заняло минут десять. Потом он стал смотреть в окно, и постепенно на него напала зевота.

– Благой! – резкий окрик завучихи заставил его подпрыгнуть. – Ты, я смотрю, всё уже решил?

– Я... ну, в общем... решил.

– Неси сюда.

Олег, провожаемый хихиканьем классных недоброжелателей, подошёл и положил тетрадку на учительский стол... Надежда Ивановна бегло просмотрела его контрольную и брезгливо сунула тетрадь обратно ему в руки.

– Всё неправильно! Иди переделывай!

Олег вспотел и отправился переделывать. Этим он занимался до самого конца урока. Его тетрадь обогатилась несколькими способами решения каждой задачи, но – вот беда! – результаты остались прежними.

На следующем уроке выяснилось, что первую задачу Надежда Ивановна сверяла не с тем вариантом, по второй в учебник вкралась ошибка, а что касается третьей – она настолько не ожидала от Благого толковой работы, что не стала её и смотреть.

Она поставила Олегу пятёрку. С жирным минусом за плохой почерк. И никак не прокомментировала случившееся на уроке.

Цхрыслер

В почтовом ящике время от времени возникала многокрасочная коммерческая газетка. Она была отпечатана на полиграфическом уровне, достойном альбомов про Эрмитаж, и приглашала питерцев стройными рядами в один из ближних городов Финляндии – за покупками. Соответственно, разворот газетки являл собой панораму тамошних магазинов. И паноптикум счастливиц, сделавших невероятно выгодные приобретения. Рожи у приобретателей новой мебели и кухонных комбайнов были всё такие, с какими полагалось бы переживать высший духовный взлёт напряжённой творческой жизни.

– Нырните в мир унитазов от «Кяймеля»...²⁹ – фыркнул, повертев газетку в руках, тёти-Фирин жилец Алексей. Если бы этот циник изрёк нечто иное, было бы поистине удивительно.

Валя Новомосковских настроен был не так радикально. Рекламный листок одновременно радовал его и огорчал. Огорчал – ибо на сегодняшний день у Вали ещё не было возможности запросто кататься к «финикам» и обратно, прикупая под настроение то шубку жене, то водный мотоцикл для себя. А радовал тем, что обрисовывал перспективы и позволял помечтать. Ведь когда-нибудь наступит же день!..

Кроме того, в газетке было много приколов, позволявших ощутить себя утончённым интеллектуалом. Например, реклама фирменного салона японских автомобилей. Под названием «Харакири». Ни больше ни меньше. Соседний магазин хлестался осчастливить клиента любым автомобилем Америки: «фордом», «шевроле», ещё всякими разными и... «ЦХРЫ-СЛЕРОМ».

Напоровшись на этот орфографический шедевр, Валя Новомосковских вначале недоумённо нахмурился. Даже на секунду решил, будто штатовцы выродили новый автогигант, о котором он по некоторой причине ещё не слышал. Потом до него дошло. Нерадивые финские газетчики «перевели» на русский язык слово «Chrysler», ничтоже сумняшеся подобрав каждой английской букве вроде бы соответствующую русскую. Ноги бы выдернуть тому, кто такое соответствие выдумал. Чтобы вместо всем известного «крайслера»... «То есть знаю отлично я, как они произносятся, но что-то весьма неприличное на язык ко мне просится...»

В общем, Валя тот раз хохотал долго и от души. Всегда приятно почувствовать себя умнее кого-то. Самым же пикантным ему показалось то, что у «фиников» под рукой не нашлось русскоговорящего мэна, к которому можно было бы обратиться за консультацией. Ещё ладно бы где-нибудь на островах Раротонга, там, может, русских со времён Крузенштерна действительно не видали. Но за двести вёрст от Питера – ой, мамочки, не могу!..

В этом плане Валу было не надуть, ибо он, как положено любому уважающему себя бизнесмену, в Финляндии всё-таки пару лет назад побывал. И первый же прохожий, к которому он, мобилизуя рожи и ножки английского, зачем-то обратился на улице, ответил: «А может, по-русски?..» Мужик оказался россиянином, женатым на финке и постоянно проживающим в Хельсинки. То есть, как в Святой земле, «на четверть бывший наш народ». Рекламщики, едрёна-матрёна!..

Косвенным следствием той давней уже публикации являлась Валина неадекватная реакция на «крайслеры», время от времени встречавшиеся ему на питерских улицах. Вот и теперь, подъезжая по Фонтанке к мосту Белинского, закрытому на вялотекущий ремонт, и поглядывая на зелёный металл идущего впереди автомобиля, Валя неудержимо расплывался в улыбке, периодически хмыкая:

– Цхрыслер!

Звучало как анекдот.

²⁹ По-фински – сортир.

Минуя мост, набережная образует ощутимую горочку. Светофор впереди горел красным, и «крайслер», подъехав, остановился на подъёме, а Валя – следом за ним. По ту сторону стёкол сгустились зимние сумерки, но внутри громко пела о мальчиках-хулиганчиках Маша Распутина и было тепло. На светофоре вспыхнул сначала красно-жёлтый, потом зелёный. Машины по сторонам сорвались с места. Валя включил передачу... но «крайслер» не двигался. И даже ключья белого дыма перестали взлетать из-под кормы. Оплешность водителя была тому виной или общая изнеженность иномарки, не рассчитанной на наши условия, – осталось неизвестно. Мотор машины капитально заглох, и пока водитель безуспешно пытался его завести, «крайслер» начал скатываться под уклон. Задом наперёд. Прямо на...

– Блин!!!! – заорал Валя и принялся отчаянно сигналить. Было, однако, уже поздно. Зелёная корма иномарки тупо бухнула в передок его машины и тяжело навалилась.

И вот тут Валин «жигуль» сполна отплатил хозяину за небрежение, за то, что, думая в обозримом будущем сменить ржавую «шестёрку» на нечто более престижное, он гонял её на износ, откупаясь от техосмотра традиционной бутылкой. Настал момент истины: Валя ругался и что было мочи давил на тормозную педаль, но давно облысевшая резина, в мирной-то жизни еле державшая «жигули» на скользком подъёме, с добавочным весом справиться уже не могла. В результате сцепленная с иномаркой «шестёрка» тоже заскользила назад.

Неотвратимо надвигаясь на маленький, отчётливо дамский «ситроен»...

В «ситроене» действительно сидела молодая элегантная дама. Однако разудалые сатирики, привыкшие иронизировать по поводу женщины за рулём, очередной раз сели в галошу. По части самообладания у неё оказался полный порядок. Она оглянулась, увидела, что позади никого нет, и проворно откатила свой автомобильчик на безопасное расстояние. Потом вывернула руль, невозмутимо объехала участников происшествия – и была такова.

Две машины сползли наконец с подъёма и остановились. Валя ткнул кнопку аварийных огней, забыв, что они, как ещё многое в его «шестёрке», давно не работали, и выскочил обозревать материальный ущерб.

Останавливаясь, машины немного отошли одна от другой – подробности соприкосновения удалось рассмотреть без труда. Валя сразу испытал немалое облегчение, увидев, что вправду имело место лишь соприкосновение, не более. Бампер «шестёрки» был немного помят, но, поскольку он и прежде не блистал новизной и чёткостью очертаний, заметить новое повреждение мог только хозяйский наметанный глаз. Более приземистый «крайслер» от контакта с советским изделием заработал цепочку небольших вмятинок и царапину на крышке багажника.

Тоже не бог весть что для подержанного автомобиля.

Валя успел даже решить, что проявит великодушие и отпустит владельца «крайслера» с миром... В это время захлопали дверцы, и из иномарки не спеша выбрался экипаж. Два молодых человека, оба – симпатичные очкарики, похожие на кандидатов философских наук. И с ними третий, по виду – вовсе пацан.

Именно этот «пацан» и подошёл к Вале, чтобы жизнерадостно сообщить:

– Ну, мужик, ты попал!..

– Чего-чего?.. – не поверил своим ушам Валя Новомосковских.

– Чего, чего! Того самого, – передразнил «пацан». – Давно, спрашиваю, тормоза-то проверял?

– Какие тормоза?.. – Валя не находил слов.

– А те самые. На которых ты в нас въехал.

Валя молча открыл и закрыл рот.

– Вешаем на тебя три штуки зелены, – подвела итог противоборствующая сторона. – Сразу отстегнёшь или счётчик будем включать?..

Князь на белом коне

Все привокзальные кафе называются «Встреча». А что? Не «Разлуками» же их, действительно, именовать. Название должно содержать положительный аспект. Позитивный, как теперь принято говорить.

Владелец данного конкретного заведения решил, видимо, проявить фантазию и оригинальность. Небольшое уютное кафе, расположенное рядом с Московским вокзалом, именовалось «Посошок». Кормили здесь хорошо, а поили и того лучше. И не подлежало никакому сомнению, что «Посошок» внёс далеко не худшие страницы в народную летопись опозданий на поезд, случившихся из-за слишком тёплых прощаний.

Если, впрочем, не страдать дурацкими комплексами насчёт названия, здесь можно было достойно отметить и встречу. Игорёшка толкнул стеклянную дверь, и они шагнули из темноты и сырости мозглового зимнего вечера в уют, тепло и тихую музыку: сам Сморчок, за ним Тарас Кораблёв и браток по имени Тёма, только что вернувшийся из Казани.

Дом был старый, и в незапамятные времена в этом помещении, возможно, функционировал при жилищном управлении «красный уголок», куда родители водили малышей в кружок английского языка. Теперь возле входа располагалась стойка с дверью на кухню, посередине стояли два довольно больших, персон на шесть каждый, стола, а пространство у дальней стены аккуратно разгородили на «кабинетки».

В данный момент большие столы были сдвинуты воедино, и за ними шумно веселилась компания. Стояли полные, пустые и полупустые бутылки, на пол падали вилки, в салатничках с недоеденными закусками дымились окурки. Разгорячённые лица, слишком громкий разговор, щедро сдобренный красотами русского языка... До плясок на столах дело пока ещё не дошло, но опасность кому-то не успеть к поезду присутствовала однозначно.

Тихвинцы (к которым уже некоторое время причислял себя и Тарас) скромно прошли мимо шумной компании и устроились в угловом кабинетике. Почти сразу появилась девушка, обмахнула стол, разложила салфетки-вилки-ножи, принесла свежую пепельницу, подала Игорю упакованное в пластиковый кармашек меню. Девушка была совсем не такая, какую ожидаешь увидеть в подобном месте и на подобной работе. Все знают, что официантка должна быть решительной и разбитной, способной одним взглядом урезонить алкоголика и поставить на место зарвавшегося клиента. Эта – может быть, станет такой через годик, только лучше бы не становилась. Тихоня с нежными маленькими руками, краснеющая от мужских взглядов... Тарас посмотрел ей вслед и задумался. Она ему кого-то напоминала. Кого?..

– Ехал я, блин, раз на поезде, – сказал вдруг Сморчок. – Давно. Ещё предки в Сочи возили...

– Было же время, мать его так-то, – кивнул Тёма.

Они были взрослые люди, помнившие, что и как (а также почём) было лет пятнадцать назад. Не чета нынешней мелкоте, для которой добеловежский период сразу переходил в каменный век.

– Так вот, – продолжал Игорь. – Только-только отъехали, выясняется, что в соседнем купе висят какие-то пэтэушники. Звездорванцы, ясное дело. Первый раз от мамок оторвались. Бельё не берут, а всего багажа – сплошная водяра...

Тёма кивнул, щёлкая зажигалкой:

– Которую они, ясный перец, тут же хлестать...

– А то, – хмыкнул Игорь. – Ещё по Питеру едем, а они уже на такой кочерге... Мои маманя с папаней переживать, как, мол, будет ночью и всё такое. А там проводница была... – Сморчок даже глаза закатил. – Вах, какой жэнщина...

Тёма с Тарасом заинтересованно ждали продолжения.

– По коридору вагонному она, в общем, боком ходила. – Игорь широко развёл руки, очерчивая в воздухе контуры роскошной фигуры. При электрическом свете ярко блеснула алмазная крошка на его «гайке». Эту «гайку» он великодушно давал Тарасу примеривать, но, во-первых, она ему на палец не влезла, а во-вторых, Тарас пришёл к выводу, что перстень на руке создаёт страшное неудобство – и как только Сморчок управляется?.. – И притом... с такими яйцами баба, что ё-моё, да и только, – рассказывал тем временем Игорёк. – Как шас помню, стоит она перед дверью купе, где их шобла обосновалась, и одной рукой пацана за грудки трясёт, так что у него пятки чуть не над полом мелькают, а в другой руке держит пузырь, у него отнятый. «Ты, мать твою, – кричит, – мне ещё раз лекальник разинь!!! Так тебя, вот так, ещё так и растак!!!» И – хлопбысь бутылку в окно! Лето было, жара, блин, да поезд только что у перрона стоял, внутри крематорий, окна все нараспашку...

– Это что, – посмеявшись, сказал Тёма. – Мне вот хуже пришлось. Я нонеча до Москвы с одним семейством в купе ехал. А у них пацан лет этак трёх...

– Абзац, – вполне искренне посочувствовал Игорь.

Тёма страдальчески сморщился:

– Не то слово, абзац! Они через каждый час его на парашу сажали. Горшок то есть ставят на полку и киндера сверху, чтобы жопку сквозняком не надуло... И потом подтирают его прямо у меня перед мордой... А мне и наружу лишний раз не свинтить...

Причина его мученичества, из-за которой он путешествовал поездом, а не самолётом, покоилась в тяжёлой и ужасно таинственной сумке. Тёма тотчас по прибытии положил её в камеру хранения на вокзале. Может быть, сумку оттуда уже и забрали. Кто? А кто надо.

Между тем девушка, принимавшая у них заказ, появилась из кухоньки с большим подносом в руках. Она направилась в сторону «кабинетика», стараясь как можно дальше обойти гогочущую компанию за сдвинутыми столами, и Тараса вдруг осенило. Княжна! Так могла бы в первые советские годы выглядеть княжна, скрывшая «нежелательное» происхождение и поступившая на работу. Тарас читал о чём-то вроде этого в книжках. Пока ещё жива была бабушка и заставляла его книжки читать...

Тарас смотрел на приближавшуюся «княжну» и думал о том, что она и сама была где-то как-то похожа на его покойную бабушку – какой запечатали её древние фотографии в бархатном альбоме с застёжками. Тарас спохватился, начал ни к селу ни к городу вспоминать, где конкретно у него в комнатухе валяется этот самый альбом, и решил про себя, что, вернувшись, обязательно вытащит его. И сравнит.

– Приятного аппетита... – Девушка аккуратно разгрузила поднос. Тёме – фирменные котлеты. Сморчку – копчёную курицу. Тарасу – ломоть жареной осетрины с гарниром из овощей. Теперь он мог себе позволить даже и не такое, и было смешно вспоминать, как совсем недавно он пёр домой сумку картошки с родительского участка и радовался временному продуктовому «изобилию».

– Спасибо! – единственный из троих поблагодарил он официантку. Не то чтобы он был таким уж вежливым и воспитанным. Просто иного способа привлечь внимание девушки с ходу придумать не удалось.

Она не отреагировала. В смысле, не посмотрела на него, не улыбнулась. Лишь коротко кивнула:

– Пожалуйста.

Тарас неожиданно огорчился, осознав: он-то для неё никакой не особенный. Не князь на белом коне. Всего лишь очередной из, наверное, ста посетителей, которых она видит за день... Он даже слегка обиделся, что, понятно, было совсем уже недостойно крутого бандита. Мрачно уткнулся в свою осетрину – и стал есть.

Приглушённый девичий писк заставил его поднять голову. Оказывается, «княжну» всё-таки подозвали гулявшие за сдвинутыми столами, и процесс заказа очередной порции спирт-

ного плавно перетёк сначала в заигрывание, а потом – в попытку усадить девушку к себе на колени. Оказать решительное сопротивление значило устроить скандал, и официантка попыталась решить дело миром. Что было подвыпившими мужчинами закономерно воспринято как кокетство.

Маячивший при дверях крупный дядька, облачённый в неизбежный камуфляж, оглянулся на шум, но ничего не сделал и не сказал.

Тарас ещё не силён был в «понятиях» и не утрудился задуматься, полагалось ли в данной ситуации заступаться за жертву. Он просто вмиг забыл про еду, издал глухое рычание и сделал движение подняться. Увы, дизайнер, строивший кабинетики, спроектировал их в явном расчёте на худосочных дистрофиков: крупный, мускулистый Тарас едва не застрял.

– Мужики! – опередил его Игорёк. – Дело прошлое, мужики, вы чуток потише бы, а?..

Реакция на вежливую (как было принято у тихвинцев) просьбу тоже оказалась вполне предсказуемой. Девушку ущипнули за мягкое место, обозвав «дрючкой». Трое молодых людей были удостоены ещё менее лестных эпитетов. После чего в выражениях, очень далёких от придворного этикета, им было предложено удалиться. Не то, дескать...

Тёма с Игорем переглянулись, одновременно улыбнувшись. Затем столь же синхронно, не вставая, развернулись к обидчикам. Одинаковым движением сунули руки в карманы, извлекая украшенные дорогим деревом складные ножи «Buck». И разом выщелкнули длинные широкие лезвия, предназначенные резать вовсе не колбасу.

Менее опытный Тарас чуть отстал от приятелей, но это лишь придало его «появлению на сцене» ещё больше тяжеловесной значительности. Он отодвинул мешавшую перегородку и вырос за спинами у Игоря с Тёмой – метр девяносто пять, косая сажень, волосы в хвост, как у Горца по телевизору!.. Неторопливо запустил руку в недра просторной кожаной куртки и... выволок чудовищный свинорез. Благо выпуклые мышцы позволяли укрывать под одеждой не то что нож – даже небольшой пулемёт. Пользоваться кинжалом, аккуратно накануне купленным в «Солдате удачи», Тарас толком ещё не умел, но что при виде него Рэмбо точно сдох бы от зависти – не вызывало сомнения.

От дальнейших агрессий тихвинцы воспитанно воздержались, однако такой надобности и не возникло. Последовала немая сцена. Решительные граждане за сдвинутыми столами начали стремительно трезветь. Тот из них, что минуту назад всех громче ругался, теперь только и придумал ошалело спросить:

– Реб-бята... а вы откуда приехали?

Когда человек наступает на грабли, грех ему не помочь. Тёма дружески улыбнулся мужику и ответил чистосердечную правду:

– Из Казани.

Это было последней каплей. Кто-то немедленно посмотрел на часы, и, естественно, оказалось, что до отхода поезда осталось всего ничего. Компания оперативно принялась собираться, потребовала принести счёт. Когда они выходили, дядька в камуфляже подержал им дверь.

Тарас поставил на место сдвинутую перегородку, и тихвинцы возобновили прерванный ужин.

Валя Новомосковских сидел в ванной на табуретке, запрокинув голову и прислонившись затылком к облупленной кафельной стенке. Кафель приятно холодил, доставляя некоторое облегчение. Больше ничего приятного и хорошего в жизни не было. Кое-как добравшись домой, Валя первым долгом позвонил своему непосредственному работодателю, сирийцу Фараху ан-Наджара, чтобы попросить помощи и защиты. Фараха «крышевал» очень большой человек – вор в законе Француз. Если бы такой человек замолвил словечко... Фарах Валю ценил. Он пообещал сделать что сможет, однако предупредил: последнее время его покровитель пребывал в очень уж дурном настроении – как бы под горячую руку, мол, не попасть...

Теперь Валя сидел неподвижно, зажмурив глаза, и лишь слегка вздрагивал, когда супруга, Витя-Виктория, меняла у него на лице мокрое полотенце. Вале было больно дышать, а из разбитого носа обильно текла кровь. Витя возилась с ним уже, наверное, полчаса, но кровь никак не хотела униматься. Валя всё время ощущал во рту её отвратительный, солоновато-металлический вкус, от которого мало-помалу начинало мутить.

– Господи, – простонала Витя, отжимая очередное чистое полотенце и бросая в раковину снятое с мужниного лица. По белому фаянсу разлетелись бурые брызги. – Валь, дай я лучше «скорую» вызову...

Валя приоткрыл глаза и сразу зажмурился от света лампочки, казавшегося ему ослепительно-ярким.

– Нет!.. – прогнусавил он, сглатывая очередную порцию слюны пополам с кровью. Он никогда ничем не болел и общался с врачами исключительно на шофёрской комиссии. Вызов «скорой помощи» казался ему шагом в бездну. «Скорую», как всем известно, вызывают к умирающим. Так не хочет же Витя в самом деле сказать...

Его одолела очередная волна дурноты, и он сосредоточился на том, чтобы её победить.

Эсфирь Самуиловна Файнберг, вышедшая из своей комнаты с бидончиком для воды, сразу заметила на коридорном полу маслянистые пятна, вереницей тянувшиеся из прихожей. Старая женщина поставила бидончик и проворно нагнулась, присматриваясь. В коммунальном коридоре царили подслеповатые сумерки, но бывшую фронтовую медсестру обмануть было невозможно. Так и есть. Кровь!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.